

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Забайкальский государственный университет»

На правах рукописи

Резников Владимир Викторович

**СТАНОВЛЕНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧИТИНСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНСТИТУТА НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО РЕГИОНА
(1921-1923 ГГ.)**

5.6.1 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
Яремчук Ольга Анатольевна
кандидат исторических наук, доцент

Чита – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Создание и развитие Читинского Государственного института народного образования: нормативно-правовой и организационный аспекты.....	43
1.1. Социально-экономические и политические условия развития высшего образования в Дальневосточном регионе (1920-1921 гг.).....	43
1.2. Формирование нормативно-правовой базы, системы управления и кадрового состава института.....	61
Глава 2. Основные направления деятельности и внутренняя жизнь института.....	78
2.1. Организация учебно-воспитательного процесса и научно-исследовательской работы в условиях трансформации Дальневосточного региона.....	78
2.2. Социальный облик, материальное положение и общественная деятельность студенчества.....	108
2.3. Рабочий факультет и его роль в изменении социального состава студентов.....	128
Глава 3. Ликвидация ГИНО в Чите и ее последствия: общественная реакция и значение института для развития высшего образования Дальневосточного региона в начале 1920-х годов.....	143
3.1. Общественное восприятие ГИНО и его участие в культурно-просветительской жизни Читы.....	143
3.2. Ликвидация ГИНО в Чите: правовые основания и управленческие решения в условиях смены политического режима.....	158
3.3. Место и значение Читинского ГИНО в образовательном пространстве Дальневосточного региона.....	180
Заключение.....	196
Список сокращений и условных обозначений.....	207
Список источников и литературы.....	209
Приложение А. Таблица.....	236
Приложение Б. Рисунки.....	254
Приложение В. Диаграммы.....	282
Приложение Г. Схема.....	285

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Масштабные трансформации в современном российском обществе и задачи по укреплению его социокультурных основ побуждают вновь обратиться к историческому опыту. Важно понимать, как отечественные институты функционировали и развивались в переломные исторические периоды. В этом контексте изучение практики государственного строительства и развития высшей школы приобретает особую научную значимость. Сфера образования является одним из факторов сохранения устойчивости государства, особенно в условиях политических и социально-экономических преобразований. Поэтому история просвещения выходит за рамки изучения отдельных учебных заведений и позволяет рассмотреть роль научно-образовательных структур в обеспечении общественной стабильности в переломные периоды.

Особый исследовательский интерес в этой связи представляет исторический опыт Дальневосточной Республики (1920-1922 гг.). Деятельность Читинского Государственного института народного образования (ГИНО) – вуза, созданного в особых политико-административных условиях Дальневосточного региона в период Гражданской войны, позволяет проанализировать работу академического сообщества в условиях политической нестабильности и хозяйственных трудностей.

Актуальность данной работы определяется несколькими ключевыми аспектами. Прежде всего, необходимо понять, как образовательные учреждения обеспечивают свою деятельность в условиях нарушения привычных административных связей. Опыт Читинского ГИНО, возникшего в условиях трансформации прежней административной системы и нарушения транспортных связей, обусловленного в том числе карантинными мерами по ограничению притока беженцев в Читу, позволяет проследить участие научно-образовательного сообщества в решении задач развития региона. Исследование показывает, что даже при ограниченных возможностях государственного финансирования вуз мог

продолжать образовательную деятельность и участвовать в подготовке квалифицированных кадров для региона.

Другой важный аспект – взаимодействие академического коллектива института и городского сообщества. История ГИНО показывает значительную роль самоорганизации академического коллектива. Трудовое и организационное участие студентов и преподавателей способствовало поддержанию деятельности института. В современных дискуссиях о развитии высшей школы данный опыт самоорганизации академического коллектива и сохранения научно-образовательной деятельности представляет теоретический и практический интерес.

Нельзя обойти вниманием и вопрос взаимодействия представителей различных академических и политических традиций. В деятельности ГИНО участвовали как представители дореволюционной академической школы, так и организаторы новой системы просвещения. Их совместная деятельность осуществлялась при наличии идеологических разногласий и была связана с решением задач организации учебно-воспитательной и научной работы института. Этот опыт имеет значение для изучения преемственности в развитии отечественной высшей школы и роли научно-педагогического сообщества в общественной жизни.

Наконец, особую значимость имеет анализ причин и последствий ликвидации института в 1923 г. Эта страница истории позволяет рассмотреть последствия централизации и реорганизации системы высшего образования в регионе. Прекращение самостоятельной деятельности вуза после вхождения ДВР в состав РСФСР сократило возможности подготовки квалифицированных кадров непосредственно в Чите. Этот пример свидетельствует о необходимости учитывать региональную специфику при изучении и оценке управленческих решений в сфере высшего образования.

Актуальность исследования усиливается недостаточной степенью комплексного изучения данной проблематики в исторической науке. В то время как истории крупных дальневосточных и сибирских образовательных центров –

Владивостока, Томска и Иркутска – посвящены обобщающие исследования, история Читинского ГИНО не получила комплексного освещения, а сведения о нем в общих трудах преимущественно носят фрагментарный характер. Настоящая работа призвана восполнить этот пробел, представив комплексный анализ становления и деятельности Читинского ГИНО.

Степень научной разработанности темы. Несмотря на то, что Читинский Государственный институт народного образования (ГИНО) просуществовал недолго (1921-1923 гг.), его деятельность получила определенное отражение в отечественной исторической литературе. Обобщая накопленный историографический материал, можно выделить несколько ключевых исследовательских направлений, различающихся как по предмету, так и по глубине проработки вопроса: от узкоспециальных изысканий, посвященных непосредственно истории института, до фундаментальных трудов по истории высшего образования на Дальнем Востоке в целом.

Первые попытки обобщить и систематизировать сведения о становлении высшего педагогического образования на востоке страны были предприняты на рубеже 1920-1930-х годов. В связи с этим примечательна статья «Институты народного образования (ИНО)»¹, опубликованная во втором томе «Сибирской советской энциклопедии». Она ценна как один из первых опытов описания и учета новой сети учебных заведений в советской справочной литературе. Для нашего исследования важно, что Чита в тексте статьи официально поставлена в один ряд с крупнейшими культурными и административными центрами Сибири – Омском, Томском, Красноярском и Иркутском. Авторы энциклопедии справедливо отмечали важную задачу этих учреждений – готовить педагогов высокой квалификации, обозначали их содержательную специфику как практических институтов с трехлетним сроком обучения. В то же время содержание статьи обнаруживает характерную для литературы тех лет схематичность и явную хронологическую неточность. Утверждение о том, что

¹ Институты народного образования (ИНО) // Сибирская советская энциклопедия : в 4 т. / под общ. ред. М. К. Азадовского и др. М. ; Новосибирск : Зап.-Сиб. отд-ние ОГИЗ, 1931. Т. 2 : 3-К. С. 282.

Читинский ИНО уже в 1921 году был «влит» в Дальневосточный университет на правах педагогического факультета, не находит подтверждения в источниках. Комплекс архивных документов, которыми располагает автор исследования, фиксирует самостоятельную учебную и научную работу Читинского ГИНО вплоть до лета 1923 года. Проникновение подобной фактологической ошибки в авторитетное академическое издание указывает на то, что в период работы над томом выявление достоверных сведений по истории Дальневосточной Республики оставалось незавершенным. Данное обстоятельство актуализирует проблему пересмотра укоренившихся в советской историографии взглядов на судьбу читинского вуза.

Заметный поворот в осмыслении этой проблематики наметился в 1960-х годах, ставших важным рубежом для региональной историографии. Особое место здесь занимает коллективный труд «Борьба за власть Советов в Восточном Забайкалье» (1967 г.) под редакцией В.И. Василевского². В этой работе содержится одно из первых в исторической науке обращений к вопросу о политических условиях создания высшей школы в Чите. Хотя авторы рассматривали культурное строительство преимущественно сквозь призму классовой борьбы и укрепления позиций РКП(б) в Дальневосточной республике, именно они ввели в научный оборот богатейший фактологический материал, показав неразрывную связь между политической победой Советов и необходимостью коренной перестройки системы народного просвещения.

К числу обобщающих трудов, позволяющих определить политический, социально-экономический и культурный контекст становления высшей школы в Чите, относятся академические издания по истории Сибири, Дальнего Востока, Бурятии и Восточного Забайкалья. В четвертом томе «Истории Сибири с древнейших времен до наших дней»³ образование Дальневосточной Республики и

² Василевский, В. И. Грунин Г. В., Изгачев В. Г. и др. Борьба за власть Советов в Восточном Забайкалье / отв. ред. В. И. Василевский. Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1967. С. 301.

³ История Сибири с древнейших времен до наших дней : в 5 т. / гл. ред. А. П. Окладников, В. И. Шунков ; отв. ред. тома И. М. Разгон. Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1968. Т. 4 : Сибирь в период строительства социализма. 502 с.

культурное строительство начала 1920-х гг. рассмотрены в рамках общесибирских процессов.

В «Истории Дальнего Востока России» (третий том, книга 1) ⁴ основное внимание уделено революционным событиям 1917 г. и Гражданской войне на Дальнем Востоке. Материалы издания позволяют определить предпосылки образования и государственно-юридического оформления Дальневосточной Республики, создание и укрепление ее вооруженных сил, выявить специфику культурного строительства в рассматриваемый период, в том числе причины открытия Государственного Дальневосточного университета и Читинского Государственного института народного образования. Третий том «Истории Бурятии»⁵ дополняет региональную картину материалами о Бурят-Монгольской автономной области ДВР, образовании Бурят-Монгольской АССР и развитии просвещения на сопредельной территории. Общие процессы политического, хозяйственного и культурного развития региона получили отражение также во втором томе «Очерков истории Восточного Забайкалья. Читинская область»⁶. Названные издания формируют необходимый исторический контекст исследования, однако становление и деятельность Читинского ГИНО не выступают в них самостоятельным предметом анализа.

Общая картина культурного строительства и становления высшей школы на востоке страны в 1920-1930-е гг. обстоятельно освещена в исследованиях М.С. Кузнецова⁷ и В.Г. Макаренко⁸. Вопросы подготовки научных кадров глубоко изучены Е.В. Васильевой⁹. Значимым трудом, отражающим развитие высшей

⁴ История Дальнего Востока России : от эпохи первобытного общества до конца XX века. Владивосток : Дальнаука, 2003. Т. 3. Кн. 1 : Дальний Восток России в период революций 1917 года и Гражданской войны / отв. ред. Б. И. Мухачев. 632 с.

⁵ История Бурятии : в 3 т. / гл. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ : Издательство БНЦ СО РАН, 2011. Т. III : XX–XXI вв. 464 с.

⁶ Очерки истории Восточного Забайкалья. Читинская область. Т. 2 / под общ. ред. Н. В. Гордеева. Чита : Экспресс-изд-во, 2007. 240 с.

⁷ Кузнецов М. С. Дальневосточная партийная организация в борьбе за осуществление задач культурной революции (1928–1937 гг.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1971. 280 с.

⁸ Макаренко В. Г. Из истории высшего образования на Дальнем Востоке СССР в 1920–1930-е гг. // Историческая наука и историческое образование на Дальнем Востоке России : сб. науч. трудов. Владивосток, 2009. С. 238–244.

⁹ Васильева Е. В. Научные кадры Дальнего Востока на этапе вторичной институционализации отечественной науки : в 2 ч. Владивосток : Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2017. Ч. 1. Структурно-когнитивный компонент. 406 с.; Васильева Е. В. Научные кадры Дальнего Востока на этапе вторичной институционализации отечественной науки : в 2 ч. Владивосток : Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2019. Ч. 2. Акционистский компонент. 438 с.

школы, является монография «Дальневосточный государственный университет. История и современность» (под редакцией В.И. Курилова, Э.В. Ермаковой и др.)¹⁰, а также изыскания О.В. Лынши по истории народного просвещения на Дальнем Востоке¹¹. На эту прочную историографическую основу опираются последующие научные изыскания по истории отдельных учебных заведений.

Первую группу образуют работы современных исследователей, имеющие основополагающее значение для раскрытия темы диссертации, в которых история непосредственно Читинского ГИНО выделена в самостоятельный предмет изучения.

В контексте систематизации региональных исторических трудов особое значение имеет «Малая энциклопедия Забайкалья» (серия «Наука и образование»). В данном издании размещена специализированная словарная статья «Государственный институт народного образования»¹², в которой приводится сжатый очерк истории учреждения: от момента открытия до его вхождения в состав Государственного Дальневосточного университета летом 1923 года. В ней Н.Е. Дроботушенко дает краткую характеристику факультетской структуры (физико-математический, гуманитарный, агрономический, рабочий), освещает вопросы формирования кадрового состава и материальной базы, что позволяет рассматривать данную публикацию как важный этап в закреплении истории вуза в научно-справочном пространстве региона.

Указанное издание также сыграло важную роль в систематизации биографических сведений о профессорско-преподавательском составе Читинского ГИНО. Оно позволило собрать разрозненные данные о ведущих ученых, чья научно-педагогическая деятельность стояла у истоков создания института: А.А. Половинкине¹³, В.И. Огородникове¹⁴, М.К. Азадовском¹⁵,

¹⁰ Дальневосточный государственный университет. История и современность. 1899–1999 / ред. кол. В. И. Курилов, Э. В. Ермакова и др. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. 704 с.

¹¹ Лынша О. В. История образования на Дальнем Востоке России (1860–1917 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Лынша Ольга Владимировна. Владивосток, 2000. 230 с.

¹² Дроботушенко Н. Е. Государственный институт народного образования // Малая энциклопедия Забайкалья: Наука и образование : в 2 ч. / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск : Наука, 2011. Ч. 1. С. 246.

¹³ Руденко Ю. Т. Половинкин Александр Александрович // Малая энциклопедия Забайкалья. Наука и образование : в 2 ч. / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск : Наука, 2011. Ч. 2. С. 133.

П.П. Маслове¹⁶, В.А. Захваткине¹⁷, К.А. Ненадкевиче¹⁸, В.Я. Толмачеве¹⁹, В.А. Малаховском²⁰ и др., тем самым закрепив их имена в региональном научно-образовательном дискурсе.

Важный вклад в изучение истории деятельности вуза внесли статьи Н.Е. Дроботушенко^{21 22}. На основе комплекса архивных источников Государственного архива Забайкальского края автором воссоздана хроника создания вуза, проанализирована его факультетская структура и механизмы финансирования в условиях дефицита бюджета ДВР. Исследователь впервые в историографии подробно осветила вопросы материального обеспечения студентов и преподавателей, раскрыла роль инициативных практик в обеспечении повседневной жизнедеятельности вуза.

Существенно расширяют представления о деятельности института труды Л.С. Малявиной. Ею проведена детальная реконструкция биографии первого ректора ГИНО В.И. Огородникова²³, раскрывающая роль личности руководителя в переносе университетских традиций из центральной России на периферию. В других работах исследователя^{24 25} проанализирован качественный состав

¹⁴ Дроботушенко Н. Е. Огородников Владимир Иванович // Малая энциклопедия Забайкалья. Наука и образование : в 2 ч. / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск : Наука, 2011. Ч. 2. С. 66.

¹⁵ Куренная И. Г. Азадовский Марк Константинович // Малая энциклопедия Забайкалья. Наука и образование : в 2 ч. / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск : Наука, 2011. Ч. 2. С. 68.

¹⁶ Дроботушенко Н. Е. Маслов Петр Павлович // Малая энциклопедия Забайкалья. Наука и образование : в 2 ч. / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск : Наука, 2011. Ч. 1. С. 508.

¹⁷ Дроботушенко Н. Е. Захваткин Виктор Алексеевич // Малая энциклопедия Забайкалья. Наука и образование : в 2 ч. / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск : Наука, 2011. Ч. 2. С. 334.

¹⁸ Дроботушенко Н. Е. Ненадкевич Константин Автономович // Малая энциклопедия Забайкалья. Наука и образование : в 2 ч. / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск : Наука, 2011. Ч. 2. С. 30.

¹⁹ Алкин С. В. Толмачев В. Я. [Электронный ресурс] // Энциклопедия Забайкалья. – Режим доступа: <https://ez.chita.ru/encycl/person/?id=6181> (дата обращения: 20.02.2026).

²⁰ Алексеенко Л. П. Всеволод Антонович Малаховский // Малая энциклопедия Забайкалья. Наука и образование : в 2 ч. / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск : Наука, 2011. Ч. 1 : А–К. С. 502.

²¹ Дроботушенко Н. Е. Институт народного образования Дальневосточной республики // Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет имени Н. Г. Чернышевского. История и современность: 1938–2008. Чита : ЗабГГПУ, 2008. С. 8–26.

²² Дроботушенко Н. Е. Из истории создания Читинского института народного образования // Народное образование Забайкалья: история и опыт : сборник материалов научной конференции. Чита : Поиск : ЗабГГПУ, 2000. С. 101–105.

²³ Малявина Л. С. Владимир Иванович Огородников (1886–1938 гг.) – жизнь и судьба первого советского ректора Государственного дальневосточного университета [Электронный ресурс] // Манускрипт. 2021. Т. 14. № 9. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vladimir-ivanovich-ogorodnikov-1886-1938-gg-zhizn-i-sudba-pervogo-sovetskogo-rektora-gosudarstvennogo-dalnevostochnogo-universiteta> (дата обращения: 13.11.2025).

²⁴ Малявина Л. С. Читинский институт народного образования (1921–1923 гг.): уточненные страницы истории первого вуза Забайкалья // ДВР и завершающий этап гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Чита, 3 ноября 2020 г.) / отв. ред. Е. В. Дроботушенко и др. Чита : ЗабГУ, 2020. С. 118–122.

преподавательского корпуса. Автор обосновывает тезис о том, что ГИНО стал центром притяжения для научной элиты, описывая «третью волну» миграции ученых из Казани, Томска, Перми, что позволило поддерживать высокий академический уровень преподавания даже в условиях Гражданской войны.

В статьях А.В. Константинова²⁶ акцент сделан на научной составляющей работы ГИНО. Посредством анализа издаваемых институтом «Трудов» и «Известий» исследователь характеризует вуз не только как учебное заведение для подготовки учителей, но и как первый в Забайкалье полноценный научный центр.

Вопросы преемственности в развитии педагогической науки в регионе освещены в совместной работе Т.К. Клименко и А.В. Роговой²⁷, где показано влияние традиций дореволюционной педагогики на становление методической школы ГИНО.

Интеллектуальная история вуза дополнена исследованием Д.Я. Майдачевского²⁸. На примере деятельности в Чите профессора П.П. Маслова автор показал, что кафедра политэкономии ГИНО была площадкой для развития оригинальной экономической мысли, альтернативной жестким марксистским схемам, что было возможно благодаря специфической политической обстановке в ДВР.

Вторую группу составляют работы, раскрывающие исторический и образовательный контекст создания института.

Представление об условиях, в которых создавался вуз, создают работы Н.А. Шиндялова²⁹ и Е.В. Дроботушенко³⁰. Авторы анализируют специфику

²⁵ Малявина Л. С. Между «красными» и «белыми»: наука и высшая школа Дальнего Востока в период Гражданской войны // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2009. Т. 66. № 4. С. 80–93.

²⁶ Константинов А. В. Государственный институт народного образования в Чите: к 100-летию высшего образования в Забайкалье // Приграничный регион в историческом развитии: партнерство и сотрудничество : материалы международной научно-практической конференции (Чита, 17 сентября 2021 г.). Чита : ЗабГУ, 2021. С. 78–82.

²⁷ Клименко Т. К., Рогова А. В. Развитие и становление педагогической науки в Забайкалье // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. 2009. № 5. С. 46–66.

²⁸ Майдачевский Д. Я. НЭП с народнохозяйственной точки зрения [Электронный ресурс] // Историко-экономические исследования. 2022. № 3. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nep-s-narodnohozyaystvennoy-tochki-zreniya-p-p-maslov-irkutsk-chita-1920-1922-gg> (дата обращения: 05.11.2025).

²⁹ Шиндялов Н. А. Ликвидация «Читинской пробки» [Электронный ресурс] // Россия и АТР. 2011. № 1. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/likvidatsiya-chitinskoy-probki> (дата обращения: 09.11.2025).

«буферной» государственности и процесс превращения Читы в столицу ДВР, доказывая, что учреждение собственных государственных институтов, включая вуз, было для Правительства республики способом легитимации власти.

Геополитический фактор развития образования в регионе получил освещение в работах Н.В. Хисамутдиновой³¹. Автор обосновывает положение о том, что динамика открытия вузов на Дальнем Востоке диктовалась необходимостью закрепления российского культурного и политического присутствия на тихоокеанских рубежах в противовес иностранному влиянию.

Учреждение вуза выполняло геополитическую функцию – институциональное закрепление культурного и политического суверенитета. Последующий переход к советизации и централизации, проанализированный в трудах М.В. Грибовского³² и Чу Тяньгэ³³, демонстрирует тотальную зависимость академических структур от политического диктата, что и предопределило ликвидацию самостоятельного ГИНО.

Теоретическая база образовательных реформ того периода рассмотрена М.П. Войтеховской³⁴ и С.А. Кочуриной³⁵. Исследователи рассматривают создание сети Институтов народного образования (ИНО) как часть масштабной модернизации, направленной на унификацию системы подготовки учителей взамен разрозненных семинарий и курсов. Важным методологическим

³⁰ Дроботушенко Е. В. Особенности эвакуации из Читы в преддверии создания Дальневосточной республики // ДВР и завершающий этап гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Чита, 3 ноября 2020 г.) / отв. ред. Е. В. Дроботушенко и др. Чита : ЗабГУ, 2020. С. 61–65.

³¹ Хисамутдинова Н. В. От Восточного института – к Дальневосточному Федеральному университету [Электронный ресурс] // Актуальные вопросы современной науки. 2009. № 7–1. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-vostochnogo-instituta-k-dalnevostochnomu-federalnomy-universitetu> (дата обращения: 20.10.2025).

³² Наука большой страны: советский опыт управления / под ред. Е. А. Долговой; авт: М. В. Грибовский, И. Г. Дежина, Е. А. Долгова, М. О. Окунева, Е. А. Стрельцова, Д. Л. Сапрыкин, С. Б. Ульянова. М. : РГГУ, 2023. 625 с.

³³ Чу Тяньгэ. Советское востоковедение в Государственном Дальневосточном университете [Электронный ресурс] // Клио. 2024. № 4 (208). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskoe-vostokovedenie-v-gosudarstvennom-dalnevostochnom-universitete> (дата обращения: 07.11.2025).

³⁴ Войтеховская М. П., Кочурина С. А. Формирование сети педагогических учебных заведений в Сибири и на Дальнем Востоке в условиях советской модернизации образования и введения всеобщего обучения в 1917 – начале 1930-х гг. [Электронный ресурс] // Научно-педагогическое обозрение (Pedagogical Review). 2022. Вып. 6 (46). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-seti-pedagogicheskikh-uchebnyh-zavedeniy-v-sibiri-i-na-dalnem-vostoке-v-usloviyah-sovetskoy-modernizatsii-obrazovaniya> (дата обращения: 10.03.2025).

³⁵ Кочурина, С. А. История образования в Сибири и на Дальнем Востоке в условиях реализации государственной политики по введению всеобщего начального обучения в 1917 – начале 1930-х гг. : монография / С. А. Кочурина. – Томск : ТГПУ, 2022. – 354 с.

ориентиром для понимания специфики ГИНО служат труды Е.А. Ростовцева³⁶. Исследователь анализирует университетскую культуру и проблему автономии в переломную эпоху, что позволяет использовать его выводы как критерий для сравнения «нормативной» модели университета с реалиями читинского вуза.

Важнейшее значение для осмысления долгосрочных последствий структурных преобразований начала 1920-х годов имеет фундаментальный академический труд «История Дальнего Востока России» (Том 3, Книга 2)³⁷, подготовленный коллективом исследователей Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Несмотря на то, что фокус данного издания смещен в сторону системных процессов советской модернизации, развернувшихся с конца 1922 года, представленный глубокий анализ интеграции окраинных территорий в общесоюзное образовательное и правовое пространство позволяет на общем государственном уровне оценить результаты тех первых, зачастую экспериментальных шагов по формированию высшей школы в регионе, которые предпринимались в короткий период существования Дальневосточной республики.

Административно-правовой механизм управления школой в ДВР детально разобран С.Б. Белоглазовой³⁸, чьи выводы важны для понимания взаимоотношений руководства ГИНО с Министерством народного просвещения.

В изучении генезиса Читинского Государственного института народного образования и поиске его исторических корней важное значение имеют работы А.В. Константинова и И.Н. Мамкиной. Исследователи сосредоточили внимание на «семинарском периоде» (1900-1921 гг.)³⁹. Более детально этот процесс

³⁶ Ростовцев, Е. А., Сидорчук И. В. Расписание перемен: очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы) / отв. ред. А. Н. Дмитриев. М. : Новое литературное обозрение, 2012. С. 294–356.

³⁷ История Дальнего Востока России / под общ. ред. В. Л. Ларина ; отв. ред. Л. И. Галлямова ; Российская академия наук, Дальневосточное отделение, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Владивосток : Дальнаука, 2018. Т. 3. Кн. 2 : Дальний Восток России в эпоху советской модернизации: 1922 – начало 1941 года. 656 с.

³⁸ Белоглазова С. Б. Политика Дальневосточной республики в сфере образования [Электронный ресурс] // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2018. № 19. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-dalnevostochnoy-respubliki-v-sfere-obrazovaniya> (дата обращения: 12.04.2025).

³⁹ Константинов А. В., Мамкина И. Н. У истоков педагогического образования в Забайкалье: семинарский период // Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет имени Н. Г. Чернышевского. История и современность: 1938–2008. Чита : ЗабГГПУ, 2008. С. 3–7

представлен в монографии И.Н. Мамкиной⁴⁰, где деятельность Читинской учительской семинарии рассматривается как центральный элемент образовательной системы края. При этом важно подчеркнуть отсутствие прямой институциональной, кадровой или материально-технической преемственности между дореволюционными учительскими семинариями Забайкалья и советским ГИНО. Семинарии, трансформированные в педагогические курсы, продолжали решать задачи подготовки учителей начальной школы.

Помимо этого, принципиальное значение для понимания административных и финансовых механизмов, унаследованных образовательной системой Дальневосточной республики, имеет монография И.Н. Мамкиной и А.В. Блинова «Региональные модели управления образованием в императорской России: сибирский вариант»⁴¹.

Раскрытие этих механизмов позволяет проследить традиции региональной общественной инициативы и привлечения дополнительных средств для развития образования. Такая преемственность не имела прямого институционального характера. Организационная преемственность между дореволюционными учебными заведениями и советскими институтами народного образования отсутствовала, что соотносится с выводами А.О. Барина⁴² о политико-правовых и организационных изменениях, происходивших в период Гражданской войны.

Отдельного внимания заслуживают работы А.О. Барина, посвященные падению семеновского режима и ликвидации «читинской пробки». Автор подробно рассматривает причины распада политических структур «Российской Восточной Краины». Представленный им материал позволяет охарактеризовать политическую и социальную нестабильность, в условиях которой правительство ДВР приступило к формированию системы народного образования и созданию института.

40 Мамкина И. Н. Забайкальские учительские семинарии (1900–1921 годы). Чита : Поиск, 2008. С. 140.

41 Мамкина И. Н., Блинов А. В. Региональные модели управления образованием в императорской России: сибирский вариант: монография / Забайкальский государственный университет. Чита : ЗабГУ, 2020. 281 с.

42 Барин А. О. Попытка строительства государственности в «российской восточной окраине» и ее крах // ДВР и завершающий этап гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Чита, 3 ноября 2020 г.) / отв. ред. Е. В. Дроботушенко и др. Чита : ЗабГУ, 2020. С. 12–15.

Для понимания общих исторических условий формирования образовательной системы региона важное значение имеют труды А.В. Константинова и Н.Н. Константиновой. В их обобщающих работах по истории Забайкалья прослеживаются особенности развития региона как в дореволюционный период⁴³, так и в годы Гражданской войны. Представленный авторами фактический материал позволяет соотнести процесс создания высшей школы в ДВР со сложной политической и хозяйственной обстановкой, сложившейся в Чите к началу 1920-х гг. Материальная база, использованная при размещении института, и история здания бывшей женской гимназии подробно рассмотрены В.А. Кондратенко⁴⁴, что позволяет охарактеризовать имевшуюся в Чите образовательную инфраструктуру.

История Читы 1920-х гг. и развитие городской образовательной среды получили отражение в работах И.В. Куриленко, Ю.С. Костюченко и В.Г. Лобанова. И.В. Куриленко⁴⁵ рассматривает историю города в первые послереволюционные годы, что позволяет уточнить социальный и городской контекст деятельности Читинского ГИНО. Ю.С. Костюченко⁴⁶ обращается к истории Читинского педагогического техникума. Данная работа важна для разграничения истории среднего профессионального педагогического образования и деятельности самостоятельного государственного высшего учебного заведения. Документальный труд В.Г. Лобанова⁴⁷ содержит краеведческие материалы по истории Читы. Названные исследования позволяют дополнить представление о городской и образовательной среде, в которой действовал институт, но не дают комплексной характеристики его правового

⁴³ Константинов А. В., Константинова Н. Н. История Забайкалья (с древнейших времен до 1917 г.) : учебное пособие / Забайкальский государственный университет. 3-е изд. испр. и доп. Чита : ЗабГУ, 2017. 310 с.

⁴⁴ Кондратенко В. А. Становление и развитие женского гимназического образования в г. Чите (1893–1921) [Электронный ресурс] // Гуманитарный вектор. 2021. № 6. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-razvitie-zhenskogo-gimnazicheskogo-obrazovaniya-v-g-chite-1893-1921> (дата обращения: 13.11.2025).

⁴⁵ Куриленко И. В. Из истории Читы 20-х гг. XX в. // Чита историческая / отв. ред. М. В. Константинов, А. И. Лыцусь ; Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т. Чита, 2009. С. 90–104.

⁴⁶ Костюченко Ю. С. Из истории Читинского педагогического техникума (1920–1930-е гг.) // Чита историческая / отв. ред. М. В. Константинов, А. И. Лыцусь ; Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т. Чита, 2009. С. 105–108.

⁴⁷ Лобанов В. Г. Старая Чита : документальный рассказ. 2-е изд., испр. и доп. Чита : Степанов М. А., 2003. 336 с.

положения, системы управления, преподавательского и студенческого состава, учебной и научной деятельности.

Историю создания Читинского ГИНО необходимо рассматривать в контексте общих изменений в системе педагогического образования. В этом отношении важное значение имеет исследование С.С. Пай⁴⁸. Автор рассматривает предпосылки преобразования педагогических учебных заведений, связывая начало данного процесса с периодом деятельности Временного правительства. Создание ГИНО в Чите в 1921 г. соответствовало общему направлению на расширение доступности высшего образования и происходило в условиях значительной потребности региона в квалифицированных кадрах. Вместе с тем использование здания бывшей женской гимназии и отдельных элементов существовавшей образовательной инфраструктуры не следует отождествлять с прямой институциональной преемственностью между дореволюционными учебными заведениями и ГИНО.

Третья группа исследований посвящена сравнительному анализу и вопросам реорганизации вузов.

Становление высшей школы на сопредельных территориях отражено в работах Ю.В. Зобнина⁴⁹ об Иркутском государственном университете, Л.Б. Ивановой⁵⁰ и В. В. Номогоевой⁵¹ о развитии высшего образования и науки в Бурятии. Ю.В. Зобнин прослеживает кадровые связи Иркутского государственного университета с другими образовательными учреждениями региона, что позволяет определить роль иркутской профессуры в становлении читинского вуза. Сопоставление с деятельностью Прибайкальского народного

48 Пай С. С. К истории педагогического образования на юге Дальнего Востока в 1922–1922 годах // Научный аспект. 2023. Т. 2. № 6. С. 210–219.

49 Зобнин Ю. В. Очерк истории создания государственного университета в Иркутске (к 90-летию Иркутского государственного медицинского университета) [Электронный ресурс] // Сибирский медицинский журнал. 2008. № 8. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ocherk-istorii-sozdaniya-gosudarstvennogo-universiteta-v-irkutske-k-90-letiyu-irkutskogo-gosudarstvennogo-meditsinskogo-universiteta> (дата обращения: 21.10.2025).

50 Иванова Л. Б. История формирования основ высшего образования в Бурятии [Электронный ресурс] // Исторический журнал: научные исследования. 2021. № 3. Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35739 (дата обращения: 26.02.2026).

51 Номогоева В. В. Развитие науки в Бурятии в 20–30-е годы XX века [Электронный ресурс] // Исследователь/Researcher. 2009. № 3–4. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-nauki-v-buryatii-v-20-30-e-gody-xx-veka> (дата обращения: 07.11.2025).

университета выявляет общие черты организации высшей школы, связанные с участием местной интеллигенции и общественных организаций.

Дополнительные возможности для сравнительного анализа предоставляет история Русско-Китайского (Харбинского) политехнического института, рассмотренная Л.С. Малявиной⁵². Автор показывает, что Русско-Китайский политехнический институт располагал относительно устойчивой финансовой базой, связанной с деятельностью Китайско-Восточной железной дороги. Читинский ГИНО находился в иных условиях: возможности его государственного финансирования были ограничены, институт испытывал недостаток учебного оборудования, литературы и средств для содержания здания. Сопоставление этих учебных заведений позволяет выявить различия в источниках их финансирования и материальном обеспечении.

Отдельное направление исследований связано с изучением университетской культуры и преемственности академических традиций. Общие вопросы сохранения и изменения университетских традиций в условиях преобразования высшей школы рассматриваются в работах М.Д. Сметаниной⁵³ и С.Э. Зуева⁵⁴. Их положения позволяют обратиться к вопросу о соотношении преемственности и изменений в деятельности Читинского ГИНО. Привлечение к работе в институте преподавателей, получивших образование и профессиональный опыт в дореволюционных университетах, способствовало сохранению отдельных элементов академической культуры в организации учебной и научной деятельности.

Проблематика реорганизации Читинского ГИНО и высших учебных заведений Дальневосточного региона оценивалась исследователями по-разному.

⁵² Малявина Л. С. Русско-китайский (Харбинский) политехнический институт на этапе становления (1920–1925 гг.): к 100-летию образования [Электронный ресурс] // Общество: философия, история, культура. 2020. № 10 (78). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/russko-kitayskiy-harbinskiy-politehnicheskiy-institut-na-etape-stanovleniya-1920-1925-gg-k-100-letiyu-obrazovaniya> (дата обращения: 09.11.2025).

⁵³ Сметанина М. Д. Модели университетов в культурологическом дискурсе [Электронный ресурс] // Общество: философия, история, культура. 2019. № 10 (66). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/modeli-universitetov-v-kulturologicheskom-diskurse> (дата обращения: 12.11.2025).

⁵⁴ Зуев С. Э. Университет. Хранитель идеального: Нечаянные эссе, написанные в уединении / предисл. А. Зорина. М. : Новое литературное обозрение, 2022. 264 с.

В ранней советской историографии Л. Иольсон⁵⁵ положительно оценивал включение Читинского университета в состав ГДУ, рассматривая его как завершение периода организационных преобразований и переход к плановому развитию высшей школы. Современные авторы О.П. Федирко, Р.М. Зайцев⁵⁶ указывают на непоследовательность государственной политики, отмечая, что решения о реорганизации часто принимались без учета региональных потребностей. Комплексный взгляд предлагают С.А. Иванов, М.Н. Фомина и А.В. Жуков⁵⁷, рассматривающие трансформацию ГИНО в университет как процесс объективно обусловленной интеграции образовательного пространства Дальнего Востока.

Таким образом, анализ литературы показывает, что в существующих исследованиях рассмотрены отдельные организационные, кадровые, учебные и научные аспекты деятельности Читинского ГИНО. Вместе с тем комплексного исследования, охватывающего основные этапы становления и деятельности института, его правовое положение, систему управления, кадровый и студенческий состав, материальное обеспечение и обстоятельства прекращения самостоятельного существования, до настоящего времени не проводилось. Социальный состав студенчества, материально-бытовые условия обучения, формы самоорганизации преподавателей и студентов, а также взаимодействие института с городским сообществом изучены фрагментарно. Настоящая диссертация призвана восполнить данный пробел.

Источниковую базу диссертации составил обширный комплекс неопубликованных и опубликованных источников, классифицированный на несколько групп.

⁵⁵ Иольсон Л. Государственный Дальневосточный университет в его прошлом и настоящем // По Советскому Союзу. 1925. С. 56–59.

⁵⁶ Федирко О. П., Зайцев Р. М. Из истории создания высших учебных заведений на Дальнем Востоке России в 1930-е гг. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2017. № 3 (41). С. 109–115.

⁵⁷ Иванов С. А., Фомина М. Н., Жуков А. В. Проблемы интеграции в сфере высшего образования на территории Забайкалья в 20-е гг. XX в. [Электронный ресурс] // Вестник Забайкальского государственного университета. 2012. № 12 (91). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemny-integratsii-v-sfere-vysshego-obrazovaniya-na-territorii-zabaykalya-v-20-e-gg-hh-v-1> (дата обращения: 01.11.2024).

Первую, основополагающую, группу источниковой базы формируют нормативно-правовые акты центральных и местных органов государственной власти.

Высшую ступень в привлеченном массиве нормативных источников занимают акты конституционного значения. Базовым ориентиром для сравнительно-исторического анализа правового поля выступила Конституция РСФСР 1918 года, задававшая вектор коренной перестройки просвещения на всем постимперском пространстве. Фундаментальное значение для понимания идеологических и правовых основ буферного государства имеет «Основной закон (конституция) Дальне-Восточной республики», утвержденный Учредительным собранием Дальнего Востока 27 апреля 1921 года в г. Владивостоке. Изучение статей Конституции ДВР позволяет определить общие правовые основы государственной политики в сфере просвещения, включая принципы светского характера образования, его общедоступности и ответственности государства за организацию учебных учреждений. Вместе с тем конкретные обстоятельства учреждения Читинского ГИНО устанавливаются на основании актов правительства ДВР, документов Министерства народного просвещения и материалов, отражающих подготовку к открытию института.

Следующий иерархический уровень формируют советские общегосударственные нормативные акты, опубликованные в многотомном академическом издании «Декреты советской власти». Сопоставление декретов ВЦИК и Наркомпроса РСФСР с местным законодательством позволяет проследить стремление правительства ДВР заимствовать передовые образовательные модели Советской России (в том числе саму концепцию Институтов народного образования) при сохранении специфических элементов коалиционного устройства буферной республики.

Далее в правовой иерархии следуют нормативно-правовые акты, непосредственно регламентирующие деятельность исследуемого высшего учебного заведения. Ключевым нормативным источником, регламентировавшим деятельность учебного заведения, является Закон об установлении «Положения о

Государственном Институте Народного Образования в г. Чите», опубликованный в журнале Министерства народного просвещения ДВР «Вестник просвещения» (1921, № 3–4). Обложка данного выпуска представлена в приложении (рисунок Б.1). Анализ «Положения» позволяет установить структуру органов управления институтом, распределение полномочий между Советом, Правлением и ректором, порядок участия представителей студенчества, а также правила приема поступающих. Документ закреплял государственные гарантии социального обеспечения слушателей и их право на отсрочку от военной службы. Реализация отдельных положений зависела от финансовых возможностей Дальневосточной Республики и становилась предметом обсуждения в органах управления институтом.

Нижнюю ступень иерархии занимает текущая нормативно-правовая документация распорядительного характера, представленная материалами, опубликованными в «Собраниях узаконений и распоряжений правительства Дальневосточной республики» (Чита, 1922) и периодических «Бюллетенях Министерства народного просвещения Дальневосточной Республики» (Чита, 1922, № 1-9). На страницах данных изданий, а также в выпусках «Вестника просвещения» за 1921-1922 гг. нашли отражение конкретные распоряжения местной власти, ведомственные инструкции и циркуляры Наркомпроса РСФСР и Дальревкома на последующем этапе советизации региона. Так, Приказ Министра народного просвещения ДВР от 16 августа 1921 г. № 119 отражает реакцию ведомства на значительное число поступивших заявлений и позволяет уточнить порядок организации первой приемной кампании. Данный комплекс подзаконных источников обладает высокой информативной ценностью, позволяя детально реконструировать правовые основы и организационные условия, в которых осуществлялось становление высшей школы в Дальневосточном регионе.

Вторую, наиболее информативную, группу источников составляет делопроизводственная документация изучаемого учебного заведения и центральных органов управления образованием. Особенности статуса Читинского Государственного института народного образования в переходный период

обусловили тот факт, что важнейшие отчетные и управленческие материалы отложились в фондах центральных государственных архивов.

Основу данной группы составляют годовые «Отчеты о состоянии и деятельности ГИНО/Читинского университета» за 1921-1922 и 1922-1923 академические годы (в частности, изданный в г. Чите в 1922 году «Отчет о создании и деятельности ГИНО в Чите за 1921-1922 академический год»), отличающиеся высокой степенью детализации и полноты. Наиболее репрезентативный массив данной документации выявлен в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) в фонде А-1565 Главное управление профессионального образования Наркомпроса РСФСР (Главпрофобр) (Оп. 1. Д. 267). Указанные материалы впервые вводятся в научный оборот, представляя собой ценный исторический источник для комплексного изучения внутренней организации и функционирования вуза.

Годовая отчетная документация содержит обширный фактический материал, структурированный по основным направлениям работы вуза. В отчетах нашли отражение утвержденные и фактически реализованные учебные планы, зафиксировано соотношение теоретических и практических занятий, что позволяет сделать вывод о практико-ориентированном характере обучения, а также приведены перечни прочитанных курсов и проведенных просеминариев. В документах объективно зафиксированы факты невыполнения учебных программ по ряду гуманитарных дисциплин ввиду нехватки профильных специалистов, что свидетельствует об острой проблеме дефицита квалифицированных педагогических кадров.

Отчеты содержат подробные статистические сведения о составе студенчества (распределение по социальному происхождению, возрасту, полу, партийной принадлежности, уровню базового образования), а также развернутую информацию о профессорско-преподавательском составе. Привлечение данных материалов позволяет проследить динамику изменения социального состава учащихся и масштабы отчисления студентов в связи с тяжелым материальным положением.

Финансовые сметы, бухгалтерская документация и инвентарные описи кабинетов, лабораторий (где оборудование учтено буквально поштучно) и библиотеки обнажают критическое состояние материально-технической базы учебного процесса. Эти материалы фиксируют вынужденные экономические стратегии, к которым прибегало руководство вуза для поддержания деятельности института: от натуральной оплаты преподавательского труда и практики прямого товарообмена до привлечения внебюджетных средств через благотворительные пожертвования.

Официальной отчетности тех лет свойственна определенная тенденциозность. Однако высокая степень детализации статистических выкладок позволяет в значительной мере нивелировать этот субъективизм, что делает данный массив документов вполне достоверным и репрезентативным источником для исторического анализа.

Исключительную значимость для исследования представляет переписка Главпрофобра с Дальревкомом, выявленная в фонде А-2306 (Наркомат просвещения РСФСР) Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ. Оп. 1. Д. 1947). Этот комплекс внутренней межведомственной документации проливает свет на острые институциональные и ведомственные противоречия, которыми сопровождался процесс реорганизации Читинского университета.

Анализ телеграмм, докладных записок и протоколов заседаний дает основания утверждать, что центральный аппарат Наркомпроса в Москве выступал против ликвидации успешно функционировавшего вуза в Чите. Однако местный Дальревком, исходя из необходимости строгой финансовой экономии и руководствуясь принципами нового административно-территориального устройства, настоял на принятии решения о слиянии ГИНО с Государственным Дальневосточным университетом во Владивостоке.

Для воссоздания социально-экономической обстановки, обусловившей корректировку учебных программ института, были привлечены материалы Российского государственного архива экономики (РГАЭ), в частности, фонд 478 (Оп. 5. Д. 9060. Л. 42). Статистические сведения о значительном сокращении

поголовья скота, эпизоотиях и уменьшении посевных площадей в Забайкалье позволяют обосновать тезис о том, что открытие агрономического факультета в 1922 году являлось не столько сугубо академической инициативой, сколько вынужденной мерой, направленной на преодоление последствий тяжелейшего экономического кризиса в регионе.

Если документы центральных архивов показывают процессы управления на государственном уровне, то фонды Государственного архива Забайкальского края (ГАЗК) позволяют увидеть историю «изнутри». С их помощью мы можем применить методы биографического анализа и изучить повседневную, внутреннюю жизнь вуза через судьбы его преподавателей и слушателей.

Основной документальной базой для исследования стали материалы фонда Р-85 ГАЗК – «Государственный институт народного образования Министерства просвещения ДВР, г. Чита (1921–1923)». В ряде дел второй описи этого фонда сохранились основные материалы по текущему делопроизводству института.

Ценность фонда Р-85 определяется наличием нескольких важных групп документов. В первую очередь, это протоколы заседаний факультетских собраний и предметных комиссий. В них подробно зафиксировано реальное положение дел: в каком состоянии находилась материальная база, как руководство института пыталось решить вопрос с обеспечением учебным оборудованием. Кроме того, в этих протоколах отражены планы по преобразованию учреждения в университет, в том числе проекты создания агрономического и рабочего факультетов.

Отдельного внимания заслуживает документация рабочего факультета (рабфака). Правила приема, списки слушателей, направленных по профсоюзной линии, отчеты об их политической грамотности позволяют буквально в деталях проследить, как на практике работали механизмы «пролетаризации» высшей школы. Приведенная документация отражает системные процессы государственного влияния на формирование состава студенчества и изменение социальной структуры академической среды. Существенный объем данных содержится в персональных сведениях об учащих, включающих личные дела, прошения о зачислении и анкеты, характеризующие их социально-экономическое

положение. Данный корпус источников позволяет критически осмыслить официальные статистические показатели. В качестве репрезентативного примера следует выделить сохранившуюся зачетную книжку (Рисунок Б.2) студентки В.П. Сажинной (Рисунок Б.3). Комплексное изучение подобных материалов, дополненных свидетельствами о переводе и удостоверениями, способствует восстановлению социального облика студента исследуемого периода, а также позволяет проанализировать условия обучения, осложненные дефицитом денежных средств и неблагоприятной эпидемиологической обстановкой.

Чтобы разобраться в предыстории становления высшего образования в регионе и оценить материальную базу, которая досталась ГИНО «в наследство», нами были изучены документы из фондов дореволюционных учреждений, отложившиеся в ГАЗК (фонд 1 – «Забайкальское областное правление» и фонд 4 – «Забайкальская дирекция народных училищ»). Архивные данные подтверждают: институт создавался не на пустом месте, его фундаментом стали капитальные строения 1-й женской гимназии (Рисунок Б.4) и инфраструктура учительской семинарии. В то же время специфика партийного надзора за просвещением восстанавливается по документам фондов П-81, Р-32 и Р-1448 того же архива.

Сравнительно-исторический анализ реорганизации дальневосточных вузов был бы невозможен без материалов из архивов Владивостока (РГИА ДВ. Ф. 2422) и Хабаровска (ГАХК. Ф. 58). Статистика, содержащаяся в документах, говорит красноречивее любых описаний: так, по сводкам РГИА ДВ, на весь огромный Дальний Восток приходилось всего 22 агронома, из которых 13 работали в Забайкалье. Столь острый кадровый голод наглядно объясняет, почему подготовка специалистов была для института не просто академической, а важнейшей практической задачей.

Важным источником стали материалы фонда Государственного Дальневосточного университета (РГИА ДВ. Ф. Р-289). Они позволяют проанализировать, как выстраивался ресурсный обмен между Читинским Государственным институтом народного образования и научным центром во Владивостоке в 1921-1922 годах. Кроме того, именно эти документы необходимы

для детальной реконструкции финала деятельности ГИНО – его ликвидации и включения учебного потенциала в структуру ГДУ в 1923 году.

Существенным дополнением служат материалы Государственного архива Приморского края (ГАПК). Отчет Государственного Дальневосточного университета за 1924/25 учебный год (ГАПК. Ф. 117. Оп. 4. Д. 4) позволяет проследить дальнейшую судьбу читинского института. Документ дает возможность достоверно оценить исторические итоги слияния, показывая, как именно кадровый состав и материальная база упраздненного ГИНО были распределены в образовательной системе Владивостока.

Дополнительные сведения об экономических и транспортных условиях деятельности института содержатся в справочно-статистических изданиях начала 1920-х гг. Ценным источником статистической информации, альтернативной официальной отчетности, выступает «Прибайкальский календарь на 1922 год», подготовленный Объединенным Прибайкальским союзом кооперативов. Анализ установленных в тот период железнодорожных тарифов свидетельствует о значительных экономических барьерах для получения высшего образования: транспортные издержки до Читы были сопоставимы с суммой годового взноса за обучение. Для иногородних абитуриентов этот финансовый фактор зачастую становился непреодолимым препятствием.

Отчетная документация указывает на то, что бюджетное планирование ДВР определялось приоритетным финансированием транспортного сектора и военных расходов. Доля государственных ассигнований на нужды Министерства народного просвещения не превышала 1,6%, что свидетельствует об использовании ведомственной стратегии остаточного финансирования сферы образования.

Динамика дальнейших преобразований вуза может быть прослежена через комплекс раннесоветских справочных и статистических изданий, в частности, сборников «Вся Чита и Забайкалье» (1923 г.) и «Статистический ежегодник. 1923-1925 гг.» (1926 г.). Эти источники не просто отражают ход советизации управленческого аппарата и инкорпорацию части профессуры ГИНО в новые

структуры власти, но и документально фиксируют переломный момент в истории учреждения – потерю им университетского статуса и низведение до уровня педагогического техникума.

Третью группу источников составили материалы периодической печати 1921-1923 гг. В рамках проводимого исследования пресса переходного периода рассматривается не только как дополнение к архивным документам, но и как самостоятельный, ценный исторический источник, позволяющий проследить эволюцию общественных настроений, идейно-политическую борьбу и процесс формирования образа учебного заведения в глазах современников.

К анализу был привлечен широкий круг публикаций из ведущих региональных изданий: «Дальневосточная Республика» (1920-1921 гг.), «Дальне-Восточный телеграф» (1921-1922 гг.), «Дальневосточный путь» (1922 г.) и «Правительственная газета Дальне-восточной Республики» (1921 г.). Различные газетные жанры – информационная хроника, передовые и проблемные статьи, открытые письма, фельетоны – отражают нюансы повседневной жизни вуза, межличностные конфликты и неформальные связи, которые, как правило, не находили отражения в официальной делопроизводственной и отчетной документации Правления института.

Выявленный массив периодической печати был систематизирован по нескольким ключевым тематическим направлениям, отражающим неоднозначное восприятие деятельности вуза в обществе:

Хроника организационного становления и повседневной жизни. Публикации в постоянных рубриках «В учебных заведениях», «В читинских учебных заведениях», «Учебное дело» последовательно освещали процесс создания вуза. Такие материалы, как «В читинском И.Н.О.» (Правительственная газета ДВР. 1921. 28 июня), «В Институте Народного Образования» (Дальне-Восточный телеграф. 1921. 3 сентября) и репортаж «Торжественное открытие ИНО» (Дальне-Восточный телеграф. 1921. 13 октября), подчеркивали созидательный пафос открытия нового образовательного учреждения в тяжелых условиях. Важными свидетельствами преодоления хозяйственных трудностей

выступают заметки «Учебное дело. Заготовка дров ИНО» (11 августа 1921 г.) и «Трудовая самоорганизация студентов» (23 сентября 1921 г.), демонстрирующие, что поддержание жизнедеятельности института во многом обеспечивалось за счет добровольного физического труда преподавателей и учащихся.

Программные заявления и публицистика. Периодическая печать выступала площадкой, на которой руководство института могло публично обосновывать цели и задачи создаваемого учебного заведения. Программная статья первого ректора В.И. Огородникова «Основы строительства высшей школы. Высшая школа Республики» (Дальне-Восточный телеграф. 1921. 6 октября) представляет значимый официальный программный отчет и административную декларацию, в котором аргументируется необходимость частичного ограничения традиционной университетской автономии ради удовлетворения насущных государственных потребностей ДВР в квалифицированных кадрах.

Местная печать, функционировавшая в условиях относительной свободы слова, характерной для «буферной республики», нередко выступала с острой критикой института, акцентируя внимание на внутриорганизационных проблемах. Широкий общественный резонанс в то время спровоцировали публикации в периодике, в частности, заметка «К исчезновению профессора Н.И. Никифорова» («Дальне-Восточный телеграф», 27 ноября 1921 г.). В ней представители профессуры открыто обвинялись в растрате казенных средств. Аналогичные схожие по тональности материалы содержались, например, в статье «Общественная жизнь. Чистка в ИНО» (25 декабря 1921 г.). Газета «Дальневосточный путь» и вовсе выступала с резкими выпадами в адрес институтского руководства, тиражируя сведения о финансовых злоупотреблениях и практике принудительных денежных сборов. Столкнувшись с такой информационной атакой, коллектив был вынужден инициировать процедуру публичного опровержения, публикуя открытые письма в региональной периодике. Основным вектором данных выступлений стала защита достоинства сотрудников и поддержание авторитета института в глазах городской общественности.

Сложные процессы наблюдались и в сфере студенческого самоуправления. Анализ периодических изданий, содержащих информационные заметки о собраниях обучающихся (от 7 октября и 11 декабря 1921 г.), свидетельствует о высокой степени политизации студенческой среды. Внутри организаций наблюдалась выраженная поляризация взглядов: конфронтация между представителями различных политических фракций – коммунистов, эсеров и беспартийных – вносила дополнительный раскол в академическое сообщество.

Сложившаяся идеологическая напряженность находила закономерное отражение в интерьерах учебного заведения, выступавших площадкой для наглядной агитации. Так, сохранившееся изображение коридора второго этажа (Рисунок Б.5) демонстрирует преобладание партийной символики и революционной риторики, что формировало соответствующий политический фон для повседневной деятельности студенческого коллектива.

Отдельную группу в данном комплексе источников занимают издания, подготовленные коллективом самого института. Выпуски «Трудов Государственного Института Народного Образования в г. Чите» (Чита, 1922) и «Известий Государственного Института Народного Образования в г. Чите» (Чита, 1922-1923), а также публикации в «Известиях кафедры прибайкальеведения при Прибайкальском народном университете» (Верхнеудинск, 1921) позволяют охарактеризовать ГИНО не только как образовательное учреждение, но и как значимый региональный научно-исследовательский центр. Содержание опубликованных работ свидетельствует о том, что, несмотря на сложную геополитическую обстановку, профессорско-преподавательский состав (в частности, А.А. Половинкин, П.П. Маслов, М.К. Азадовский) осуществлял актуальные научные изыскания в области сибиреведения, политической экономики и геологии. При этом в ряде публикаций прослеживается определенная научная независимость авторов и их готовность к академической дискуссии с утверждающимися в тот период марксистскими подходами.

Наконец, четвертую группу источников составляют материалы личного происхождения – воспоминания и мемуары. Их сохранилось не так много, но

именно они позволяют дополнить сухие официальные цифры и по-настоящему почувствовать атмосферу повседневной жизни Читы начала 1920-х годов.

Особое место среди них занимают «Записки премьера ДВР» П.М. Никифорова, которые помогают понять политическую логику руководства республики буквально «из первых уст». Как один из руководителей Дальбюро ЦК РКП(б), автор подробно описывает процесс создания ДВР – как временного буферного государства, которое было необходимо, чтобы избежать прямого военного столкновения с Японией. Его воспоминания свидетельствуют о том, что правительство республики рассматривало развитие просвещения не только как насущную социальную задачу, но и как важнейший фактор укрепления внутреннего положения и международного признания независимого статуса ДВР. Источниковедческий анализ данных мемуаров требует учета их идеологической заданности (текст создавался в русле официальной советской историографии), однако представленные в них биографические характеристики участников событий и описание политической обстановки существенно дополняют данные официального делопроизводства.

Важным источником выступают опубликованные воспоминания студентки первого набора агрономического факультета ГИНО Е.Г. Лебедевой (Моя жизнь. Воспоминания 1910-1986 гг.). В ее мемуарах задокументированы реалии тяжелого студенческого быта и детально описан процесс ликвидации и перевода учебного заведения в 1923 году. Свидетельства о транспортировке сотен студентов во Владивосток в неотапливаемых товарных вагонах («теплушках») в течение двадцати дней позволяют критически оценить заявления властей о предоставлении учащимся благоприятных условий для переезда и раскрывают реальные социальные издержки реорганизации вуза.

В качестве независимого свидетельства привлечены переведенные на русский язык путевые заметки американского журналиста Д.Б. Вуда «Дальневосточная республика». Его репортажи содержат подробные описания глубокого кризиса городской инфраструктуры г. Читы, стремительного обесценивания денег, паралича транспортной системы и тяжелого материального

положения бывших привилегированных слоев общества. Данные материалы служат фактическим подтверждением того, что становление ГИНО происходило в условиях острой нехватки ресурсов на фоне общего экономического упадка региона.

Важное место в источниковой базе исследования занимают визуальные материалы. К ним относятся архивные фотографии преподавателей и студентов, изображения зданий и помещений, фотокопии печатных изданий, картографические материалы. Отдельную группу составляют выполненные в ходе исследования графические реконструкции официальной символики института, подготовленные на основе выявленных источников. Систематизированный комплекс изображений, позволяющий дополнить представления о повседневной, учебной и культурной жизни Читинского ГИНО, представлен в сводном визуальном каталоге (см. Приложение Б).

В исследовании использованы фотодокументы из личного архива коллекционера А.В. Лося из Владивостока, фондов Забайкальского краевого краеведческого музея имени А.К. Кузнецова, Музея истории народного образования Забайкалья и Музея археологии Забайкалья имени И.И. Кириллова. Групповые фотографии преподавателей и студентов 1922-1923 гг. позволяют охарактеризовать внешний облик академического коллектива, особенности одежды, условия проведения занятий и отдельные стороны повседневной жизни института. Эти материалы дополняют сведения делопроизводственных документов, периодической печати и источников личного происхождения.

Для установления пространственного расположения объектов, связанных с деятельностью института, был применен картографический метод. Реконструкция осуществлялась на основе «Карты города Читы 1923 г.». Сопоставление картографических данных со справочными и архивными материалами позволило определить местонахождение основных учебных, административных и культурно-просветительских объектов, связанных с ГИНО, и рассмотреть их в контексте городской застройки начала 1920-х гг.

Картографические материалы показывают, что здание института находилось в центральной части Читы, являвшейся в период существования Дальневосточной Республики ее столицей. Такое расположение облегчало взаимодействие ГИНО с органами государственной власти, библиотеками, музеями, научными обществами и другими учреждениями города, а также способствовало участию преподавателей и студентов в культурно-просветительской жизни Читы.

Таким образом, использованный комплекс источников является достаточным для решения поставленных в диссертации задач. Совместное изучение нормативно-правовых актов, делопроизводственных и статистических документов, материалов периодической печати, источников личного происхождения, фотодокументов и картографических материалов позволило реконструировать основные этапы становления и деятельности Читинского ГИНО, охарактеризовать организацию учебного процесса, кадровый и студенческий состав, материально-бытовые условия, а также взаимодействие института с государственными и общественными учреждениями.

Комплексный анализ источников позволяет рассматривать Читинский ГИНО как государственное высшее учебное заведение переходного периода, деятельность которого определялась политико-административными преобразованиями, ограниченными финансовыми возможностями Дальневосточной Республики, кадровыми трудностями и потребностями региона в подготовке специалистов. При этом функционирование института обеспечивалось не только государственным финансированием, но и деятельностью преподавателей и студентов, а также поддержкой образовательных, научных и культурных учреждений Читы.

Сопоставление различных групп источников позволило проверить содержащиеся в них сведения, уточнить отдельные факты и избежать зависимости от оценок, представленных только в официальных документах или периодической печати. Это обеспечивает обоснованность сформулированных в диссертации положений и выводов.

Целью исследования является комплексный исторический анализ становления и деятельности Читинского Государственного института народного образования в условиях политико-административной и социально-экономической трансформации Дальневосточного региона (1921-1923 гг.)

Для достижения общей цели исследования определены следующие **задачи**:

- раскрыть политические, социальные, экономические и кадровые предпосылки, обусловившие необходимость создания высшего учебного заведения в столице ДВР;
- исследовать процесс организационного и правового оформления ГИНО в Чите, выявив роль государственных органов ДВР, академической инициативы приглашенной профессуры и местной общественности;
- проанализировать структуру и содержание учебно-воспитательного процесса, а также научную и общественно-просветительскую деятельность профессорско-преподавательского состава в условиях острого дефицита ресурсов;
- охарактеризовать социальный состав и повседневную жизнь студенчества, включая формы самоорганизации;
- изучить роль рабочего факультета в структуре Читинского ГИНО, особенности его комплектования, государственного обеспечения и деятельности;
- определить специфику общественного восприятия деятельности Государственного института народного образования в Чите;
- выявить правовые и управленческие причины ликвидации ГИНО в условиях смены политического режима, а также определить его историческое место и значение в развитии просвещения Дальневосточного региона.

Научная новизна исследования заключается в комплексной реконструкции процесса становления и деятельности Читинского Государственного института народного образования в 1921-1923 гг. на основе широкого круга нормативно-правовых, делопроизводственных, статистических документов, материалов периодической печати и источников личного происхождения. В результате исследования:

– введен в научный оборот и систематизирован объемный комплекс ранее не публиковавшихся документов из фондов Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива экономики, Государственного архива Забайкальского края, Российского государственного исторического архива Дальнего Востока, Государственного архива Приморского края и Государственного архива Хабаровского края. К ним относятся протоколы заседаний органов управления институтом, материалы приемных комиссий, финансовая и статистическая отчетность, ведомственная переписка, документы о кадровом и студенческом составе. Их комплексное изучение позволило уточнить обстоятельства создания, основные направления деятельности и причины прекращения самостоятельного существования ГИНО;

– раскрыты условия организации учебной и научной деятельности Читинского ГИНО при ограниченном государственном финансировании и недостаточном материально-техническом обеспечении. Установлена роль квалифицированных научно-педагогических кадров, трудового и организационного участия студентов, а также взаимодействия института с образовательными, научными и культурными учреждениями Читы в обеспечении его деятельности;

– уточнены особенности организационного устройства Читинского ГИНО. Показано, что в системе управления институтом сохранялись коллегиальные формы академической организации и ведущая роль профессорско-преподавательского состава, которые сочетались с подчинением Министерству народного просвещения Дальневосточной Республики, участием представителей студенчества и постепенным усилением государственного контроля над деятельностью высшего учебного заведения;

– выявлены особенности формирования студенческого контингента ГИНО и систематизированы сведения о правилах приема, социальном и образовательном составе учащихся, движении контингента и причинах отчислений. Установлено, что при комплектовании основных факультетов и рабочего факультета применялись различные подходы: на основных факультетах сохранялись

требования к предварительной образовательной подготовке и взималась плата за обучение, тогда как прием на рабфак осуществлялся преимущественно по направлениям партийных и профессиональных организаций и сопровождался государственной материальной поддержкой слушателей;

– установлены особенности учебно-воспитательной и научной деятельности Читинского ГИНО. Показано, что в условиях перестройки гуманитарного образования начала 1920-х гг. в институте сохранялось преподавание российской истории, развивалось изучение Сибири и Дальнего Востока, действовали научные общества и предметные кружки. Это способствовало сохранению преемственности академических традиций и формированию в Чите регионального центра научно-образовательной деятельности;

– уточнены причины и обстоятельства ликвидации самостоятельного высшего учебного заведения в Чите. На основе анализа переписки центральных и региональных органов управления просвещением установлено, что решение о слиянии Читинского университета с Государственным Дальневосточным университетом было связано прежде всего с ликвидацией Дальневосточной Республики, утратой Читой столичного статуса и курсом Дальревкома на централизацию управления высшей школой и концентрацию ее кадровых, финансовых и материальных ресурсов во Владивостоке. Определено место Читинского ГИНО как первого действовавшего государственного высшего учебного заведения Забайкалья и одного из центров подготовки кадров и научного изучения региона в начале 1920-х гг.

Объектом исследования является Читинский Государственный институт народного образования в условиях политико-административной и социально-экономической трансформации Дальневосточного региона в 1921-1923 гг.

Предметом исследования выступает процесс создания и деятельности Читинского Государственного института народного образования, особенности его организационно-правового оформления и системы управления, формирования кадрового и студенческого состава, организации учебно-воспитательной, научной и общественно-просветительской работы, взаимодействия с органами власти,

образовательными, научными, культурными учреждениями и городской общественностью, а также обстоятельства прекращения его самостоятельного существования.

Территориальные рамки исследования. В настоящем исследовании понятие «Дальневосточный регион» используется как историко-географическая категория, содержание которой определяется его административно-территориальным делением и политическим развитием в 1921-1923 гг. Основанием для употребления этого термина является территориальное устройство Дальневосточной Республики, просуществовавшей с 6 апреля 1920 г. до 15 ноября 1922 г., и Дальневосточной области – с 15 ноября 1922 г. до 4 января 1926 г. ДВР объединяла в своих границах Забайкалье, Прибайкалье и территории собственно Дальнего Востока. В окончательно сложившемся виде в состав ДВР входили Прибайкальская, Забайкальская, Амурская, Приморская и Приамурская области, а также северная часть Сахалина⁵⁸. До 15 ноября 1922 г. Чита являлась столицей Дальневосточной Республики. После включения ДВР в состав РСФСР и образования Дальневосточной области город формально утратил столичный статус, однако сохранил значение административного центра региона: в Чите продолжали находиться Дальревком и его аппарат⁵⁹. Перенос административного центра Дальневосточной области в Хабаровск состоялся только в 1924 г.⁶⁰ Таким образом, на протяжении всего исследуемого периода 1921-1923 гг. Чита оставалась местом размещения центральных органов управления сначала Дальневосточной Республики, а затем Дальневосточной области, включающей Забайкальскую, Прибайкальскую, Амурскую, Приамурскую с северной частью о. Сахалина, Приморскую и Камчатскую губернии. Тем самым, Дальневосточный регион в диссертационном исследовании понимается как исторически сложившееся политико-административное и образовательное пространство, в

⁵⁸ Мерцалов В. И. Дальневосточная республика [Электронный ресурс] // Энциклопедия Забайкалья. – Режим доступа: <https://ez.chita.ru/encycl/concepts/?id=9059> (дата обращения: 01.03.2026).

⁵⁹ Об объединении Российской Социалистической Федеративной Советской Республики с Дальне-Восточной Республикой : декрет ВЦИК от 15 ноября 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. 1923. № 1. Ст. 2.

⁶⁰ Перфильева И. А. Дальневосточный революционный комитет [Электронный ресурс] // Энциклопедия Забайкалья. Режим доступа: <https://ez.chita.ru/encycl/concepts/?id=9301> (дата обращения: 02.03.2026).

пределах которого осуществлялась деятельность его государственных органов, формировалась система народного просвещения и решалась задача подготовки кадров. Деятельность ГИНО в Чите рассматривалась в контексте трансформационных процессов в Дальневосточном регионе начала 1920-х гг.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 15 апреля 1921 г. по 20 сентября 1923 г. Нижняя граница определяется датой принятия Правительством Дальневосточной Республики акта об учреждении Читинского института народного образования, после которого началось организационное оформление вуза. Верхняя граница связана с датой прибытия преподавателей, студентов и имущества во Владивосток, включением подразделений Читинского государственного университета (ранее ГИНО) в состав Государственного Дальневосточного университета и прекращением его самостоятельной деятельности.

Теоретико-методологическая основа исследования. Исследование основано на принципах историзма, научной объективности и системности. Принцип историзма предполагает рассмотрение процесса создания и деятельности Читинского Государственного института народного образования в конкретных политических, социально-экономических и административных условиях начала 1920-х годов. Это позволяет проследить изменения в положении института во взаимосвязи с развитием Дальневосточной Республики, последующим вхождением региона в состав РСФСР и перестройкой системы управления высшим образованием.

Принцип научной объективности реализуется посредством критического анализа источников различного происхождения и сопоставления содержащихся в них сведений. Нормативные акты и официальная отчетность рассматривались в сравнении с делопроизводственной документацией института, перепиской органов управления образованием, статистическими материалами и публикациями периодической печати. Такой подход позволил установить соотношение между решениями государственных органов и практикой их реализации в деятельности ГИНО.

Принцип системности предполагает рассмотрение института не изолированно, а как части складывавшейся системы государственного управления просвещением Дальневосточной Республики. Деятельность ГИНО анализировалась во взаимосвязи с политикой Министерства народного просвещения ДВР, решениями центральных и региональных органов власти, потребностями населения в квалифицированных кадрах, а также с развитием высшего образования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке.

В работе использовался комплекс специальных исторических методов. Проблемно-хронологический метод позволил рассмотреть основные направления деятельности института и проследить их изменение на разных этапах его существования. В соответствии с данным методом исследованы процесс организационного оформления ГИНО, формирование его кадрового и студенческого состава, развитие учебно-воспитательной и научной работы, материальное положение академического сообщества и обстоятельства реорганизации вуза.

Историко-генетический метод применялся для последовательной реконструкции процесса создания, деятельности и прекращения самостоятельного существования Читинского ГИНО. Его использование позволило выявить причины учреждения института, проследить изменения его правового положения и организационной структуры, а также установить связь между преобразованиями вуза и изменением политико-административного положения Дальневосточного региона.

Историко-системный метод использовался при определении места ГИНО в системе государственных и образовательных учреждений Дальневосточной Республики. Институт рассматривался как организация, деятельность которой зависела от решений органов управления просвещением, возможностей государственного финансирования, состояния региональной экономики и взаимодействия с городскими учреждениями. Применение данного метода позволило выявить взаимосвязь между отдельными сторонами деятельности ГИНО: системой управления, кадровым составом, учебным процессом,

материальным обеспечением и положением студенчества. При использовании историко-системного метода учитывались положения, разработанные И.Д. Ковальченко⁶¹.

Сравнительно-исторический метод применялся при сопоставлении Читинского ГИНО с другими высшими учебными заведениями Восточной Сибири и Дальнего Востока. Сравнение проводилось по таким признакам, как обстоятельства создания, правовой статус, источники финансирования, система управления, кадровое обеспечение и основные направления деятельности. Это позволило выявить как общие особенности развития высшей школы региона в начале 1920-х годов, так и специфику читинского института.

Формально-юридический метод использовался при изучении Конституции Дальневосточной Республики, законов, постановлений, положений, приказов и иных нормативных актов, регулировавших деятельность ГИНО. С его помощью были определены правовой статус института, структура его органов управления, распределение полномочий между Советом, Правлением, факультетами и органами государственной власти, а также изменения в нормативном положении вуза в 1921-1923 годах.

Источниковедческий анализ позволил установить происхождение, назначение, степень полноты и достоверности привлеченных документов. Особое внимание уделялось сопоставлению нормативно закреплённых положений с фактической практикой деятельности института. Критический анализ официальной отчетности, протоколов заседаний, ведомственной переписки и материалов периодической печати позволил выявить различия между официальными оценками и реальным положением ГИНО.

Статистический метод применялся при обработке количественных сведений о численности и составе студенчества, движении учащихся, кадровом составе, финансировании и материальном обеспечении института. Полученные данные использовались для определения динамики студенческого контингента, причин

⁶¹ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования / Отделение историко-филологических наук. 2-е изд., доп. М. : Наука, 2003. 486 с.

отчисления учащихся и масштабов материальных трудностей, с которыми сталкивался вуз.

Просопографический метод использовался для реконструкции коллективного портрета профессорско-преподавательского состава ГИНО (Приложение А). На основе личных дел, анкет, списков сотрудников, отчетов и иных документов были систематизированы сведения об образовании, профессиональном опыте, научной специализации и служебной деятельности преподавателей. Это позволило определить роль представителей дореволюционной академической среды в становлении высшего образования в Чите.

При изучении материального положения преподавателей и студентов, условий их учебной и повседневной жизни использовались подходы социальной истории и истории повседневности. Они позволили рассмотреть академическое сообщество ГИНО как совокупность конкретных социальных групп, определить условия их существования, формы студенческой самоорганизации, способы решения бытовых проблем и характер взаимодействия института с городским обществом.

Совокупное применение указанных принципов, подходов и методов обеспечило комплексное рассмотрение Читинского Государственного института народного образования как государственного учебного заведения, деятельность которого развивалась в условиях политико-административных и социально-экономических преобразований Дальневосточного региона начала 1920-х годов.

Положения, выносимые на защиту:

1. Становление и деятельность Читинского Государственного института народного образования в 1921-1923 гг. проходили в условиях политической нестабильности, хозяйственных трудностей и ограниченных возможностей государственного финансирования. Наряду с поддержкой органов власти, сохранению учебно-воспитательной и научной работы института способствовали три обстоятельства: привлечение в Читу квалифицированных научно-педагогических кадров; активное трудовое и организационное участие

студенчества в обеспечении деятельности вуза; взаимодействие ГИНО с образовательными, научными и культурными учреждениями города, проявившееся в организации публичных лекций, научных обществ и совместном использовании материальной базы.

2. Организационное устройство Читинского ГИНО сочетало элементы дореволюционной академической традиции с новыми принципами государственного управления образованием, складывавшимися в Дальневосточной Республике. Сохранение коллегиальных органов управления и ведущей роли профессорско-преподавательского состава обеспечивало преемственность в организации учебно-воспитательной и научной деятельности. Одновременно участие представителей студенчества в управлении, подчинение института Министерству народного просвещения ДВР и усиление государственного контроля отражали политические и административные условия начала 1920-х годов. Такое сочетание позволяло институту продолжать работу и приспосабливаться к изменениям государственной образовательной политики.

3. В Читинском ГИНО одновременно применялись два различных подхода к формированию студенческого контингента. При поступлении на основные факультеты сохранялись академические требования, включавшие проверку необходимого уровня подготовки, а введение платы за обучение дополнительно ограничивало доступ к высшему образованию и становилось одной из причин сокращения числа слушателей. Комплектование рабочего факультета осуществлялось преимущественно по классовому принципу: прием проводился по направлениям партийных и профессиональных организаций, а требования к предварительной образовательной подготовке были снижены. Создание рабфака и государственное обеспечение его слушателей были направлены на увеличение доли рабочих и крестьян в составе студенчества.

4. Содержание учебного процесса Читинского ГИНО в 1921-1922 гг. отражало особенности образовательной политики Дальневосточной Республики и сохраняло отдельные элементы дореволюционной академической традиции. В учебных планах института продолжалось преподавание курса российской

истории, значительное внимание уделялось изучению Сибири и Дальнего Востока, что нашло отражение в курсах В. И. Огородникова, В. Я. Толмачева и других преподавателей. На фоне проходившей в высшей школе РСФСР перестройки гуманитарного образования и расширения обществоведческих дисциплин деятельность Читинского ГИНО способствовала сохранению преемственности в преподавании отечественной истории и развитию региональных исторических исследований.

5. Ликвидация самостоятельного высшего учебного заведения в Чите в 1923 г. не являлась непосредственным следствием внутренних организационных и материальных трудностей института. Определяющее значение имело изменение политико-административного положения Дальневосточного региона и проводившаяся государственными органами реорганизация высших учебных заведений и порядка управления высшей школой Дальневосточного региона.

Политическим фактором стали ликвидация Дальневосточной Республики и утрата Читой столичного статуса, повлекшие пересмотр положения института в новой административно-территориальной системе Дальневосточной области РСФСР.

Административно-экономический фактор заключался в курсе Дальревкома на централизацию управления высшей школой и концентрацию ее кадровых, финансовых и материальных ресурсов во Владивостоке.

Организационно-управленческий фактор был связан с участием В.И. Огородникова, действовавшего по поручению Дальревкома, в подготовке реорганизации высших учебных заведений региона. Его последующее назначение ректором Государственного Дальневосточного университета способствовало практической реализации решения о переводе части кадров, студентов и материальной базы Читинского института во Владивосток.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты диссертационного исследования были представлены и обсуждены на всероссийских и международных научных мероприятиях. В их числе:

- Международный исторический форум «Россия и страны восточноазиатского региона. История взаимодействия» (Чита, ЗабГУ, 18 сентября 2023 года);
- Всероссийская (с международным участием) научно-практическая конференция «Православие и общество: грани взаимодействия» в рамках XIII Забайкальских Рождественских образовательных чтений (Чита, ЗабГУ, 15 декабря 2023 года);
- V Межвузовская школа молодых ученых «Один день из жизни ученого: повседневность, коммуникации, смыслы» (Москва, Российский государственный гуманитарный университет, 6 апреля 2024 года);
- LI научно-практическая конференция молодых исследователей ЗабГУ в рамках Молодежной научной весны – 2024, секция «История дореволюционного Забайкалья» (Чита, ЗабГУ, 10 апреля 2024 года);
- VII Всероссийская научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Историческая наука завтрашнего дня» (Москва, Российский государственный гуманитарный университет, 12 апреля 2024 года);
- LII научно-практическая конференция молодых исследователей ЗабГУ в рамках Молодежной научной весны – 2025 (Чита, ЗабГУ, 31 марта 2025 года);
- Всероссийская научная конференция «Российская цивилизация: духовные истоки и исторические перспективы» в рамках Сетевых Иннокентьевских чтений (Чита, 16-17 апреля 2026 года).

Материалы и результаты диссертационного исследования использовались при реализации научного проекта «Роль высшей школы Забайкалья в формировании и развитии регионального человеческого капитала в советский период» в Забайкальском государственном университете (регистрационный номер 124121700085-9 от 17 декабря 2024 г.).

Материалы и промежуточные результаты исследования обсуждались в ходе очной научной стажировки в Центре истории российской науки и научно-технологического развития Российского государственного гуманитарного университета, проходившей в Москве с 28 марта по 12 апреля 2024 г. В ходе

консультаций с сотрудниками Центра рассматривались вопросы формирования источниковой базы, применения методов исторического исследования и изучения истории высшей школы Дальневосточного региона в начале 1920-х гг.

Основные научные результаты диссертации полно отражены в 6 статьях, из них 3 статьи опубликованы в ведущих рецензируемых научных журналах, включенных в перечень ВАК при Минобрнауки России и входящих в академический «Белый список» Российского центра научной информации (РЦНИ):

- Резников, В. В. Институциональная и социокультурная интеграция высшей школы в городское пространство (на примере Государственного института народного образования в 1921-1923 гг. в г. Чите)⁶².

- Резников, В. В. Становление государственного института народного образования в 1921-1922 годы: взгляд периодической печати Дальневосточной республики⁶³.

- Резников, В. В. Читинский институт народного образования (1921-1923): кадровые вызовы и организация учебного процесса⁶⁴.

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры истории Гуманитарно-педагогического института им. Н.Г. Чернышевского Забайкальского государственного университета.

Структура диссертации определена целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, а также приложений.

⁶² Резников, В. В. Институциональная и социокультурная интеграция высшей школы в городское пространство (на примере Государственного института народного образования в 1921-1923 гг. в г. Чите) / В. В. Резников // Самарский научный вестник. – 2025. – Т.14. – № 4. – С. 97-102.

⁶³ Резников, В. В. Становление государственного института народного образования в 1921-1922 годы: взгляд периодической печати Дальневосточной республики / В. В. Резников // Гуманитарный вектор. – 2025. – Т. 20. – № 2. – С. 134-143.

⁶⁴ Резников, В. В. Читинский институт народного образования (1921-1923): кадровые вызовы и организация учебного процесса / В. В. Резников // Манускрипт. – 2025. – Т. 18. – № 2 – С. 450–455.

Глава 1. Создание и развитие Читинского Государственного института народного образования: нормативно-правовой и организационный аспекты

1.1. Социально-экономические и политические условия развития высшего образования в Дальневосточном регионе (1920-1921 гг.)

Дальневосточная Республика, провозглашенная 6 апреля 1920 года⁶⁵, с самого начала своего существования находилась в уникальном геополитическом положении. Будучи формально независимым демократическим государством, она выполняла функцию буфера между Советской Россией и территориями, находившимися под влиянием Японии и белых правительств. Однако, провозглашенная в Верхнеудинске республика изначально не контролировала всю свою территорию. Восточное Забайкалье оставалось под властью атамана Г.М. Семенова, создавая так называемую «читинскую пробку»⁶⁶, которая физически отделяла правительство ДВР от Приамурья и Приморья⁶⁷.

Этот статус буфера не являлся случайностью, а выступал неотъемлемой частью реализации разработанного под руководством В.И. Ленина курса по созданию буферного государства на Дальнем Востоке⁶⁸. Партийно-государственное руководство видело в ДВР способ не только «отодвинуть войну с Японией», но и, возможно, «обойтись без нее»⁶⁹. Для координации действий и объединения всех антиимпериалистических сил в регионе было развернуто Дальневосточное бюро ЦК РКП(б), направившее усилия на консолидацию местных революционных центров и организацию широкого подпольного и

⁶⁵ Чита. Страницы истории / А. О. Баринов и др. ; отв. ред. М. В. Константинов ; Администрация городского округа «Город Чита», Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского. Чита : ЗабГГПУ, 2011. С. 188.

⁶⁶ Шиндялов Н. А. Ликвидация «Читинской пробки» [Электронный ресурс] // Россия и АТР. 2011. № 1. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/likvidatsiya-chitinskoy-probki> (дата обращения: 09.11.2025).

⁶⁷ История Бурятии : в 3 т. / гл. ред. Б. В. Базаров. – Улан-Удэ : Издательство БНЦ СО РАН, 2011. – Т. III : XX–XXI вв. – С. 38–45.

⁶⁸ Борьба за советский Дальний Восток. Дальневосточная республика (1920–1922 гг.) // История Сибири с древнейших времен до наших дней : в 5 т. / гл. ред. А. П. Окладников, В. И. Шунков ; отв. ред. тома И. М. Разгон. – Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1968. – Т. 4 : Сибирь в период строительства социализма. – С. 160–173.

⁶⁹ Никифоров П. М. Записки премьера ДВР: Победа ленинской политики в борьбе с интервенцией на Дальнем Востоке (1917–1922 гг.). 2-е изд., перераб. М. : Политиздат, 1974. С. 115–116.

партизанского движения⁷⁰. Создание Государственного института образования (ГИНО) как центра подготовки лояльных республике кадров полностью соответствовала этой политической линии по укреплению основ государственности ДВР изнутри, что позволяло противостоять как внешнему давлению интервентов, так и внутренним контрреволюционным силам, в частности, режиму атамана Г.М. Семенова.

Раскрывая политическую специфику этого периода, В.И. Василевский и его соавторы убедительно показывают, что борьба за власть в Забайкалье не ограничивалась военным противостоянием с интервентами и семеновцами, но носила острый идеологический характер⁷¹. В руководстве Дальбюро ЦК РКП(б) и среди левого крыла правительства республики бытовало четкое понимание: политический успех не будет окончательным без установления контроля над идеологическим пространством. Решающее значение здесь придавалось вытеснению оппонентов – прежде всего эсеров и меньшевиков – из сфер просвещения и культуры, где их влияние на интеллигенцию оставалось традиционно весомым.

Формирование собственного высшего учебного заведения являлось для властей ДВР не только методом нивелирования кадрового дефицита, но и инструментом адаптации интеллигенции к новым условиям государственного строительства. Приоритетной задачей становилось создание лояльного социокультурного пространства, обеспечивающего подготовку специалистов для нужд молодой республики.

Как подчеркивается в исторической литературе⁷², консолидация территорий под эгидой ДВР стала возможна вследствие успехов Амурского фронта и взятия Читы в октябре 1920 года. Устранение режима атамана Г.М. Семенова и ликвидация «читинской пробки» имели для региона не только военное, но и определяющее административно-политическое значение. Статус столицы превратил Читу в центральный узел управления, что в условиях форсированного

⁷⁰ Там же. С. 60, 84–85.

⁷¹ Василевский В. И., Грунин Г. В., Изгачев В. Г. и др. Борьба за власть Советов в Восточном Забайкалье / отв. ред. В. И. Василевский. Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1967. С. 312.

⁷² Там же. С. 268.

государственного строительства выявил острую нехватку управленческих кадров, способных обеспечить функционирование госаппарата. Приобретение столичных функций закономерно сопровождалось административным коллапсом. Данная ситуация стала следствием эвакуационной политики прежнего руководства «Российской Восточной окраины», реализовавшего в начале 1920 года план передислокации ключевых ведомств (судебных, силовых и финансовых) в Хайлар. Таким образом, республиканское правительство и организаторы системы образования приступали к деятельности в условиях полного отсутствия материально-финансовой и делопроизводственной преемственности, что требовало экстренных мер по поиску внутренних резервов⁷³.

Восстановление просветительского ведомства осложнялось инерцией прежней бюрократической системы. Исследователи отмечают, что региональное управление образованием в Восточной Сибири традиционно характеризовалось избыточной централизацией и сложной системой подчинения, препятствовавшей оперативному принятию решений в условиях гражданского противостояния⁷⁴.

До 1911 года система просвещения Забайкальской области зависела как от генерал-губернатора Приамурья, так и от главного инспектора в Иркутске, что порождало крайнюю неповоротливость делопроизводства. Трансформация этого громоздкого аппарата в новые ведомственные структуры, способные оперативно решать задачи строительства высшей школы стали еще одним серьезным вызовом для организаторов ГИНО.

Эта ситуация была для Читы особенно болезненной, поскольку контрастировала с периодом бурного роста в предыдущие два десятилетия. Как отмечается в справочнике-путеводителе 1923 года⁷⁵, проведение Забайкальской и Амурской железных дорог (1895-1914 гг.) стало для города вторым после декабристов и главным стимулом развития. Чита превратилась в узловой пункт,

⁷³ Дроботушенко, Е. В. Особенности эвакуации из Читы в преддверии создания Дальневосточной республики // ДВР и завершающий этап гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Чита, 3 ноября 2020 г.) / отв. ред. Е. В. Дроботушенко и др. Чита : ЗабГУ, 2020. С. 61–65.

⁷⁴ Мамкина И. Н., Блинов А. В. Региональные модели управления образованием в императорской России: сибирский вариант: монография / Забайкальский государственный университет. Чита : ЗабГУ, 2020. С. 112.

⁷⁵ Вся Чита и Забайкалье : торгово-промышленный справочник-путеводитель. Чита, 1923. С. 37.

который «в то время начинает спорить с Иркутском и Харбином». К 1914 году население города достигло 60000 чел., а в центре его деревянные постройки вытеснялись каменными.

Американский журналист Джуниус Б. Вуд, посетивший тогда столицу ДВР, писал, что война «пронеслась опустошительной волной и весьма понизила и материальный, и культурный уровень Читы»⁷⁶. Поэтому ГИНО в 1921 году создавался в условиях жесткого финансового кризиса и общего упадка. Описывая масштабы этого явления, журналист называл страну, «парализованной последствиями войны». На знаменитой читинской барахолке бывшие аристократы стояли «бок о бок с пролетариатом»⁷⁷, распродавая последние вещи, чтобы выжить. Д.Б. Вуд фиксировал транспортную разруху на железных дорогах, финансовый хаос и тотальную зависимость многих горожан от скудных государственных пайков. Эти заметки независимого очевидца отлично подтверждают, в каких экстремальных условиях создавался ГИНО⁷⁸ – на фоне управленческих трудностей и острой нехватки материальных ресурсов.

Но если материальная разруха просто подрывала повседневный быт молодого государства, то еще более тяжелым испытанием для ДВР стал глубокий кадровый кризис, охвативший все сферы жизни. Охвативший Забайкалье в начале 1920-х годов, он был многократно усилен беспрецедентным по своим масштабам вынужденным переселением гражданского населения⁷⁹. К концу 1919 года на фоне отступления белых армий Чита и железнодорожные станции Забайкалья оказались критически переполнены беженцами, а также эвакуированными учреждениями⁸⁰. Масштаб миграционного кризиса и угроза эпидемий вынудили местные власти прибегнуть к выставлению заградительных постов и искусственному ограничению въезда в региональную столицу, поскольку наплыв

⁷⁶ Вуд Д. Б. Дальневосточная республика (Заметки американского путешественника о Чите 1920-х гг.) // Переводчик. 2001. № 3. С. 72–76.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Рынков В. М. «Сибирский бег»: вынужденные миграции на востоке России в годы гражданской войны (1918–1922 гг.) [Электронный ресурс] // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2014. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sibirskiy-beg-vynuzhdennye-migratsii-na-vostoke-rossii-v-gody-grazhdanskoy-voyny-1918-1922-gg> (дата обращения: 28.03.2026).

⁸⁰ Там же.

населения катастрофически осложнил продовольственную, жилищную и санитарную обстановку.

Практика изъятия гостиниц, общественных и школьных зданий для нужд прибывших фактически парализовала повседневную работу учебных заведений. Скученность людей провоцировала вспышки инфекционных заболеваний (прежде всего, сыпного тифа), локализовать которые в местах массового скопления людей не представлялось возможным. Учреждение и обустройство нового института на фоне столь тяжелого инфраструктурного кризиса требовало предельной мобилизации общественных сил.

Впрочем, еще более критичным фактором, чем материальная разруха и изоляция, стал тотальный кадровый голод, охвативший все сферы жизни ДВР. Революция, Гражданская война и эмиграция привели к массовому оттоку и сокращению числа квалифицированных специалистов. Наиболее ярко этот дефицит проявился в сельском хозяйстве – ключевой отрасли экономики региона⁸¹. В документах того времени состояние аграрной отрасли характеризовалось как «варварское»⁸². Печать фиксировала обращения крестьян: «Нам нужна не только материальная помощь. Нам нужна еще другая помощь – книжкой, советом, агрономом, главным образом агрономом»⁸³.

Эта нехватка не была вызвана исключительно минувшей войной, она сложилась еще в дореволюционное время. Как отмечается в «Известиях кафедры прибайкальеведения при Прибайкальском народном университете»⁸⁴, царское управление Забайкалья в предшествующее перевороту десятилетие приходило к заключению о сильном недостатке агрономов.

Проблема усугублялась тем, что даже те немногие специалисты, которые работали в регионе, зачастую не соответствовали условиям послевоенного времени. Большинство сотрудников земельных органов на Дальнем Востоке были

⁸¹ Бумбар, М. Э. Становление и развитие сельскохозяйственного образования на Дальнем Востоке и Забайкалье (вторая половина XIX в. – 30-е годы XX в.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Бумбар Марина Эдуардовна. – Владивосток, 2002. – 276 с.

⁸² РГИА ДВ. Ф. 2422. Оп. 1. Д. 294. Л. 76.

⁸³ Борисов Ю. С. Подготовка производственных кадров сельского хозяйства СССР в реконструктивный период. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1960. С. 173.

⁸⁴ Известия Кафедры прибайкальеведения при Прибайкальском народном университете. Верхнеудинск, 1921. № 1. Июль. С. 15–20.

«старым контингентом работников дореволюционного периода»⁸⁵, их квалификация не отвечала требованиям восстановления сельского хозяйства, а возможность приглашения новых кадров из центра была исключена из-за общесоюзного дефицита. Данное положение наглядно иллюстрируют сведения о численности агрономического персонала на 1923 год, позволяющие судить о критическом недостатке обученных людей в начале десятилетия (см. Таблицу 1).

Таблица 1 – Численность низового агрономического персонала на Дальнем Востоке и в Забайкалье в 1923 году⁸⁶

Должности	Забайкальская область	Приморская область	Амурская область	Всего
Уездный агроном	5	–	5	10
Участковый агроном	8	3	1	12
Итого	13	3	6	22

Как видно из таблицы, на огромную территорию Дальнего Востока приходилось всего 22 агронома, 13 из которых работали в Забайкальской области. Этот показатель является индикатором общей проблемы: если в ключевой для региона отрасли наблюдалось такое совершенное разорение, можно с уверенностью утверждать, что дефицит учителей, врачей и инженеров был столь же острым.

Военный губернатор Забайкальской области, генерал-лейтенант Михаил Исаевич Эбелов, в своем секретном циркуляре от 12 сентября 1908 года прямо заявлял, что народный учитель должен быть прежде всего «патриотом, преданным основам нашей государственности и православной вере»⁸⁷. С помощью сведений тайного надзора губернатор делал вывод: из 540 народных учителей региона «более выдающихся по требуемым служебным и нравственным качествам только 11 или 2,25%»⁸⁸.

После разгрома войск атамана Г.М. Семенова значительная доля учителей начальных и средних школ эвакуировалась вместе с его войсками на восток.

⁸⁵ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Д. 9060. Л. 42.

⁸⁶ РГИА ДВ. Ф. 2422. Оп. 1. Д. 294. Л. 75.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же.

Оставшиеся, заподозренные в нелояльности, были уволены приказом по Министерству народного просвещения (МНП) № 10 от 30 ноября 1920 года.

Этот конфликт лояльностей был неизбежен, так как, по мнению В.И. Василевского, обе противоборствующие стороны в Забайкалье претендовали на полноту государственности и обладали собственным видением образовательной политики⁸⁹. Для правительства ДВР педагоги, работавшие при режиме атамана Семенова, рассматривались не просто как исполнители, а как носители враждебной идеологии «белой государственности».

Вместе с тем в условиях коалиционного характера власти ДВР и проведения широких амнистий в отношении участников Белого движения, привлечение квалифицированных дореволюционных кадров (включая лиц с оппозиционным прошлым) оставалось легальной практикой, призванной компенсировать кадровый голод, что отличало образовательную ситуацию в республике от жесткой фильтрации профессуры в РСФСР.

Именно этот глубокий кадровый кризис в системе просвещения Забайкалья, где действовавшие учительские семинарии края, реорганизуемые в краткосрочные педагогические курсы, объективно не могли покрыть колоссальный дефицит специалистов, сделал открытие самостоятельного высшего учебного заведения в Чите неотложной задачей⁹⁰.

Эта кадровые проблемы, как отмечается в издании «Борьба за власть Советов в Восточном Забайкалье», была продиктована суровой необходимостью военного времени и жестким противостоянием с саботажем чиновников старого аппарата⁹¹. Новая власть нуждалась не просто в специалистах-предметниках, а в преданных делу революции гражданах, способных проводить в массы государственную политику. Институт должен был в кратчайшие сроки стать

⁸⁹ Василевский В. И. Забайкальская белая государственность в 1918–1920 годах : Краткие очерки истории. Чита : Поиск, 2000. С. 82-91.

⁹⁰ Белоглазова, С. Б. Политика Дальневосточной республики в сфере образования [Электронный ресурс] // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2018. № 19. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-dalnevostochnoy-respubliki-v-sfere-obrazovaniya> (дата обращения: 12.04.2025).

⁹¹ Василевский В. И., Грунин Г. В., Изгачев В. Г. и др. Борьба за власть Советов в Восточном Забайкалье / отв. ред. В. И. Василевский. Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1967. 365 с.

кузницей таких кадров, заменив собой дореволюционные структуры подготовки, скомпрометировавшие себя в глазах большевистского руководства.

Масштаб этой острой нехватки преподавателей, для восполнения которой создавался вуз, подтверждается статистикой, приведенной отделом народного образования Забайкальского губернского исполнительного комитета. По его данным, в ноябре 1920 года в Забайкальской губернии действовало 502 школы I ступени и 22 школы II ступени, обеспеченность учительскими кадрами составляла всего 69%. Ситуация продолжала ухудшаться: к 1 мая 1921 года, то есть в момент принятия решения об учреждении института, недостаток учительского персонала в области достиг 483 чел.⁹².

Дефицит узких специалистов усугублялся катастрофически низким уровнем базового образования населения. Из общего числа жителей республики 539642 чел.⁹³ неграмотными были 364425 чел., что составляло 67,5%. Можно также упомянуть, что неграмотных женщин в этой возрастной группе было почти в 4 раза больше, чем мужчин⁹⁴.

Потребность в знающих свое дело работниках многократно превышала возможности региона. В этих условиях городские объединения – союзы тружеников, промысловые товарищества, общественные собрания – стали главными силами, восполняющими недостаток законодательной базы при открытии местного учебного заведения. Дефицит преподавателей был повседневной действительностью, тормозившей общественное и хозяйственное развитие края и требовавшей немедленных и всесторонних мер.

Необходимо подчеркнуть, что опора на общественную инициативу при создании ГИНО не была случайным явлением – она имела под собой глубокий исторический базис. Как справедливо указывают И.Н. Мамкина и А.В. Блинов⁹⁵, успех начального этапа вузовского строительства в значительной степени

⁹² ГАЗК. Ф. Р-1448. Оп. 1. Д. 35. Л. 10.

⁹³ Статистический ежегодник. 1923–1925 гг. : в 2 ч. Хабаровск : Типография «Тихоокеанская звезда», 1926. Ч. 1 : Очерки культурного и экономического состояния Дальневосточного края. С. 18–19; 20–21.

⁹⁴ Сажина А. И. Государственная политика советской власти в области образования и просвещения взрослого населения в 1917–1927 гг. (на материалах Восточного Забайкалья) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Сажина Антонина Иннокентьевна. Чита, 2015. С. 87.

⁹⁵ Мамкина И. Н., Блинов А. В. Региональные модели управления образованием в императорской России: сибирский вариант: монография / Забайкальский государственный университет. Чита : ЗабГУ, 2020. С. 160.

определялся укоренившейся в Забайкалье традицией привлечения внебюджетных средств и общественной поддержки в сфере просвещения.

Раскрытие этих механизмов позволяет проследить традиции региональной общественной инициативы и мобилизации ресурсов (в частности, в области формирования благотворительных фондов). При этом данная преемственность носила внеинституциональный характер: организационной преемственности между дореволюционными учебными заведениями и советскими институтами народного образования не существовало.

Статистические данные 1913 года по Забайкальской дирекции народных училищ выглядят в этом отношении весьма репрезентативно: из общего объема ассигнований на содержание 414 начальных школ, составлявшего 511519 руб., прямые казенные субсидии покрывали лишь 40,7%. В то же время доля общественных сборов достигала беспрецедентных для того времени 38,1%⁹⁶. Систематическое участие местного купечества, золотопромышленников и казачества в реализации образовательных проектов позволило области выйти на лидирующие позиции по темпам роста школьной сети, опережая по ряду показателей даже Иркутскую губернию. Именно эта исторически сложившаяся социальная почва и стала тем фундаментом, на котором в начале 1920-х годов удалось развернуть работу по формированию института.

Создание самостоятельного вуза в Чите становилось стратегически важным решением. Оно позволяло начать подготовку интеллигенции лояльной новой власти, способной реализовывать политику в сфере просвещения. Сама идея создания института народного образования, открытого для широких слоев населения и ориентированного на практические нужды, перекликалась с получившим распространение в России после революции 1905-1907 гг. движением народных университетов. Эти учреждения, часто создаваемые общественными организациями, предназначались для тех, кто был лишен доступа к государственному высшему образованию, и ставили своей целью широкое

96 Мамкина И. Н., Блинов А. В. Региональные модели управления образованием в императорской России: сибирский вариант: монография / Забайкальский государственный университет. Чита : ЗабГУ, 2020. С. 161.

распространение просвещения и подготовку к сознательной гражданской жизни. Хотя ГИНО был государственным замыслом ДВР, его демократический характер приема и ориентация на просвещение во многом соответствовали духу народных университетов⁹⁷.

Однако в условиях пограничного государства эта мера выполняла задачу внешнего фактора. Сохраняя декларируемые принципы самоуправления и общедоступности, ГИНО выполнял важную репрезентативную функцию, демонстрируя международному сообществу (прежде всего, Японии и США) стремление ДВР к построению правового и просвещенного государства.

Размещение образовательного центра в Чите укрепляло ее административное значение и способствовало концентрации интеллектуальных сил в столице. Политическая нестабильность, суверенизация ДВР и ее фактическая изоляция выступили главными движущими силами, превратившими идею о высшем образовании в Забайкалье в неотложную государственную задачу, решение которой было поручено Министерству народного просвещения ДВР (МНП ДВР).

Образовательная политика ДВР была не просто реакцией на кризис, а частью продуманного идеологического начинания. Руководство республики, декларируя демократические принципы, стремилось к построению нового общества, основанного на всеобщей грамотности и просвещении. Создание высшей школы рассматривалось как ключевой инструмент для формирования «нового человека» и интеллигенции, способной стать опорой государственности. В правительственных документах и публичных выступлениях того времени постоянно звучит мысль о необходимости скорейшей подготовки «квалифицированных кадров по просвещению»⁹⁸, которые должны были стать проводниками государственной политики на местах. Это особое внимание к кадровому вопросу было актуальным в образовании взрослых.

⁹⁷ Ростовцев Е. А., Сидорчук И. В. Расписание перемен: очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы) / отв. ред. А. Н. Дмитриев. М. : Новое литературное обозрение, 2012. С. 294–356.

⁹⁸ Правительственная газета ДВР. 1921. № 264. 24 апреля. С. 6.

Еще до формального учреждения ГИНО МНП ДВР осознавало стратегическую важность грамотности и политического просвещения населения, особенно в свете предстоящих выборов в Учредительное собрание. Ранние усилия включали призывы к общественной инициативе и попытки предоставления ресурсов местным учреждениям⁹⁹. Эта установка была закреплена и в Основном законе (Конституции) Дальневосточной республики, принятом 27 апреля 1921 года¹⁰⁰. Статья 174 Конституции гласила: «Республика ставит своей задачей предоставить всем ее гражданам, и в первую очередь трудящимся, всестороннее образование»¹⁰¹.

Само название «Институт народного образования» (ИНО) было не случайным, а напрямую отражало общегосударственную политику Народного комиссариата просвещения РСФСР того периода. В августе 1919 года, во время коренных преобразований, учительские семинарии и институты старого образца было решено реорганизовать в педагогические курсы или ИНО¹⁰². Новые вузы предназначались для подготовки педагогов сразу всех ступеней «Единой трудовой школы», а также работников дошкольного и всеобщего обучения. Таким образом, можно констатировать, что при учреждении ГИНО правительство ДВР опиралось на новейший, хотя и экспериментальный, советский пример педагогического вуза.

Ключевую роль в создании ГИНО сыграло Министерство народного просвещения ДВР. С ноября 1920 года обязанности министра временно исполнял М.П. Малышев¹⁰³. 9 мая 1921 года, с формированием коалиционного правительства, на пост министра был назначен народный социалист К.С. Шрейбер, а М.П. Малышев стал его заместителем (товарищем министра).

⁹⁹ По нашим учреждениям // Дальневосточная республика. 1920. № 10. С. 2.

¹⁰⁰ Основной закон (Конституция) Дальне-Восточной республики : утвержден Учредительным собранием Дальнего Востока 27-го апреля 1921 г. Владивосток, 1921. С. 23.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Войтеховская М. П., Кочурина С. А. Формирование сети педагогических учебных заведений в Сибири и на Дальнем Востоке в условиях советской модернизации образования и введения всеобщего обучения в 1917 – начале 1930-х гг. [Электронный ресурс] // Научно-педагогическое обозрение (Pedagogical Review). 2022. Вып. 6 (46). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-seti-pedagogicheskikh-uchebnyh-zavedeniy-v-sibiri-i-na-dalnem-vostoke-v-usloviyah-sovetskoy-modernizatsii-obrazovaniya> (дата обращения: 10.03.2025).

¹⁰³ Белоглазова С. Б. Политика Дальневосточной республики в сфере образования [Электронный ресурс] // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2018. № 19. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-dalnevostochnoy-respubliki-v-sfere-obrazovaniya> (дата обращения: 12.04.2025).

Фигура Шрейбера была показательна для политической элиты ДВР, демонстрируя готовность к компромиссам: еще в сентябре 1920 года, до освобождения города, он возглавлял в Чите «Временное Забайкальское народное собрание», которое, по оценкам НРА, являлось лишь «ширмой для атамановщины Семенова»¹⁰⁴.

Именно МНП ДВР в этот период активно занималось решением кадрового вопроса, для чего М.П. Малышев в мае-июле 1921 года совершил поездку в Омск, Иркутск и Томск для приглашения профессоров и преподавателей в Читу¹⁰⁵.

При этом создание ГИНО было не единственной, а одной из нескольких конкурирующих и зачастую хаотичных попыток реформирования педагогического образования в регионе. Как показывают М.П. Войтеховская и С.А. Кочурина¹⁰⁶, пока в Чите создавался ИНО, во Владивостоке местный учительский институт был преобразован в «Государственный Дальневосточный педагогический институт им. К.Д. Ушинского», а Хабаровский учительский институт, напротив, был директивно реорганизован в «Педагогические курсы».

Более того, будущий министр просвещения, профессор ГИНО А.А. Половинкин (Рисунок Б.6) обосновывал закрытие курсов в Хабаровске необходимостью «концентрировать значительные материальные ресурсы» именно в Читинском ИНО. Исследователи характеризуют этот период как «череду непродуманных решений», в результате которой слаженная, хоть и требовавшая реформ система педагогического образования была разрушена, заменена на малоэффективные переходные формы. Отсюда следует, что ГИНО был создан не только в условиях кадрового голода, но и в обстановке глубокой ведомственной неразберихи и борьбы за ресурсы между конкурирующими образовательными проектами.

¹⁰⁴ Шиндялов Н. А. Ликвидация «Читинской пробки» [Электронный ресурс] // Россия и АТР. 2011. № 1. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/likvidatsiya-chitinskoy-probki> (дата обращения: 09.11.2025).

¹⁰⁵ Белоглазова С. Б. Политика Дальневосточной республики в сфере образования [Электронный ресурс] // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2018. № 19. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-dalnevostochnoy-respubliki-v-sfere-obrazovaniya> (дата обращения: 12.04.2025).

¹⁰⁶ Войтеховская М. П., Кочурина С. А. Законодательные инициативы по реформированию педагогического образования на Дальнем Востоке в 1918–1922 гг. // Научно-педагогическое обозрение. 2021. № 1 (35). С. 152–166.

Осознавая невозможность быстрого решения кадровой проблемы за счет приглашения специалистов извне, Министерство сделало ставку на самостоятельную подготовку учителей. Министерство народного просвещения ДВР, первоначально возглавляемое М.П. Малышевым, прямо заявляло о намерении проводить образовательные реформы по образцу Советской России¹⁰⁷. Его структура включала самостоятельные отделы: дошкольный, школьный, внешкольный (для взрослых) и профессионального образования, что отражало эти комплексные цели¹⁰⁸. Однако, как отмечается в отчетах ведомства, первоначально организация института шла медленно, что объяснялось неопределенностью его положения и отсутствием достаточного числа ведущих специалистов. Попытки привлечь преподавателей в Советской России давали скромные результаты: из нескольких профессоров, давших согласие на переезд, в Читу прибыл только М.К. Азадовский (Рисунок Б.7).

Ситуация кардинально изменилась с прибытием в Читу группы профессоров, приглашенных непосредственно Правительством ДВР – В.И. Огородникова, П.П. Маслова, Н.И. Никифорова и преподавателя Р.И. Апелля¹⁰⁹. Приезд профессорско-преподавательского состава из Казани, Томска, Иркутска и других городов был обусловлен разными причинами. Некоторые спасались от голода, охватившего Поволжье и Сибирь. Другие не симпатизировали советской власти и уже могли столкнуться с начавшимися «чистками» преподавательского состава в сибирских вузах. Для них относительно «сытая»¹¹⁰ Чита, а также декларируемый ДВР демократизм, дававший надежду на сохранение университетской автономии, казались привлекательной альтернативой. Среди огромной массы людей, спасавшихся от тягот Гражданской войны, значительную долю составляли представители интеллигенции – учителя, врачи, деятели искусства, которые перемещались на восток из Поволжья, Урала и

¹⁰⁷ Реформы в Сов. России // Дальневосточная республика. 1920. № 183. С. 2.

¹⁰⁸ По нашим учреждениям // Дальневосточная республика. 1920. № 10. С. 2.

¹⁰⁹ Вестник Просвещения : журнал Министерства Народного Просвещения ДВР. 1922. № 2. С. 82.

¹¹⁰ Константинов А. В. Государственный институт народного образования в Чите: к 100-летию высшего образования в Забайкалье // Приграничный регион в историческом развитии: партнерство и сотрудничество : материалы международной научно-практической конференции (Чита, 17 сентября 2021 г.). Чита : ЗабГУ, 2021. С. 78–82.

Западной Сибири. Попад в тяжелейшую жизненную ситуацию, многие из них лишились своего имущества и не получали должной поддержки со стороны государственных структур. Вынужденное переселение оборачивалось для образованных слоев общества резким ухудшением материального положения, нищетой и глубокой социальной неустроенностью¹¹¹. Однако именно это стихийное движение населения создало ту уникальную среду, которая позволила укомплектовать профессорско-преподавательский корпус Читинского ГИНО. Для многих представителей старой академической школы, лишившихся привычного уклада жизни, открытие самостоятельного высшего учебного заведения в Чите стало не только возможностью вернуться к профессиональной деятельности, но и прямым способом спасения.

Как указывает Ван Юе¹¹², миграция академических сил в этот период была обусловлена не только материальными лишениями, но и поиском новых форм организации высшей школы, которые декларировались в ДВР как более демократичные по сравнению с жесткой централизацией в Советской России. Для многих представителей старой профессуры Чита стала временным убежищем, где они надеялись реализовать свои педагогические концепции в рамках «народных университетов» или институтов нового типа, свободных от прямого давления столичной бюрократии.

Все прибывшие профессора обладали солидным академическим опытом: В.И. Огородников – профессор Казанского университета и первый декан истфила ИГУ; П.П. Маслов – известный экономист-аграрник, меньшевик, профессор Омского СХИ и ИГУ; Н.И. Никифоров – приват-доцент Киевского университета, профессор Омского политеха и ИГУ. Их прибытие позволило перейти от деклараций к практическим действиям¹¹³.

¹¹¹ Рынков В. М. «Сибирский бег»: вынужденные миграции на востоке России в годы гражданской войны (1918–1922 гг.) [Электронный ресурс] // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2014. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sibirskiy-beg-vynuzhdennye-migratsii-na-vostoke-rossii-v-gody-grazhdanskoy-voyny-1918-1922-gg> (дата обращения: 28.03.2026).

¹¹² Ван Юе. История вузовского китаеведения на Дальнем Востоке России: 1920–1930-е гг. : дис. ... канд. ист. наук : 5.6.1 / Ван Юе. Владивосток, 2023. С. 36.

¹¹³ Вестник просвещения: журнал Министерства народного просвещения ДВР. 1921. № 2. С. 2.

Центральной фигурой этой экспертной академической инициативы стал Владимир Иванович Огородников¹¹⁴. Его появление в Чите летом 1921 года не было случайностью. Будучи признанным историком и первым деканом историко-филологического факультета Иркутского университета, В.И. Огородников с 1920 года вел переговоры о переходе Государственного Дальневосточного университета во Владивосток, который «испытывал крайнюю нужду в ученых силах»¹¹⁵. Однако переписка затянулась до марта 1921 года. Вероятно, именно эта задержка заставила его принять более конкретное встречное предложение от министра просвещения ДВР М.П. Малышева – не просто должность профессора, а пост ректора нового института в столице республики, который ему предстояло создать практически заново¹¹⁶.

Профессор Владимир Иванович Огородников¹¹⁷, один из основателей ГИНО, в своей статье «Основы строительства высшей школы»¹¹⁸, опубликованной в «Дальне-восточном Телеграфе», четко формулировал эту задачу. Он писал, что высшая школа должна «согласовать потребность научного образования с настоятельной нуждой Республики в хорошо подготовленных работниках для различных областей жизни и государственного строительства»¹¹⁹. По его мнению, образование не могло существовать без «деятельной поддержки и ближайшего надзора государственной власти», что прямо указывало на его государственный, а не сугубо академический характер.

Эта государственная установка была четко сформулирована на ученом совещании под председательством министра народного просвещения 15 июня

¹¹⁴ Малявина Л. С. Владимир Иванович Огородников (1886–1938 гг.) – жизнь и судьба первого советского ректора Государственного дальневосточного университета [Электронный ресурс] // Манускрипт. 2021. Т. 14. № 9. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vladimir-ivanovich-ogorodnikov-1886-1938-gg-zhizn-i-sudba-pervogo-sovetskogo-rektora-gosudarstvennogo-dalnevostochnogo-universiteta> (дата обращения: 13.11.2025).

¹¹⁵ Войтеховская М. П., Кочурина С. А. Формирование сети педагогических учебных заведений в Сибири и на Дальнем Востоке в условиях советской модернизации образования и введения всеобщего обучения в 1917 – начале 1930-х гг. [Электронный ресурс] // Научно-педагогическое обозрение (Pedagogical Review). 2022. Вып. 6 (46). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-seti-pedagogicheskikh-uchebnyh-zavedeniy-v-sibiri-i-na-dalnem-vostoke-v-usloviyah-sovetskoy-modernizatsii-obrazovaniya> (дата обращения: 10.03.2025).

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Дроботушенко Н. Е. Огородников Владимир Иванович // Малая энциклопедия Забайкалья. Наука и образование : в 2 ч. / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск : Наука, 2011. Ч. 2. С. 66.

¹¹⁸ Огородников В. И. Основы строительства высшей школы. Высшая школа Республики // Дальне-Восточный телеграф. 1921. № 53. 6 октября. С. 5.

¹¹⁹ Там же.

1921 года. Присутствовавшие профессора Владимир Иванович Огородников (Рисунок Б.8), Петр Павлович Маслов (Рисунок Б.9), Николай Иванович Никифоров (Рисунок Б.10) и другие постановили, что при строительстве высших учебных заведений в ДВР необходимо учесть опыт советских и дореволюционных школ, но с ключевым уточнением: новые вузы должны создавать «работников практических, а не теоретиков прошлого»¹²⁰. Данная директива закрепила прикладную направленность деятельности института, сместив приоритеты с фундаментальных научных изысканий на удовлетворение социально-экономических потребностей региона. В силу этого создание ГИНО рассматривалось как неотъемлемая часть процесса обеспечения идеологической и культурной самостоятельности ДВР.

По инициативе этой группы было созвано особое ученое совещание, которое разработало общие основы будущей высшей школы и учредило Комитет по созданию института – действенный орган, взявший на себя разработку ключевых нормативных документов и координацию организационных мероприятий. «Положение о Комитете» было утверждено 25 июня 1921 года, а 27 июня он был образован в составе ректора В.И. Огородникова (председателя), профессора Н.М. Обухова и Г.Н. Талана.

Далее под руководством министра К.С. Шрейбера Комитет решил основные организационные и хозяйственные вопросы: сформировал канцелярии, завершил ремонт, подобрал кадры, организовал учебно-вспомогательные учреждения, пополнил библиотеку. После завершения его работы, 3 сентября 1921 года¹²¹, начали функционировать Совет, правление и заседания факультетов института¹²².

В состав Правления института в 1921/1922 учебном году входили: ректор В.И. Огородников (председатель), деканы А.А. Половинкин и П.П. Маслов, помощник ректора профессор М.К. Азадовский и представитель студентов В.И. Волков. Кроме того, с правом совещательного голоса в заседаниях

¹²⁰ Правительственная газета ДВР. 1921. № 303. 22 июня. С. 3.

¹²¹ В Институте Народного Образования // Дальне-Восточный телеграф. – 1921. – № 27. – 3 сентября. – С. 6.

¹²² Малявина Л. С. Читинский институт народного образования (1921–1923 гг.): уточненные страницы истории первого вуза Забайкалья // ДВР и завершающий этап гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Чита, 3 ноября 2020 г.) / отв. ред. Е. В. Дроботушенко и др. Чита : ЗабГУ, 2020. С. 118–122.

участвовали заведующий хозяйством И.В. Жиров (избранный из студентов) и секретарь Правления Г.Н. Талан. Административная структура факультетов также была четко определена: секретарем Совета института был В.А. Малаховский (Рисунок Б.11); секретарем физмата – сначала А.Ф. Кржечковский, затем Н.П. Бобровников; секретарем гумфака – П.П. Дрягин¹²³.

Выбор профиля «народное образование» был не случаен. Он отвечал главной потребности времени – подготовке квалифицированных кадров по просвещению для новой единой школы I и II ступени. Миссия института с самого начала формулировалась не как элитарно-академическая, а как социально-практическая: вуз должен был готовить не столько ученых, сколько просветителей, учителей и организаторов культурной жизни, способных работать в сложных условиях послевоенного восстановления.

Однако реализация этих амбициозных планов столкнулась с суровыми бытовыми реалиями. Финансирование было минимальным, что подтверждается фразой министра просвещения, обращенной к студентам-активистам: «Наша касса пуста – на нас не надейтесь»¹²⁴.

В качестве помещения новому учебному заведению было выделено здание бывшей Первой женской гимназии. Выбор именно этой постройки был не случаен. Как убедительно доказано в исследовании М.В. Пряженниковой, О.А. Яремчук и В.В. Кузнецова, данное сооружение, возведенное в 1907-1909 годах, являлось одним из самых передовых и добротных в дореволюционной Чите¹²⁵. Здание изначально проектировалось по строгим правилам и высоким требованиям того времени: оно было оснащено водяным отоплением, электрическим освещением, сложной системой вентиляции и имело просторные, светлые учебные классы¹²⁶.

Однако этот внушительный материальный запас прочности был почти полностью утрачен за годы Гражданской войны. После того как в здании

¹²³ Вестник просвещения: журнал Министерства народного просвещения ДВР. 1921. № 2. С. 3.

¹²⁴ В читинском И.Н.О. // Правительственная газета ДВР. 1921. № 309. 28 июня. С. 4–5.

¹²⁵ Пряженникова М. В., Яремчук О. А., Кузнецов В. В. История строительства Первой женской гимназии в городе Чите // Манускрипт. 2020. Т. 13. № 12. С. 72.

¹²⁶ Там же. С. 77.

поочередно размещались различные воинские части, это некогда образцовое строение досталось институту в полуразрушенном состоянии. Ему требовался срочный капитальный ремонт: центральное отопление и водопровод были выведены из строя, электропроводку расхитили, а от немногочисленной мебели остались лишь обломки. В итоге руководству, преподавателям и студентам ГИНО пришлось начинать учебный процесс в суровых бытовых условиях, восстанавливая здание буквально из руин.

Статистика работы Правления за этот период весьма показательна. Из 412 рассмотренных вопросов абсолютное большинство касалось не академических, а сугубо хозяйственных проблем: 91 вопрос был посвящен ремонту, еще 77 – оборудованию кабинетов. Для сравнения, кадровые перестановки (прием и увольнение) обсуждались всего 11 раз, студенческие долги – 23 раза, а выдача ссуд сотрудникам – 75¹²⁷. Эти цифры убедительно доказывают: экстремальные условия, в которых создавался институт, не закончились в 1921 году. Они продолжали диктовать повестку дня, превращая физическое выживание и ремонт в главную административную задачу руководства.

Учреждение Читинского государственного института народного образования в 1921 г. было связано с потребностью Дальневосточной Республики в подготовке квалифицированных кадров¹²⁸. Столичный статус Читы, удаленность других высших учебных заведений, транспортные трудности и нехватка учителей, агрономов и других специалистов усиливали необходимость открытия вуза непосредственно на территории республики.

Правительство ДВР определило правовое положение института, предоставило ему здание и выделяло средства на его содержание. Вместе с тем ограниченные финансовые возможности государства обусловили необходимость участия преподавателей, студентов и городских учреждений в ремонте помещений, оборудовании кабинетов и организации учебной работы.

¹²⁷ ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 3. Д. 267. Л. 6.

¹²⁸ Резников, В. В. Становление высшего образования в Забайкалье: Государственный институт народного образования / В. В. Резников // Записки Забайкальского отделения Российского исторического общества. – 2024. – № 1 (6). – С. 40–43.

Таким образом, открытие ГИНО стало результатом государственной инициативы, поддержанной профессорско-преподавательским составом, студенчеством и учреждениями Читы. Именно этот синтез государственной воли и общественной энергии позволил в кратчайшие сроки создать «из ничего здание науки»¹²⁹, траектория развития которого была с самого начала предопределена условиями его появления: ориентацией на практические нужды региона, опорой на внутренние ресурсы и высокой степенью социальной ответственности его создателей.

1.2. Формирование нормативно-правовой базы, системы управления и кадрового состава института

Переход от осознания необходимости создания высшей школы в столице ДВР к ее практической реализации представлял собой сложный, но стремительный процесс, в котором государственная воля тесно переплеталась с академической инициативой. Если политическая изоляция и дефицит кадров 1921 года сформировали запрос, то именно организационные решения, принятые весной-осенью того же года, и энергия небольшой группы приглашенных специалистов позволили заложить фундамент будущего института. Анализ этого процесса показывает, как в условиях дефицита ресурсов и времени была выстроена управленческая структура, определен правовой статус и сформировано академическое ядро, способное запустить учебный процесс. Этот этап стал решающим, воплотив общую мысль в работающее учреждение, готовое к приему первых студентов и выполнению возложенной на нее государственной миссии.

Первоначально задача по созданию института была возложена на Министерство народного просвещения Дальневосточной Республики. Однако, как следует из отчетных документов того периода, процесс «шел медленно», что объяснялось неопределенностью положения и отсутствием достаточного числа

¹²⁹ Огородников В. И. Основы строительства высшей школы. Высшая школа Республики // Дальне-Восточный телеграф. 1921. № 53. 6 октября. С. 5.

ведущих специалистов. На первых этапах организация была поручена назначенным министерством чиновникам, изначально обязанности исполнял И.П. Котиков, заместителем которого была А.Н. Бек (Рисунок Б.12).

Значимость нового профессорско-преподавательского состава для республики обуславливалась тем фактом, что сразу после открытия института пять его профессоров вошли в состав Ученого совета при Министерстве народного просвещения ДВР. Этот орган был наделен широкими полномочиями: он руководил научным издательством в республике, имел право создавать новые учебные заведения, организовывать научные экспедиции и утверждать уставы¹³⁰. Это превращало ГИНО не просто в педагогический вуз, а в главный научный и экспертный центр Дальневосточной Республики, ответственный за формирование всей научной и образовательной политики.

«Положение об Ученом Совете»¹³¹ подтверждает и детализирует этот высокий статус. Документ устанавливал, что председателем Совета являлся сам министр народного просвещения, а его члены, включая профессоров ГИНО, хоть и назначались министром, но дополнительно утверждались «Правительством Дальне-Восточной Республики» (ст. 1 и прим.). Кроме того, компетенция Совета выходила за рамки образования: согласно ст. 5, ему поручалось устройство архивного и музейного дела, что официально ставило профессоров института в центр всей культурной политики республики.

Столь высокий статус профессуры в государственной иерархии подтверждает, что институт рассматривался властью как важный политический ресурс. Наличие в Ученом совете «старой» профессуры с дореволюционным академическим цензом позволяло правительству ДВР демонстрировать преемственность правовых и культурных традиций, маскируя революционный характер власти.

Следующим шагом стало формирование нормативной базы. В течение лета и ранней осени Комитет по созданию института и Ученое совещание разработали

¹³⁰ ГАЗК. Ф. Р-32. Оп. 1. Д. 6. Л. 1-4.

¹³¹ Положение об Ученом Совете // Вестник просвещения : журнал Министерства народного просвещения ДВР. 1921. № 2. С. 3.

пакет основополагающих документов. Главным из них стало «Положение о Государственном Институте Народного Образования в г. Чите»¹³², утвержденное правительством ДВР. Этот документ определил правовой статус вуза как «высшего учебного педагогического заведения», его структуру, порядок управления, права и обязанности профессуры и студенчества, а также правила приема. Положение закрепило такие важные для студентов льготы, как социальное обеспечение за счет республики и отсрочку от воинской повинности на время обучения¹³³.

Визуальным воплощением обретенного государственного статуса и институциональной самостоятельности стала официальная печать учебного заведения. Проведенная автором реконструкция данного атрибута (Рисунок Б.13) наглядно демонстрирует использование аббревиатуры и символики Дальневосточной Республики.

Структура управления ГИНО (Совет, Правление, факультетские собрания) внешне воспроизводила форму имперских университетов. Однако содержательно она существенно отличалась от положений Устава 1884 года¹³⁴. Если имперский устав полностью исключал обучающихся из управления, то «Положение о ГИНО» (ст. 17) официально включало в Совет Института представителей студентов в количестве 1/4 от числа профессоров¹³⁵. Это создавало уникальный для региона прецедент легального студенческого представительства в высшем органе академической власти.

В структуре самоуправления вуза Совет профессоров выступал главным органом, принимавшим ключевые решения по внутренней жизни, включая выборы (с последующим утверждением) ректора, деканов и профессоров¹³⁶. Однако реальная автономия института была ограничена Министерством

¹³² Положение о Государственном Институте Народного Образования // Вестник просвещения: журнал Министерства народного просвещения ДВР. 1921. № 3–4. С. 14.

¹³³ Культурное строительство на Дальнем Востоке (1917–1941 гг.) : Документы и материалы / сост. Л. П. Блещавенко и др.; предисл. М. С. Кузнецова. Владивосток : Дальневост. кн. изд-во, 1982. С. 76.

¹³⁴ Карманова Е. Д. Университетский устав 1884 г. как исторический источник // Молодой ученый. 2017. № 16 (150). С. 375–377.

¹³⁵ Закон об установлении Положения о Государственном Институте Народного Образования в г. Чите // Вестник просвещения : журнал Министерства народного просвещения ДВР. 1921. № 3–4. С. 15–20.

¹³⁶ Общественная жизнь. Выборы в ИНО // Дальне-Восточный телеграф. – 1922. – № 156. – 12 февраля. – С. 5.

народного просвещения ДВР, которое контролировало финансы, учебные планы и могло не утвердить выбор корпорации.

В условиях ДВР, где ГИНО был столичным вузом, его зависимость от Министерства народного просвещения носила непосредственный характер¹³⁷. Стоит отметить, что эта структура, воспроизводившая дореволюционные модели самоуправления, отличалась от той, что вводилась Декретом Совнаркома РСФСР «Положение о высших учебных заведениях Республики» от 2 сентября 1921 года. В Советской России центр власти смещался к Правлению, назначаемому Главпрофобром из предложенных вузом кандидатов, ректор также назначался из числа членов Правления, а полномочия прежних ученых собраний существенно ограничивались¹³⁸. Следовательно, на начальном этапе ГИНО сохранял больше элементов традиционной университетской автономии, чем вузы РСФСР.

Статья 14 «Положения об институте»¹³⁹ наделяла ректора полномочиями, которые выходили далеко за рамки обычной академической автономии. В «Положении» указывалось, что в чрезвычайных и нетерпящих отлагательства случаях ректору представляется принимать необходимые меры для поддержания порядка и спокойствия в институте, хотя меры и превышали принадлежащую ему власть. О таких мерах ректор был обязан лишь немедленно доводить до сведения министра просвещения и Совета. Эта статья юридически закрепляла практику прямого оперативного управления в условиях постоянных чрезвычайных обстоятельств.

Подготовив прочную правовую основу, организаторы перешли к решению материальных проблем. Ключевое и наиболее прагматичное решение Комитета состояло в том, чтобы не создавать вуз без какой-либо предшествующей базы, а опереться на существующую организационную и материальную базу. Таким фундаментом стали реорганизуемый Читинский учительский институт и, что

¹³⁷ Ростовцев Е. А. Университет столичного города // Университет и город в России (начало XX века). М. : Новое литературное обозрение, 2009. С. 224.

¹³⁸ Положение о высших учебных заведениях РСФСР : Декрет СНК от 2 сентября 1921 г. // Декреты советской власти : в 18 т. / Российская академия наук, Институт всеобщей истории, Федеральное архивное агентство, Российский государственный архив социально-политической истории. М. : Политиздат, 2007. Т. 17 : Сентябрь 1921 г. С. 137–146.

¹³⁹ Закон об установлении Положения о Государственном Институте Народного Образования в г. Чите // Вестник просвещения : журнал Министерства народного просвещения ДВР. 1921. № 3–4. С. 14.

более важно, здание и традиции Читинской 1-й женской гимназии¹⁴⁰. Юридически это было закреплено актом Правительства ДВР № 77 «Об учреждении Читинского института народного образования» от 15 апреля 1921 года.

Выбор этой базы был не случаен и закладывал глубокую преемственность. С одной стороны, вуз получал не простое здание, а один из самых современных учебных корпусов в регионе – специально построенное для гимназии в 1909 году двухэтажное каменное здание, оборудованное пароводяным отоплением с вентиляцией и дубовым паркетом в рекреационном зале (первоначальный проект был разработан архитектором Г.В. Никитиным, а доработан и воплощен Ф.Е. Пономаревым¹⁴¹). С другой стороны, что является критически важным для понимания значения института, он унаследовал прямую педагогическую традицию. 1-я женская гимназия с 1894 года имела в своем составе восьмой дополнительный педагогический класс, который целенаправленно готовил «домашних наставниц или учительниц», обучая их методике преподавания, педагогике и давая практические навыки. ГИНО становился прямым продолжателем этого дела на новом, институтском уровне.

Физически и социально ГИНО был глубоко интегрирован в городское пространство Читы. Институт располагался в одном из самых заметных зданий города – на углу улиц Уссурийской (ныне Чкалова) и Софийской (ныне Бутина) (Рисунок Б.4). Подобное размещение в административно-историческом центре города делало институт неотъемлемой частью городской среды. Анализ «Плана города Читы по съемочным данным 1923 г.» (Рисунок Б.14) подтверждает и значительно дополняет это утверждение, позволяя реконструировать стратегическое положение ГИНО в городской структуре.

Здание института, обозначенное на карте кварталом под номером 102, занимало не просто центральное, а узловое местоположение, обладавшее высоким символическим и функциональным значением. Справочник 1923 года позволяет

¹⁴⁰ Малявина Л. С. Читинский институт народного образования (1921–1923 гг.): уточненные страницы истории первого вуза Забайкалья // ДВР и завершающий этап гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Чита, 3 ноября 2020 г.) / отв. ред. Е. В. Дроботушенко и др. Чита : ЗабГУ, 2020. С. 118–122.

¹⁴¹ ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 361. Л.12.

дополнить анализ карты конкретными характеристиками городского пространства. Автор очерка критически оценивает архитектурный облик Читы, отмечая, что город «не имеет исторических памятников» (кроме «Церкви Декабристов») и «сколько-нибудь значительных зданий, которые было возможно рекомендовать для осмотра». Он перечисляет «наперечет» все крупные каменные здания (пассаж Второва, дом Шумова, гостиницы «Селект» и «Даурия»), заключая, что остальные постройки «носят или убогий провинциальный вид или давят жителя ординарностью казенного типа»¹⁴². На этом фоне здание института являлось одним из самых современных, капитальных и заметных строений города.

Выбор места для размещения ГИНО на пересечении ключевых транспортных узлов города – улиц Уссурийской и Софийской – превращал учебный корпус в безусловную архитектурную и социальную доминанту. Уссурийская улица, будучи главной транзитной артерией, и Софийская, связывавшая вокзал с административным центром, образовывали точку максимальной концентрации городского движения. Выделение институту одного из лучших зданий в этой локации наглядно подчеркивает тот приоритетный статус, который власти ДВР стремились закрепить за новым образовательным центром.

Дислокация в 102-м квартале помещала вуз в самый центр социокультурного пространства Читы. Непосредственное соседство с важнейшими государственными учреждениями, торговыми рядами и площадями, что отчетливо фиксируется условными обозначениями «Казенных и общественных зданий» на карте того времени, обеспечивало институту постоянную визуальную репрезентацию. Студенчество и профессорско-преподавательский состав, ежедневно пересекая наиболее оживленные части города, становились неотъемлемым элементом повседневной жизни республиканской столицы.

¹⁴² Вся Чита и Забайкалье : торгово-промышленный справочник-путеводитель. Чита, 1923. С. 10.

Подобное расположение решало и сугубо практическую задачу – обеспечение максимальной доступности образования для представителей различных социальных групп. Находясь на равном удалении от рабочих окраин и делового центра, ГИНО оказывался в зоне досягаемости не только для жителей Читы, но и для приезжих из уездов, прибывавших на вокзал. Эта «физическая демократичность» играла ключевую роль в реализации просветительской миссии вуза. Эффективность публичных лекций, научных кружков и собраний, о которых регулярно сообщала пресса, во многом обуславливалась именно тем, что они проводились в центре притяжения общественной мысли, а не на периферии.

Особое символическое значение имела сама передача ГИНО здания бывшей 1-й женской гимназии (Рисунок Б.15). В дореволюционный период это здание прочно ассоциировалось с сословным, элитарным образованием для дочерей чиновничества и крупного капитала. Размещение в этих стенах народного института, открытого для рабочих и крестьян, стало мощным жестом, маркирующим смену эпох. Трансформация закрытого привилегированного учреждения в общедоступный центр знаний была не менее значимым актом легитимации новой власти в глазах общества, чем сама академическая деятельность¹⁴³. Однако, несмотря на преемственность в использовании материальной базы женской гимназии и учительского института, говорить о полном наследовании прежних организационных традиций не приходится.

Здание и внутренние коммуникации пришли в глубокий упадок из-за их использования в военных целях, а кадровый состав среднего звена не соответствовал требованиям высшей школы. ГИНО возникал в условиях распада прежней системы, требуя капитальной реконструкции, как материальной, так и смысловой. «Плачевное состояние»¹⁴⁴ здания, зафиксированное комиссией ГИНО в 1921 году, не было следствием его ветхости. Как свидетельствуют источники, в 1920 году в здании гимназии располагался штаб атамана Г.М. Семенова. Именно

¹⁴³ Карта города Читы 1923 г. [Электронный ресурс] // Государственный архив Забайкальского края : сайт. Режим доступа: <http://www.gku-gazk.ru/index.php/podpunkty-2/karty> (дата обращения: 05.10.2025).

¹⁴⁴ Отчет о создании и деятельности ГИНО в Чите за 1921–1922 академический год. Чита, 1922. С. 3.

пребывание военных в ходе Гражданской войны¹⁴⁵ привело к разрушению отопления, водопровода и порче инвентаря, которые и пришлось восстанавливать силами «студенческой дружины».

Восстановление стен было лишь условием для размещения людей. Параллельно шел не менее сложный и критически важный процесс формирования академического ядра института. Именно наличие квалифицированных преподавателей было залогом жизнеспособности нового вуза и качества будущего образования. Первоначальный кадровый состав ГИНО был смешанный и включал как местных педагогов, перешедших из реорганизованного учительского института¹⁴⁶, так и приглашенных из других регионов специалистов.

При создании Читинского ГИНО использовались отдельные кадровые и материальные ресурсы ранее действовавших учебных заведений города. Вместе с тем прямого перехода преподавательского состава Читинского учительского института и учительской семинарии в новый вуз не произошло. Бывшие наставники семинарии (В.В. Горохов, В.В. Мезенев, В.М. Кузьмин и другие) не вошли в штатное расписание института. Для обеспечения надлежащего академического уровня руководство сделало упор на привлечение приезжей профессуры и представителей иных образовательных учреждений города. Данное обстоятельство убедительно доказывает, что семинария подготовила необходимую просветительскую почву, но для становления высшей школы потребовалось привлечение новых интеллектуальных сил. В то же время прослеживается определенная преемственность на уровне фамилий: так, возможные родственники бывших семинарских преподавателей в дальнейшем обучались или работали в ГИНО (например, студент исторического просеминария П.П. Розен и сотрудники Кожиковы)¹⁴⁷.

¹⁴⁵ Малявина Л. С. Читинский институт народного образования (1921–1923 гг.): уточненные страницы истории первого вуза Забайкалья // ДВР и завершающий этап гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Чита, 3 ноября 2020 г.) / отв. ред. Е. В. Дроботушенко и др. Чита : ЗабГУ, 2020. С. 118–122.

¹⁴⁶ Вестник Просвещения : журнал Министерства Народного Просвещения ДВР. 1922. № 2. С. 82.

¹⁴⁷ Мамкина И. Н. Забайкальские учительские семинарии (1900–1921 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Мамкина Инна Николаевна. Чита, 2006. С.80-92.

Важное место в истории педагогического образования Забайкалья занимала Читинская учительская семинария, созданная для подготовки учителей, «преданных православию и самодержавию», и прекрасно оснащенная в специально построенном по проекту архитектора Г.В. Никитина каменном здании с общежитием и больницей. Учебное заведение отличалось высоким уровнем преподавания и уникальной программой: помимо стандартных дисциплин, в нее входил бурятский язык – практика, существовавшая в начале XX века, по данным исследователей, только в Закавказской и Читинской семинариях¹⁴⁸. Социальная политика заведения также была прогрессивной для своего времени: будучи ориентированной на казачье сословие, с 1901 года семинария начала принимать бурят-буддистов, для которых намеренно снижался вступительный ценз¹⁴⁹.

При этом важно разграничивать судьбу этих учебных заведений. Читинская учительская семинария была преобразована в педагогические курсы и продолжала самостоятельно функционировать, готовя учителей начальных классов. Прямой организационной, материальной или кадровой связи между семинарией и новообразованным ГИНО не существовало, а высшая школа создавалась как принципиально новый научно-образовательный центр региона.

Впрочем, несмотря на наличие этой местной базы, для институтского уровня ее было недостаточно. Осознавая этот дефицит, Комитет по созданию ГИНО уже 28 июля 1921 года констатировал, что прибывшие из Советской России профессора «смогут обеспечить преподавание только некоторых предметов»¹⁵⁰. Поэтому ректор немедленно «вступил в переговоры с некоторыми из местных научных деятелей и преподавателей средних учебных заведений по поводу приглашения их в Институт в качестве постоянных и временных преподавателей». Это доказывает, что адаптивная кадровая модель, сочетающая

¹⁴⁸ Константинов А. В., Мамкина И. Н. У истоков педагогического образования в Забайкалье: семинарский период // Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет имени Н. Г. Чернышевского. История и современность: 1938–2008. Чита : ЗабГГПУ, 2008. С. 3–7.

¹⁴⁹ Константинов А. В., Мамкина И. Н. У истоков педагогического образования в Забайкалье: семинарский период // Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет имени Н. Г. Чернышевского. История и современность: 1938–2008. Чита : ЗабГГПУ, 2008. С. 3–7.

¹⁵⁰ Вестник просвещения : журнал Министерства народного просвещения ДВР. 1921. № 2. С. 84.

приглашенных профессоров и местных практиков, была заложена с первого дня работы.

К моменту открытия учебный план был утвержден для двух факультетов, а изначальный профессорско-преподавательский состав включал прибывших в Читу профессоров (Н.М. Обухов, как и В.И. Огородников, имел опыт работы в Иркутском университете и Томском технологическом институте¹⁵¹; А.А. Половинкин, выпускник Казанского университета, также прибыл из ИГУ), так и преподавателей (А.Ф. Кржечковский – математика, Р.И. Апелль – новые языки, В.Я. Толмачев – история первобытной культуры). Одновременно институт ожидал прибытия большой группы специалистов из Советской России, уже получивших разрешение на выезд, среди которых были будущие ключевые фигуры факультетов: Б.В. Станкевич (физика), Верещагин (ботаника), В.А. Захваткин (зоология) и М.К. Азадовский (история литературы) – выпускник Петербургского университета, известный фольклорист, уже имевший опыт экспедиций по Сибири и работы профессором в Томском университете.

Прибытие Петра Павловича Маслова весной 1921 года из Иркутска в Читу имело особое значение. Это был не просто переезд профессора, а смена площадки для научной работы. П.П. Маслов, будучи в те годы идейным оппонентом большевиков, считал, что их «политическая экономия классовый борьбы непригодна для выработки разумной экономической политики». Он противопоставлял ей собственную теорию – «науку о народном хозяйстве» («экономику развития»), основанную не на частнохозяйственной, а на народнохозяйственной точке зрения. ДВР и новый столичный вуз предоставляли ему уникальную возможность не только преподавать, но и открыто развивать эту небольшевистскую экономическую доктрину¹⁵².

¹⁵¹ Белоглазова С. Б. Политика Дальневосточной республики в сфере образования [Электронный ресурс] // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2018. № 19. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-dalnevostochnoy-respubliki-v-sfere-obrazovaniya> (дата обращения: 12.04.2025).

¹⁵² Ярославович М. Д. НЭП с народнохозяйственной точки зрения: П. П. Маслов, Иркутск – Чита, 1920–1922 гг. [Электронный ресурс] // Историко-экономические исследования. 2022. № 3. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nep-s-narodnohozyaystvennoy-tochki-zreniya-p-p-maslov-irkutsk-chita-1920-1922-gg> (дата обращения: 05.11.2025).

Биографии первых преподавателей свидетельствуют о высоком уровне их подготовки. Более того, биографии этих людей показывают, что ГИНО стал настоящим академическим убежищем для «старой» интеллигенции, бежавшей от советской власти. Декан гуманитарного факультета П.П. Маслов был не просто профессором, а крупной политической фигурой – видным меньшевиком, автором программы «муниципализации земли», которую в своих работах критиковал лично В.И. Ленин. Преподаватель философии Ф.Ф. Куклярский, автор нескольких фундаментальных работ (например, «Философия индивидуализма»), в начале 1920-х был вынужден бежать из Советской России и нашел работу в ГИНО.

Преподаватель В.И. Ишерский (Рисунок Б.16) был бывшим членом I Государственной Думы¹⁵³ от фракции социал-демократов. Его биография превращает ГИНО в уникальный политический феномен. Доктор медицины, участник Пироговских съездов и организатор борьбы с голодом, в 1918 году он был соучредителем антибольшевистского «Союза Возрождения России»¹⁵⁴ в Омске. Данный факт являлся естественным следствием специфики коалиционной политической системы ДВР в 1921 году. Проведение широких амнистий и отсутствие тотального большевистского контроля на начальном этапе существования республики позволяли привлекать к преподаванию видных представителей дореволюционной интеллигенции вне зависимости от их прежней политической деятельности, что кардинально изменится лишь со второй половины 1922 года.

А.А. Половинкин окончил Казанский университет и готовился к профессорскому званию, П.И. Попов (Рисунок Б.17) – выпускник Петроградского университета с опытом работы в Варшавском политехникуме, В.А. Захваткин (Рисунок Б.18) получил степень доктора естественных наук в Цюрихском университете¹⁵⁵. Интересен факт присутствия в штате ГИНО Виктора

¹⁵³ Родионов Ю. П. Сибирские депутаты в I Государственной думе // По страницам российской истории. Омск : ОмГПУ, 1996. С. 50–57.

¹⁵⁴ Дроботушенко Н. Е. Ишерский Владимир Иванович // Малая энциклопедия Забайкалья. Наука и образование : в 2 ч. / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск : Наука, 2011. Ч. 1. С. 382.

¹⁵⁵ Дроботушенко Н. Е. Из истории создания Читинского института народного образования // Народное образование Забайкалья: история и опыт : сборник материалов научной конференции. Чита : Поиск : ЗабГПУ, 2000. С. 101–105.

Алексеевича Захваткина, выпускника философского факультета Цюрихского университета, защитившего докторскую диссертацию в Швейцарии в 1914 году¹⁵⁶. Возвращение ученого такого уровня из Европы в Россию в 1920 году и его переезд в буферную Читу¹⁵⁷ свидетельствует о том, что институт обладал кадровым потенциалом, сопоставимым с лучшими европейскими университетами, предоставляя студентам доступ к передовым западным методикам в области эмбриологии и зоологии.

ДВР и ее новый институт давали этой профессуре уникальную возможность – продолжать научную работу вне досягаемости диктатуры пролетариата, что и объясняет присутствие в штате института плеяды крупных ученых с дореволюционным стажем. Привлечение научно-педагогических кадров из ведущих университетских центров страны являлось в тот период повсеместной практикой для вновь открываемых сибирских вузов. Ярким примером может служить Иркутский университет, основанный в 1918 году, ядро которого сформировали профессора и приват-доценты из Москвы, Петрограда, Казани и Томска.¹⁵⁸

В данной системе координат Читинский ГИНО играл роль своеобразного переходного пространства. Академическая среда института характеризовалась существенной неоднородностью жизненных и профессиональных стратегий профессорско-преподавательского состава. Для определенной части специалистов деятельность в ГИНО выступала транзитным этапом, предшествующим эмиграции за пределы страны. Напротив, иная группа ученых рассматривала институт как площадку для поэтапной адаптации к меняющимся общественно-политическим условиям, что позволяло продолжать научную работу, минимизируя угрозу политических преследований.

¹⁵⁶ Дроботушенко Н. Е. Захваткин Виктор Алексеевич // Малая энциклопедия Забайкалья. Наука и образование : в 2 ч. / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск : Наука, 2011. Ч. 2. С. 334.

¹⁵⁷ Отчет о создании и деятельности ГИНО в Чите за 1921–1922 академический год. Чита, 1922.

¹⁵⁸ Зобнин Ю. В. Очерк истории создания государственного университета в Иркутске (к 90-летию Иркутского государственного медицинского университета) [Электронный ресурс] // Сибирский медицинский журнал. 2008. № 8. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ocherk-istorii-sozdaniya-gosudarstvennogo-universiteta-v-irkutsk-k-90-letiyu-irkutskogo-gosudarstvennogo-meditsinskogo-universiteta> (дата обращения: 21.10.2025).

Острая нехватка квалифицированных кадров предопределила жесткую конкуренцию между региональными научно-образовательными центрами. Резонансным эпизодом такого соперничества стало противостояние между Иркутском и Читой, предметом которого явился вопрос о принадлежности профессора Моисея Матвеевича Рубинштейна. Несмотря на то, что ученый первоначально возглавил профильный институт в Иркутске и прибыл в Читу лишь в рамках временной командировки, руководство забайкальского вуза предпринимало настойчивые попытки закрепить видного специалиста в своем штате, что наглядно иллюстрирует критический дефицит профессуры в рассматриваемый период¹⁵⁹. Эти эпизоды наглядно демонстрируют чрезвычайные трудности привлечения высококвалифицированных кадров в политически нестабильный и удаленный регион.

Более того, Чита была не единственным центром притяжения для «третьей волны» академической миграции. Она находилась в прямой конкуренции за кадры с Харбином, куда также устремились профессора, покинувшие Томский и Иркутский университеты.

Сравнительный анализ показывает, что ГИНО и РКПИ «охотились» за одними и теми же специалистами. Например, профессор Н.М. Обухов (Рисунок Б.19), приглашенный в ГИНО для преподавания физики, в то же самое время указан в Харбине как первый декан электромеханического отделения РКПИ, имеющий ту же биографию (Томский и Иркутский университеты). Схожая ситуация и с доцентом Р.И. Апеллем, который числится в списках прибывших в ГИНО, но также преподавал французский язык в РКПИ¹⁶⁰.

В условиях подобного соперничества за кадры Читинский ГИНО, находившийся в ситуации политической нестабильности и острого материального

¹⁵⁹ Войтеховская М. П., Кочурина С. А. Формирование сети педагогических учебных заведений в Сибири и на Дальнем Востоке в условиях советской модернизации образования и введения всеобщего обучения в 1917 – начале 1930-х гг. [Электронный ресурс] // Научно-педагогическое обозрение (Pedagogical Review). 2022. Вып. 6 (46). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-seti-pedagogicheskikh-uchebnykh-zavedeniy-v-sibiri-i-na-dalнем-vostoke-v-usloviyah-sovetskoy-modernizatsii-obrazovaniya> (дата обращения: 10.03.2025).

¹⁶⁰ Малявина Л. С. Русско-китайский (Харбинский) политехнический институт на этапе становления (1920–1925 гг.): к 100-летию образования [Электронный ресурс] // Общество: философия, история, культура. 2020. № 10 (78). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/russko-kitayskiy-harbinskiy-politehnicheskiy-institut-na-etape-stanovleniya-1920-1925-gg-k-100-letiyu-obrazovaniya> (дата обращения: 09.11.2025).

кризиса, объективно уступал Харбину с его финансовым обеспечением в «золотых рублях» по линии КВЖД. Данное обстоятельство стало ключевой причиной хронического кадрового дефицита и регулярных срывов учебного процесса, зафиксированных в делопроизводственной документации института.

Ситуация усугублялась прямым оттоком квалифицированных специалистов из беспокойной столицы ДВР. Наиболее показательным прецедентом стал так называемый «профессорский скандал» осенью 1921 года. Видный историк права, профессор Н.И. Никифоров, приглашенный в ГИНО из Иркутска вместе с В.И. Огородниковым, неожиданно покинул Читу за несколько дней до официального открытия вуза.

Как сообщала газета «Дальне-Восточный телеграф»¹⁶¹, он бежал в Маньчжурию, предварительно получив от Правительства ДВР жалование в 100 руб. золотом и «еще одну крупную сумму в валюте». То, что это было именно «переманивание» в более стабильный центр, доказывается тем, что харбинская газета «Рупор» сообщила о прибытии профессора Н.И. Никифорова и его назначении на новую должность в Харбине еще до того, как читинские газеты объявили о его загадочном исчезновении. Этот инцидент демонстрирует сложность положения нового института: находясь в условиях политической неопределенности, он с трудом выдерживал конкуренцию с Харбином, который предлагал профессуре финансовую стабильность.

Вопреки кадровому кризису, руководству института удалось сформировать стабильное научно-педагогическое ядро. К началу первого учебного года профессорско-преподавательский состав ГИНО насчитывал 28 чел.: 5 профессоров (трое на гуманитарном и двое на физико-математическом факультете), 7 постоянных и 9 временных преподавателей, а также 7 ассистентов¹⁶².

При относительно небольшой штатной численности институт сумел сконцентрировать в своих стенах значительный интеллектуальный потенциал.

¹⁶¹ К исчезновению профессора Никифорова // Дальне-Восточный телеграф. 1921. № 97. 27 ноября. С. 3.

¹⁶² Вестник просвещения : журнал Министерства народного просвещения ДВР. 1922. № 2. С. 82.

Учебный процесс обеспечивали квалифицированные специалисты, среди которых – профессор экономики П.П. Маслов, профессор физики Н.М. Обухов, а также преподаватели К.А. Ненадкевич (минералогия), А.Д. Позняк (ботаника), В.А. Захваткин (зоология) и ряд других ученых.

К началу сентября 1921 года организационная работа вышла на финишную прямую: 3 сентября приступили к работе ключевые академические органы: Совет, Правление и Собрания факультетов. Центральным административным органом стало Правление.

На первом заседании Совета института ректором был единогласно избран профессор В.И. Огородников. Впоследствии этот выбор академической корпорации был официально утвержден приказом министра просвещения ДВР от 25 июня 1921 года¹⁶³, которым В.И. Огородников назначался на должность. Этот пост в единственном вузе столицы ДВР стал для него серьезной проверкой в роли руководителя учебного заведения нового типа.

После этого были сформированы первые два факультета и избраны их деканы: физико-математический факультет возглавил профессор Александр Александрович Половинкин, а исполняющим обязанности декана гуманитарного факультета стал прибывший из Иркутска профессор Моисей Матвеевич Рубинштейн. Эти назначения заложили основу академической и административной структуры института¹⁶⁴.

Успешный запуск и повседневная работа университета обеспечивались также административно-техническим персоналом, состав которого зафиксирован в отчете за 1922/23 учебный год. Канцелярия Правления включала секретаря (М.И. Соломенный), делопроизводителя (Г.Ф. Вологдин), заведующего хозяйством (В.И. Костылев) и его помощника, счетовода, регистратора, машинистку. Отдельная канцелярия по студенческим делам (секретарь Н.Е. Савинов) и общефакультетская канцелярия обеспечивали документооборот.

¹⁶³ Малявина Л. С. Владимир Иванович Огородников (1886–1938 гг.) – жизнь и судьба первого советского ректора Государственного дальневосточного университета [Электронный ресурс] // Манускрипт. 2021. Т. 14. № 9. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vladimir-ivanovich-ogorodnikov-1886-1938-gg-zhizn-i-sudba-pervogo-sovetskogo-rektora-gosudarstvennogo-dalnevostochnogo-universiteta> (дата обращения: 13.11.2025).

¹⁶⁴ Собрание узаконений и распоряжений правительства Дальневосточной республики. Чита, 1922. № 2. С. 7.

Функционировал медицинский кабинет (врач В.И. Ишерский). Штат библиотеки состоял из заведующего (Ц.А. Киселев), помощника и двух библиотекарей. Учебно-вспомогательные учреждения обслуживали 12 квалифицированных служащих кабинетов, 2 препаратора, а также садовод-огородник и техник-маслодел (для агрофака). Интенсивность работы аппарата видна из статистики: за отчетный 1922/23 учебный год канцелярией было обработано 4978 входящих и 6423 исходящих документа¹⁶⁵.

Условия оплаты труда преподавателей были специфическими: как следует из «Бюллетеня Министерства Народного просвещения», труд профессоров, преподавателей и ассистентов оплачивался отдельно за каждую прочитанную лекцию или проведенное практическое занятие, причем преподаватели, которые вели занятия по восточным языкам, получали повышенную плату¹⁶⁶.

Кульминацией этого подготовительного периода стала торжественная церемония открытия ГИНО, состоявшаяся 9 октября 1921 года¹⁶⁷. Мероприятие прошло в отремонтированном силами студентов зале института в присутствии высших должностных лиц республики. Председатель Правительства ДВР Н.М. Матвеев в своей речи подчеркнул значимость события: «Непреклонная воля руководителей, энтузиазм студенческого коллектива явили пример инициативы, самоотверженного труда и веры в создаваемое дело: из ничего появилось здание науки, лаборатория, откуда через три-четыре года выйдут сотни чутких, свободных, самоотверженных учителей»¹⁶⁸. Это выступление не только подвело итог организационному этапу, но и сформулировало социальный заказ, который государство ставило перед новым вузом.

Помимо официальных лиц, на открытии выступил и председатель студенчества «товарищ Жиров»¹⁶⁹, а известный читинский скульптор И.Н. Жуков преподнес институту символический подарок – скульптуру в виде книги с надписью «Знание ИНО». Присутствие И.Н. Жукова было глубоко символичным.

¹⁶⁵ ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 3. Д. 267. Л.4.

¹⁶⁶ Бюллетень Министерства народного просвещения Дальневосточной Республики. Чита, 1922. № 1.

¹⁶⁷ Торжественное открытие ИНО // Дальне-Восточный телеграф. 1921. № 59. 13 октября. С. 5.

¹⁶⁸ Отчет о создании и деятельности ГИНО в Чите за 1921–1922 академический год. Чита, 1922. С. 7.

¹⁶⁹ Торжественное открытие ИНО // Дальне-Восточный телеграф. 1921. № 59. 13 октября. С. 5.

Являясь не только скульптором, но и выдающимся педагогом, основателем скаутского движения в Забайкалье,¹⁷⁰ он своим участием олицетворял поддержку и «благословение» нового института со стороны старой, дореволюционной городской интеллигенции. Атмосферу всеобщего воодушевления дополнили зачитанные поздравительные телеграммы от вузов Иркутска, Прибайкалья и Амура. В свою очередь, председатель Управления Бурят-Монгольской автономной области П.Н. Данбинов зачитал «приветственную грамоту на бурятском языке и поднес хадак»¹⁷¹ – традиционный бурятский символ уважения.

В своей заключительной речи ректор В.И. Огородников обратился к студентам со словами, ставшими своего рода девизом нового института: «Мы перешли тот порог, который отделял вас от науки, и идти вперед я приглашаю вас, продолжать эту работу с той же самой идеей, которую вы давали институту раньше»¹⁷².

В 1921 году, когда институт только создавался, профессоров приходилось искать по разным регионам Советской России самостоятельно, и они не очень охотно ехали в Читу. Однако, когда ректор В.И. Огородников объявил конкурс на замещение вакантных должностей профессорско-преподавательского состава¹⁷³, на него откликнулись профессора и преподаватели из Владивостока, Иркутска, Казани, Томска и других городов РСФСР. Резюмируя, приведем здесь цитату из Бюллетеня: «в связи с прибытием этих преподавателей ИНО стал сильнейшим вузом в научном плане во всей Восточной Сибири»¹⁷⁴.

¹⁷⁰ ГАЗК. Ф. 4. Оп. 5. Д. 87. Л. 1.

¹⁷¹ Отчет о создании и деятельности ГИНО в Чите за 1921–1922 академический год. Чита, 1922. С. 7.

¹⁷² Торжественное открытие ИНО // Дальне-Восточный телеграф. 1921. № 59. 13 октября. С. 5

¹⁷³ Обращение ректора ИНО. О вакантных должностях на гуманитарном факультете // Дальне-Восточный телеграф. – 1921. – № 62. – 16 октября. – С. 4.

¹⁷⁴ Бюллетень Министерства народного просвещения Дальневосточной Республики. Чита, 1922. № 6.

Глава 2. Основные направления деятельности и внутренняя жизнь института

2.1. Организация учебно-воспитательного процесса и научно-исследовательской работы в условиях трансформации Дальневосточного региона

Если первоначальный этап существования Читинского государственного института народного образования был связан преимущественно с его организационным оформлением, то с осени 1921 г. основное внимание стало уделяться учебной, научной и культурно-просветительской деятельности. Работа института проходила при ограниченном финансировании, нехватке оборудования и продолжающемся формировании преподавательского состава. Рассмотрение учебно-воспитательного процесса, научной работы и материально-технического обеспечения позволяет определить основные направления деятельности ГИНО и трудности, влиявшие на их осуществление.

Основой академической жизни ГИНО стал учебный процесс, его структура и содержание отражали противоречия эпохи. С одной стороны, он опирался на традиции российской высшей школы, с другой – был вынужден отвечать на новые социальные и идеологические запросы. Изначально институт состоял из двух факультетов – гуманитарного и физико-математического, которые, в свою очередь, делились на отделения. Гуманитарный факультет включал общественно-историческое, философско-педагогическое и словесное отделения, а физико-математический – математическое, физико-химическое и биолого-географическое¹⁷⁵. Эта структура была нестабильной и уже летом 1922 года реорганизована «в силу объективных условий». Физико-химическое отделение было закрыто, причем физический цикл наук был присоединен к математическому отделению, а химический – к биолого-географическому. Последнее в дальнейшем было переименовано в «Естественное». Обобщенная

¹⁷⁵ Библиотека ИНО // Дальне-Восточный телеграф. 1921. № 35. 13 сентября. С. 5.

организационная и учебная структура Читинского ГИНО – Читинского государственного университета в 1921-1923 гг. представлена в Приложении Г (схема Г.1).

Распоряжением Наркомпроса РСФСР от 27 марта 1923 года физико-математический факультет был переименован в «Педагогический», хотя в отчете признается, что это переименование, ввиду позднего времени, «не повлекло каких-либо значительных изменений в учебной жизни»¹⁷⁶. Более того, эта реорганизация осталась чистой формальностью. Как отмечается в том же отчете, неоднократно поднимался «вопрос о преподавании педагогических дисциплин. Но практически разрешить этого не удалось за отсутствием научных работников, которым можно было бы поручить указанные дисциплины». Этот факт является прямым документальным доказательством определенной академической уязвимости: вуз, подразделение которого было формально названо педагогическим, не мог найти кадры для чтения профильных методических курсов¹⁷⁷.

Однако, несмотря на формально педагогический статус, преподавание на данном факультете не было ориентировано исключительно на обучение педагогов. Как указывается в отчете ректора В.И. Огородникова, учебные планы были соотнесены как с педагогической направленностью, так и с прикладными задачами обучения, нацеленными на подготовку практических работников¹⁷⁸.

Если дефицит агрономов был ярким показателем общего экономического упадка, то нехватка учителей напрямую угрожала будущему республики. Как справедливо отмечают исследователи А.В. Константинов и И.Н. Мамкина, этот кадровый голод был не просто следствием Гражданской войны, а результатом демографического и образовательного «взрыва» предыдущего десятилетия. По

¹⁷⁶ ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 3. Д. 267. Л. 2.

¹⁷⁷ Там же.

¹⁷⁸ Иванов С. А., Фомина М. Н., Жуков А. В. Проблемы интеграции в сфере высшего образования на территории Забайкалья в 20-е гг. XX в. [Электронный ресурс] // Вестник Забайкальского государственного университета. 2012. № 12 (91). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemny-integratsii-v-sfere-vysshego-obrazovaniya-na-territorii-zabaykalya-v-20-e-gg-hh-v-1> (дата обращения: 01.11.2024).

официальной статистике 1897 года, в Забайкальской области на 1000 жителей приходилось 888 безграмотных, а из ста женщин грамотной была только одна¹⁷⁹.

При этом темпы школьного строительства многократно опережали возможности подготовки кадров. Если в 1900 году в области насчитывалось 290 начальных училищ, то к 1910 году их число увеличилось в пять раз – до 1448¹⁸⁰. Единственная Читинская семинария физически не могла покрыть спрос. Для решения этой проблемы в 1915-1917 гг. были спешно открыты еще три семинарии (Александровско-Заводская, Сретенская, Верхнеудинская), но и они не смогли решить дефицит подготовки кадров¹⁸¹. Опираясь на данные И.Н. Мамкиной¹⁸², следует уточнить, что новые учебные заведения открывались непосредственно по образцу Читинской учительской семинарии. Однако их становление пришлось на время революций. Из-за острой нехватки средств на выплату стипендий и заработных плат их материальное положение резко ухудшилось. Данные обстоятельства не позволили семинариям в полной мере закрыть растущие потребности области в педагогических кадрах, что сделало неизбежным переход к вузовской модели подготовки специалистов.

Переход к системе «Единой школы I и II ступени»¹⁸³, провозглашенный в ДВР по образцу РСФСР, требовал не просто увеличения числа педагогов, а их качественной переподготовки. Конституция ДВР прямо закрепляла принципы этой новой системы: статья 178 устанавливала, что образование должно представлять единую систему, основанную на трудовых принципах преподавания¹⁸⁴. Статья 175 отделяла школу от церкви¹⁸⁵, а статья 176 провозглашала обязательное и бесплатное обучение для всех детей школьного возраста¹⁸⁶. Старые учительские кадры, воспитанные в рамках

¹⁷⁹ Константинов А. В., Мамкина И. Н. У истоков педагогического образования в Забайкалье: Читинский учительский институт (1917–1921 гг.) // Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет имени Н. Г. Чернышевского. История и современность: 1938–2008. Чита : ЗабГГПУ, 2008. С. 3–7.

¹⁸⁰ Там же.

¹⁸¹ Там же.

¹⁸² Мамкина И. Н. Забайкальские учительские семинарии (1900–1921 годы). Чита: Поиск, 2008. С. 128-137.

¹⁸³ Отчет о создании и деятельности ГИНО в Чите за 1921–1922 академический год. Чита, 1922. С. 41.

¹⁸⁴ Основной закон (Конституция) Дальне-Восточной республики : утвержден Учредительным собранием Дальнего Востока 27-го апреля 1921 г. Владивосток, 1921. С. 23.

¹⁸⁵ Там же.

¹⁸⁶ Там же.

дореволюционной традиции, зачастую не соответствовали новым задачам трудовой и политехнической школы. ГИНО с самого начала создавался с целью подготовки именно таких, новых учителей, способных преподавать широкий круг дисциплин и организовывать практическую работу учащихся. В постановлении об учреждении института прямо указывалось, что он должен осуществлять «высшую подготовку по отдельным предметам преподавания единой школы I и II ступени».

Цель агрономического факультета, как она была сформулирована в итоговом отчете, в полной мере отражала глубину кадрового дефицита: «Своеобразные физико-географические условия Забайкалья и вообще всего Востока, уже давно настойчиво диктовали необходимость самого детального изучения всех элементов сельского хозяйства, изучение местных условий возможно только при наличии в крае высшей агрономической школы, которая должна служить объединяющим и направляющим научным центром»¹⁸⁷. Создание нового факультета стало прямым и осознанным ответом властей и академического сообщества на острейший дефицит специалистов в ключевой для региона отрасли.

Опубликованный в 1923 году очерк «Сельское хозяйство в Забайкальской губернии», опубликованный в 1923 году на страницах торгово-промышленного справочника-путеводителя «Вся Чита и Забайкалье»¹⁸⁸ позволяет детально реконструировать те своеобразные физико-географические условия, для работы в которых и создавался факультет. Главной проблемой земледелия называлось не отсутствие осадков, а их «крайне неравномерное» распределение: «зимой и весной их почти не бывает, и обильные дожди выпадают в половине лета»¹⁸⁹.

Кроме того, в документе зафиксированы те самые «примитивные» методы ведения хозяйства, которые факультет должен был искоренить: «Удобрение полей, за редким исключением, практикуется очень мало. Обработка земли в

¹⁸⁷ ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 3. Д. 267. Л. 68.

¹⁸⁸ Вся Чита и Забайкалье : торгово-промышленный справочник-путеводитель. Чита, 1923. С. 61-63.

¹⁸⁹ Там же.

большинстве местностей производится крайне небрежно, семена для посева не сортируются»¹⁹⁰.

Этот вывод полностью подтверждается и другими независимыми источниками того же периода. Так, в «Прибайкальском календаре на 1922 год», изданном в Верхнеудинске «Объединенным Прибайкальским Союзом Кооперативов», в обзоре сельского хозяйства Прибайкалья дается аналогичная оценка: «способы содержания и кормления самые примитивные». Календарь прямо указывает на конкретные проблемы, которые требовали научного вмешательства: «Местная порода свиней мала ростом мясо дает низкого качества», и, что самое важное, «никакого улучшения в настоящее время не предпринимается»¹⁹¹. Общественный запрос на улучшение и внедрение научных методов, зафиксированный кооперативными издателями, и был тем прямым вызовом, на который отвечало правительство ДВР, учреждая агрономический факультет в ГИНО.

Торгово-промышленный справочник-путеводитель подтверждает и кризис в смежных отраслях, напрямую мотивируя создание новых специализаций. Так, отмечается, что маслоделие, бывшее до войны крупной отраслью, «сократилось», и «ближайшее время не дает надежд на расширение дела»¹⁹² ввиду «отсутствия специалистов этого дела». Вышеизложенное позволяет заключить, что учебный план агрофака, включавший «Молочное хозяйство», был прямым ответом на этот конкретный кадровый запрос.

Этот тезис находит прямое количественное подтверждение во внешних статистических отчетах того периода. В обзоре сельского хозяйства Забайкальской губернии за 1923 год констатируется, что «потрясения мировой и Гражданской войны окончательно убили его развитие».

По данным Центрального статистического управления за 1922 год, по сравнению с 1917 годом, посевная площадь в Забайкалье сократилась на 28,5%. Еще более катастрофическим было падение в животноводстве — ключевой

¹⁹⁰ Там же.

¹⁹¹ Дальне-Восточная Республика (Статистический обзор) // Прибайкальский календарь на 1922 год. Верхнеудинск : Книгоиздательство Объединенного Прибайкальского Союза Кооперативов, 1922. С. 33.

¹⁹² Вся Чита и Забайкалье : торгово-промышленный справочник-путеводитель. Чита, 1923. С. 61–63.

отрасли региона. Сравнение данных переписей 1917 и 1921 годов показывает обвальное сокращение поголовья: крупный рогатый скот сократился на 31,8% (с 1151,3 тыс. до 785,9 тыс. голов); лошади – на 27,2% (с 528,8 тыс. до 385,1 тыс.); свиньи – на 63,7% (с 273,3 тыс. до 99,1 тыс.). Причиной последнего, помимо неурожаев, названа непрекращающаяся с 1918 года эпизоотия (чума на свиней). Цифры наглядно демонстрируют масштаб экономического кризиса, который стоял за абстрактным понятием «кадровый голод» и который агрономический факультет ГИНО был призван остановить¹⁹³.

Трансформация ГИНО в вуз университетского типа была сознательным решением. К началу 1922 года в ДВР стала резко ощутима потребность в специалистах сельского хозяйства¹⁹⁴. Это системное решение начало оформляться весной 1922 года: 25 марта по инициативе ректора В.И. Огородникова было создано совещание с участием представителей заинтересованных учреждений.

Примечательно, что первоначальный замысел был более скромным. Согласно сообщениям официальной хроники, весной 1922 года в Совете института обсуждалась мысль об организации лишь «трех-четырёхлетних агрономических курсов для подготовки средних специалистов» по лесоводству, сельскому хозяйству и пчеловодству¹⁹⁵. Однако катастрофический масштаб аграрного кризиса в регионе диктовал иные масштабы решений, и уже к августу этот проект стремительно трансформировался в полноправный агрономический факультет¹⁹⁶.

Итогом стало создание Комитета по организации агрономического факультета, который был учрежден законом Правительства ДВР от 1 августа 1922 года и открыт в октябре. Новый факультет был призван готовить «агрономов-практиков» по направлениям животноводства, сельского хозяйства и лесного хозяйства.

¹⁹³ Вся Чита и Забайкалье : торгово-промышленный справочник-путеводитель. Чита, 1923. С. 62–63.

¹⁹⁴ Иванов С. А., Фомина М. Н., Жуков А. В. Проблемы интеграции в сфере высшего образования на территории Забайкалья в 20-е гг. XX в. [Электронный ресурс] // Вестник Забайкальского государственного университета. 2012. № 12 (91). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemny-integratsii-v-sfere-vysshego-obrazovaniya-na-territorii-zabaykalya-v-20-e-gg-hh-v-1> (дата обращения: 01.11.2024).

¹⁹⁵ В учебных заведениях. О сельско-хозяйственном отделении при ИНО // Дальне-Восточный телеграф. – 1922. – № 207. – 19 апреля. – С. 6.

¹⁹⁶ Бюллетень Министерства народного просвещения Дальневосточной Республики. Чита, 1922. № 2. С. 13.

Процесс создания этого подразделения носил ярко выраженный межведомственный характер. Постановлением Совета Министров подготовительная работа была возложена на особый комитет, в который, помимо руководства вуза, в обязательном порядке вошли представители Министерства народного хозяйства ДВР. Заинтересованность государства в подготовке конкретных специалистов отразилась и в утвержденных правилах приема. Для абитуриентов, поступавших по прямой рекомендации Министерства народного хозяйства, устанавливалась жесткая правительственная бронь в размере 25% от общего числа мест. Это свидетельствует о зарождении элементов прямого государственного целевого заказа на подготовку кадров¹⁹⁷.

При этом агрономический факультет «на первых порах не проявлял самостоятельности и являлся как бы частью естественного отделения». Такое «ненормальное положение» и зависимость от педагогического факультета продолжались до 24 февраля 1923 года, когда был избран собственный декан и факультет «вышел из подчиненного положения»¹⁹⁸.

Учебные планы, подробно зафиксированные в годовых отчетах, свидетельствуют о стремлении дать студентам фундаментальное, университетского типа образование. Например, на естественном подотделе физико-математического факультета на первом курсе преподавались следующие дисциплины: основы высшей математики, общая физика, общая химия, общая ботаника и общая зоология. На гуманитарном факультете читались курсы по русской и всеобщей истории, истории философии, введению в языковедение, старославянскому языку и латыни.

Сравнительно-исторический анализ учебных программ выявляет глубокие смысловые отличия Читинского Государственного института народного образования от родственных учебных заведений Советской России и даже от других дальневосточных вузов того периода.

¹⁹⁷ Бюллетень Министерства народного просвещения Дальневосточной Республики. Чита, 1922. № 7. С. 1-2.

¹⁹⁸ ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 3. Д. 267. Л. 3.

В диссертационном исследовании Е.В. Кареловой¹⁹⁹ отмечается, что в начале 1920-х годов гуманитарное образование в РСФСР претерпело глубокую структурную трансформацию. История как самостоятельная дисциплина была вытеснена прикладным обществоведением, базирующимся исключительно на марксистской теории смены формаций. Данный процесс затронул и Государственный Дальневосточный университет (ГДУ) во Владивостоке: учебные планы общественно-педагогического отделения ФОН после реорганизации фиксируют максимальную редукцию исторических предметов.

На этом фоне организационная траектория Читинского ГИНО демонстрирует принципиально иную динамику. Буферный политический статус Дальневосточной Республики позволил вузу отсрочить форсированную идеологизацию учебного процесса. Деятельность Читинского института способствовала сохранению преемственности образовательных моделей, заложенных в дореволюционный период, и подтверждала верность сложившимся академическим стандартам высшей школы. Включение в учебную программу дисциплин классического цикла – старославянского языка, истории античной философии, а также углубленных курсов по всеобщей и российской истории, свидетельствует о стремлении вуза поддерживать высокий научно-образовательный уровень, несмотря на суровые реалии 1921-1923 годов.

Параллельно с этим структура образовательных программ была дополнена дисциплинами, соответствовавшими текущей социально-политической повестке и прагматическим задачам. В перечень обязательных предметов были интегрированы курсы государственного права РСФСР и теории народного хозяйства (политэкономии). Значительный сегмент учебного плана занимали дисциплины, ориентированные на развитие прикладных компетенций у студентов; данная мера объяснялась как педагогическими установками концепции «трудовой школы», так и насущной потребностью вуза в материальном самообеспечении силами самого учащегося коллектива

¹⁹⁹ Карелова Е. В. Организация и развитие высшего профессионального исторического образования на Дальнем Востоке России в 1918–1993 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 5.6.1 / Карелова Елена Викторовна. Владивосток, 2023. С. 34–35; 38–39.

В учебные планы были включены ручной труд (столярные и слесарные работы), лепка, рисование и черчение. Эта ориентация на прикладное искусство была заложена в кадровый состав института с первого дня и имела высокий административный статус. Существенный вклад в практическую реализацию данного направления внес В.А. Алмазов²⁰⁰ (Рисунок Б.20), чье художественно-педагогическое наследие стало неотъемлемой частью культурного становления высшей школы региона.

Приказом № 97 от 1 июля 1921 года (одновременно с назначением ключевых профессоров В.И. Огородникова, П.П. Маслова и Н.М. Обухова) на должность в ГИНО был назначен преподаватель скульптурной мастерской Костромских Государственных свободных художественных мастерских и лектор курсов педагогической лепки в Омске Геза Иванович Балинт²⁰¹, что подтверждает важность этих дисциплин в первоначальном замысле вуза.

Процесс обучения в институте носил ярко выраженный прикладной характер: студенты не просто осваивали теорию, но и принимали непосредственное участие в создании материально-технической базы вуза. Изготовление мебели, учебных пособий и предметов повседневного обихода рассматривалось не только как элемент образовательной программы, но и как существенный вклад студенчества в жизнеобеспечение заведения в условиях тотального дефицита²⁰².

Одной из ключевых характеристик учебного плана было последовательное наращивание доли практических занятий. Если на первом курсе соотношение теоретических и практических часов составляло 2:1, то к четвертому курсу оно смещалось в сторону практики в пропорции 1:3.

Описанная динамика отражала концептуальный подход администрации вуза к вопросам профессиональной подготовки. Стратегическим приоритетом являлось формирование не теоретически ориентированных специалистов, а

²⁰⁰ Резников, В. В. Владимир Алексеевич Алмазов: художественно-педагогическое наследие в контексте становления высшей школы Забайкалья (1921–1923 годы) / В. В. Резников // Забайкалье историческое : материалы III Всероссийской (с международным участием) научной конференции, посвященной памяти Т. А. Константиновой – историка, исследователя и архивиста (Чита, 28 ноября 2025 г.). – Чита : ЗабГУ, 2026. – С. 143–145.

²⁰¹ Вестник Просвещения : журнал Министерства Народного Просвещения ДВР. 1922. № 2. С. 2.

²⁰² Бюллетень Министерства народного просвещения Дальневосточной Республики. Чита, 1922. № 5.

педагогов и агрономов, способных к незамедлительной реализации профессиональных функций в школьных и полевых условиях. Материалы отчетности последовательно акцентируют внимание на доминировании практико-ориентированной модели обучения, закрепляемой обязательными летними полевыми и педагогическими практиками по профильным дисциплинам. Вопреки дефициту лабораторного фонда, преподавание естественнонаучного цикла осуществлялось на высоком академическом уровне.

Так, учебные программы по физике включали выполнение восемнадцати обязательных лабораторных работ повышенной сложности. Обязательным требованием к обучающимся выступало овладение методиками калибровки термометров, измерения силы тока и определения сопротивления проводников с помощью измерительных мостов. Организация подобных технически сложных лабораторных циклов в условиях пограничного региона и социально-политической дестабилизации является веским свидетельством высокой академической квалификации профессорско-преподавательского состава, сумевшего в экстраординарных условиях обеспечить соответствие образовательного процесса университетским стандартам.

По ботанике практические занятия по анатомии растений велись на 15 микроскопах, что вынуждало делить поток на 11 групп. Из-за нехватки времени из 36 запланированных работ удалось проработать только ключевые 12, включая защитные ткани, ткани проводящие, строение стебля и строение листа. По географии практические занятия второго курса носили характер научного семинара. Студенты разрабатывали темы по сибиреведению, и отчет даже выделяет лучшие работы: студентка Козьмина почти по сырому материалу дала очень интересный реферат на тему «Землетрясения в окрестностях Байкала», студент Савинов дал хороший реферат на тему «Население Анадырского края». По ручному труду, которым руководил В.С. Хорынский (Рисунок Б.21), в классе было оборудовано 8 мест для столярной работы и 16 для жестяной. При классе

стихийно образовалась артель из специалистов по столярному делу, которая брала заказы на оборудование классов для финансирования закупки материалов²⁰³.

Эта практика стихийных артелей находила поддержку и на правительственном уровне. Как сообщал «Бюллетень Министерства народного просвещения»²⁰⁴, для поднятия материального состояния учебных заведений официально предполагалось открытие при них доходных трудовых предприятий, продукция которых (мебель, обувь, несложные земледельческие орудия) могла поступать в продажу или обмениваться на необходимые товары. Таким образом, вынужденная торгово-хозяйственная деятельность получала законное основание. Доля практических занятий в общем учебном процессе наглядно отражена в Таблице 2 на примере начального курса.

Таблица 2 – Пример недельной нагрузки на 1 курсе Естественного подотдела
(1 семестр)²⁰⁵

Предмет	Теория (часы)	Практика (часы)
Основы высшей математики	2	2
Физика (общая)	4	–
Химия (общая)	4	1
Общая ботаника	4	1
Общая зоология	4	1
Общее землеведение	2	1
Ручной труд	–	2
Рисование	–	2
Итого	20	10

Как видно из таблицы, даже на начальном этапе практическим занятиям отводилась значительная часть учебного времени, что требовало соответствующего лабораторного и материального обеспечения.

Учебные планы других факультетов демонстрируют еще более глубокую специализацию. Так, четырехлетний план Агрономического факультета строился от фундаментальных дисциплин неорганическая химия, общая зоология, геодезия

²⁰³ ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 3 Д. 267. Л. 24.

²⁰⁴ Бюллетень Министерства народного просвещения Дальневосточной Республики. Чита, 1922. № 1. С. 16. с.

²⁰⁵ ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 3 Д. 267. Л. 35.

на 1-м курсе к узкоприкладным частное земледелие и селекция, Зоогигиена и ветеринария, Сельскохозяйственная технология, Молочное хозяйство и пчеловодство на 4-м курсе.

На словесном отделении Гуманитарного факультета, недельная нагрузка 1 курса составляла 14 часов теории и 14 часов практики. Наряду с классическими дисциплинами история древней философии, старославянский язык, в план были включены наука о народном хозяйстве (2 часа теории, 2 практики) и обязательные трудовые процессы (2 часа практики)²⁰⁶.

Структура учебного процесса была гибкой и постоянно адаптировалась к меняющимся условиям и кадровым возможностям. Так, в отчете отмечается, что в 1922/23 учебном году на Гуманитарном факультете целый ряд запланированных курсов, таких как психология, история первобытной культуры, история всеобщей литературы, так и не был прочитан из-за отсутствия специалистов²⁰⁷. Необходимо подчеркнуть, что, несмотря на попытки компенсации через просеминарии, невыполнение учебного плана по ключевым дисциплинам ставило под сомнение качество подготовки выпускников и являлось главной академической уязвимостью института, снижая его конкурентоспособность в глазах новой власти.

Отчет за 1922/23 учебный год раскрывает масштаб этой проблемы. Список невыполненных курсов на Гуманитарном факультете включал десять ключевых дисциплин, среди которых, помимо психологии и истории литературы, числились методика преподавания литературы, методика преподавания истории и введение в эстетику. Причина срыва была та же – кадровый голод. Не хватило научных работников. К 1 января 1923 года некоторые из них покинули институт в связи с переводом в другие ВУЗы²⁰⁸.

В условиях, когда институт не мог обеспечить систематическое чтение полных лекционных курсов из-за дефицита специалистов, центр тяжести в обучении вынужденно смещался с профессора на студента. Классическая

²⁰⁶ ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 3 Д. 267. Л. 35.

²⁰⁷ От ректора ГИНО. О вакантных кафедрах и ставках оплаты труда // Дальне-Восточный телеграф. – 1922. – № 174. – 7 марта. – С. 4.

²⁰⁸ Там же. Л. 68.

лекционная модель, требующая большого штата, заменялась адаптивной семинарско-консультационной моделью. Основной формой обучения становилась не лекция, а самостоятельная работа студентов, которая направлялась и корректировалась на просеминариях (ставших, как показано ниже, ключевой формой научной работы) и в ходе индивидуальных консультаций.

В этой модели та огромная доля практических занятий (до 30-50% учебного времени), которая изначально закладывалась в план, приобретала новое, решающее значение. Она была уже не просто дополнением к теории, а ее фундаментом и во многом заменой. Студенты-естественники, выполнявшие 18 обязательных работ по физике или работавшие на 15 микроскопах, осваивали специальность в первую очередь через практику. ГИНО демонстрировал адаптивность не только в решении хозяйственных вопросов, но и в своей основной, педагогической функции, что вело к вынужденной выработке методов обучения, адекватные экстремальным условиям кадрового голода.

В то же время, по инициативе имеющихся профессоров вводились новые курсы, не предусмотренные первоначальным планом, например, экспериментальная фонетика и экономика стран Дальнего Востока. Последнюю дисциплину читал А.Н. Петров – выпускник Владивостокского восточного института и бывший эксперт Министерства торговли по восточным делам, что подчеркивает практическую направленность нововведений.

Александр Васильевич Гребенщиков (Рисунок Б.22), синолог и специалист по тунгусо-маньчжурским языкам, профессор ГДУ, временно работавший в ГИНО и даже исполнявший обязанности декана Гуманитарного факультета, привносил в институт экспертизу высшего уровня²⁰⁹. Эта гибкость позволяла максимально эффективно использовать наличный кадровый потенциал. Особое внимание уделялось просеминариям – форме практических занятий, где студенты под руководством профессора учились методам научного исследования, готовили доклады и рефераты.

²⁰⁹ ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 3. Д. 267. Л. 6.

Например, на просеминарии профессора В.И. Огородникова по русской истории в 1921/22 учебном году студенты читали и обсуждали доклады на темы «Теория родового быта по С.М. Соловьеву» (докладчики – студенты Ф.Н. Костюченко и П.В. Комогорцев), «Вопрос о феодализме в древней Руси» (студенты Н.А. Аникьев, Б.Д. Дерибизов, П.П. Розен) и «Опричнина царя Ивана IV как попытка политической реформы» (студенты В.А. Адамчук, Н.Н. Лесняк и др.). На семинаре профессора М.К. Азадовского изучали творчество Дмитрия Мережковского, Осипа Мандельштама и Владимира Соловьева²¹⁰. Темы просеминариев были разнообразны: от изучения русской народной сказки (профессор М.К. Азадовский) до педагогического эксперимента (научный сотрудник Ц.А. Киселев). Профессорско-преподавательский состав ГИНО с первых дней существования института взял на себя роль не только педагогов, но и ведущих интеллектуалов региона.

Важнейшим направлением государственной работы института стало организационно-методическое руководство переподготовкой действующих учителей Забайкалья. Министерство народного просвещения официально поручило ГИНО непосредственное выполнение заданий по постановке учебной стороны краевых краткосрочных курсов школьных инструкторов 1-й ступени²¹¹. Профессорско-преподавательский состав взял на себя фундаментальную разработку учебных материалов для этих летних программ, что окончательно закрепило за вузом статус ведущего научно-методического центра республики.

Профессорско-преподавательский состав участвовал в подготовке учебных материалов для летних программ. Деятельность преподавателей не ограничивалась аудиторными занятиями и включала научную, издательскую и культурно-просветительскую работу²¹².

Декан физико-математического факультета А.А. Половинкин за один только 1922/23 учебный год издал курс лекций «Землеведение» (340 с.) и пособие

²¹⁰ Дроботушенко Н. Е. Институт народного образования Дальневосточной республики // Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет имени Н. Г. Чернышевского. История и современность: 1938–2008. Чита : ЗабГГПУ, 2008. С. 13.

²¹¹ Бюллетень Министерства народного просвещения Дальневосточной Республики. Чита, 1922. № 2. С. 12.

²¹² Вестник Просвещения : журнал Министерства Народного Просвещения ДВР. 1922. № 2.

«Природоведение в начальной школе и материалы для экскурсий» (250 с.), а также ряд статей в журнале «Работник Просвещения». Эти труды имели не локальное, а общенациональное значение. Читинские лекции профессора А.А. Половинкина легли в основу первого в России вузовского учебника «Общее землеведение»²¹³, а его методические разработки по школьному краеведению и экскурсионному делу стали стандартом для советской школы на десятилетия вперед (его учебники переиздавались вплоть до 1955 года). Показательно и то, что профессор находил время для популяризации науки среди детей. Так, в 1922 году в Чите вышла его брошюра по археологии «Что было на Чертовом бугре» (Рисунок Б.23), где в доступной форме давались инструкции по обращению с находками²¹⁴. Это подтверждает, что ГИНО функционировал как полноценная лаборатория передовой педагогической мысли.

Высокий авторитет профессора А.А. Половинкина подтверждается и его административным ростом. Согласно приказу правительства ДВР № 22 от 2 июня 1922 года, Александр Александрович был назначен исполняющим обязанности министра народного просвещения²¹⁵, а уже 13 июня того же года приказом № 28 он был утвержден в должности министра²¹⁶. Можно предположить, что, занимая этот пост, А.А. Половинкин значительно помогал институту в развитии. Эти публикации не только обеспечивали учебный процесс необходимой литературой в условиях книжного голода, но и вводили в научный оборот результаты исследований, связанных с региональной спецификой.

Отчет за 1922/23 учебный год²¹⁷ фиксирует и другую научную продукцию: профессор М.К. Азадовский опубликовал в «Трудах»²¹⁸ статью «К библиографии марксистской литературной критики»; профессор А.В. Гребенщиков опубликовал «Из истории китайской валюты» и подготовил к печати «Компендиум лекций по

²¹³ Половинкин, А. А. Общее землеведение : Курс лекций, чит. студентам Гос. Читинск. ун-та. Чита ; Владивосток : Госкнига, 1923.

²¹⁴ Константинов М. В. Провинциальная археология. Чита : ЗабГГПУ, 2008. 295 с.

²¹⁵ Белоглазова С. Б. Политика Дальневосточной республики в сфере образования [Электронный ресурс] // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2018. № 19. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-dalnevostochnoy-respubliki-v-sfere-obrazovaniya> (дата обращения: 12.04.2025).

²¹⁶ Бюллетень Министерства народного просвещения Дальневосточной Республики. Чита, 1922. № 1. С.1-2.

²¹⁷ Там же.

²¹⁸ Труды Государственного Института Народного Образования в г. Чите. Вып. 1. Чита : Типография Забайкальского губкома РКП, 1922.

общему языковедению»; а преподаватель А.Л. Бродский (бывший ректор) (Рисунок Б.24) написал полный курс органической химии, первая часть которого была издана группой студентов. Значимость этого учебного пособия подтверждается статья Л. Иольсона²¹⁹, посвященной научной работе уже объединенного ГДУ, «Органическая химия» преподавателя Бродского включена в официальный список изданных институтом трудов.

Научная работа велась и в поле. Так, преподаватель зоологии В.А. Захваткин летом 1922 года получил командировку в окрестности Ульнута (60 верст от Читы) для сбора зоологического материала, который лег в основу коллекций зоокабинета. Преподаватель В.И. Ишерский опубликовал в местном «Медицинском журнале Забайкальского общества врачей» актуальную для Читы статью «Первая сыпнотифозная эпидемия в Чите»²²⁰. Преподаватель В.Н. Борман опубликовал в «Известиях Института» статью «Берегите голос детей»²²¹.

Адаптация преподавателей к экономическим трудностям часто принимала форму двойной занятости, что одновременно усиливало практическую составляющую обучения. Так, преподаватель анатомии В.И. Ишерский совмещал работу в институте с практикой хирурга в городских больницах, что позволяло использовать клиническую базу города для занятий студентов²²².

Более того, подобная практика носила всеобщий характер и признавалась на государственном уровне единственным способом сохранения высшей школы. Как свидетельствует официальная переписка ведомств, опубликованная в «Бюллетене Министерства народного просвещения», образовательное ведомство прямо заявляло, что «во всей Д.В.Р. не найдется ни одного учебного заведения повышенного типа, где бы учительский персонал состоял из лиц, исключительно работающих лишь в данном учреждении»²²³. Пытаясь защитить профессию от уравнилельных мер Министерства труда (предлагавшего оплачивать

²¹⁹ Иольсон Л. Государственный Дальневосточный университет в его прошлом и настоящем // По Советскому Союзу. 1925. С. 56–59.

²²⁰ ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 3. Д. 267. Л. 32.

²²¹ ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 3. Д. 267. Л. 70.

²²² Высшая школа и научно-педагогические кадры Сибири (1917–1941 гг.) / АН СССР, Сибирское отделение, Институт истории, филологии и философии ; отв. ред. В. Л. Соскин. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1980. С. 51.

²²³ Бюллетень Министерства народного просвещения Дальневосточной Республики. Чита, 1922. № 4. С. 3.

совместительство лишь в размере 50% оклада)²²⁴, МНП подчеркивало: применение этой нормы вызовет массовый уход высококвалифицированных работников и неминуемое закрытие институтов. В итоге удалось отстоять для преподавателей спасительную систему поурочной оплаты²²⁵.

Важнейшим направлением деятельности ГИНО стали научные исследования и издательская работа. Уже в феврале 1922 года Совет института постановил приступить к изданию «Трудов Государственного Института Народного Образования в г. Чите»²²⁶ (Рисунок Б.25) под редакцией ректора В.И. Огородникова²²⁷. Первый выпуск, вышедший к годовщине института, состоял из двух разделов (науки естественные и науки гуманитарные) и включал статьи профессоров А.А. Половинкина, К.А. Ненадкевича, В.И. Огородникова.

В своей статье «К вопросу о так называемой «вечной» мерзлоте в Сибири» А.А. Половинкин призывает перейти к кабинетным методам работы. Этот метод получил теоретическое обоснование и в других публичных выступлениях профессора, сформулировавшего своеобразный «манифест кризисной науки». Выступая против инерции плохо снаряженных экспедиций, которые он считал непроизводительной тратой народных денег, ученый убеждал коллег переориентироваться на систематизацию музейных фондов. С его точки зрения, в условиях отсутствия ресурсов для качественной работы «земля лучше сохранит свои тайны для будущего», чем плохие раскопки, а наука должна сосредоточиться на спасении и описании уже накопленного материала²²⁸.

Статья К.А. Ненадкевича посвящена висмутовым рудам Забайкалья. Деятельность Константина Автономовича Ненадкевича (Рисунок Б.26), ученика В.И. Вернадского, выводила научную работу института на уровень задач

²²⁴ Оклады профессорам ИНО // Дальне-Восточный телеграф. – 1921. – № 19. – 25 августа. – С. 4.

²²⁵ В учебных заведениях. ИНО. О разрядах вознаграждения преподавателей // Дальне-Восточный телеграф. – 1922. – № 170. – 2 марта. – С. 3.

²²⁶ Труды Государственного Института Народного Образования в г. Чите. Вып. 1. Чита : Типография Забайкальского губкома РКП, 1922.

²²⁷ Константинов А. В. Государственный институт народного образования в Чите: к 100-летию высшего образования в Забайкалье // Приграничный регион в историческом развитии: партнерство и сотрудничество : материалы международной научно-практической конференции (Чита, 17 сентября 2021 г.). Чита : ЗабГУ, 2021. С. 78–82.

²²⁸ Известия Государственного института народного образования в г. Чите. Чита : Типография Забайкальского губернского союза кооперативов, 1923. Кн. 1 : Январь 1923 года. С. 9–11.

государственной безопасности. Находясь в Забайкалье, он не только создал минералогический кабинет ГИНО, но и завершил первую в стране разработку технологии получения металлического висмута из отечественного сырья. Тот факт, что исследования стратегического сырья велись в стенах буферного вуза, подтверждает его высокий научно-производственный потенциал, выходивший далеко за рамки подготовки школьных учителей²²⁹.

Профессор П.П. Маслов в это время опубликовал книгу «Мировая проблема» и статью «Экономические причины голода в Советской России». Эти читинские публикации П.П. Маслова были не просто научными трудами, а элементами его полемики с советской властью. В ГИНО он открыто читал курс, который называл не «Политическая экономия», а «Наука о народном хозяйстве», и даже опубликовал в читинском «Вестнике просвещения» (1921, № 2) статью «Значение науки о народном хозяйстве», где определял ее задачи. Его книги, изданные в Чите – «Мировая социальная проблема» в 1921 году и «Теория кооперации» 1922 года – были прямым ответом на политику «военного коммунизма» и НЭП. П.П. Маслов критиковал советскую власть за то, что она рассматривает экономику с государственно-хозяйственной точки зрения, фокусируясь на распределении, а не с народнохозяйственной, сфокусированной на накоплении.

Возможность открытой публикации антибольшевистской критики и преподавания альтернативных экономических теорий в 1921 году является ярким примером феномена «отложенной советизации». ГИНО функционировал в уникальной среде, когда идеологическая унификация, уже завершившаяся в центрах РСФСР, искусственно сдерживалась в буферной зоне ради сохранения политического компромисса.

Он утверждал, что трудящиеся классы лишены «инстинкта накопления»²³⁰ («инстинкт пчел»), и что капитализм принуждал к накоплению силой, а

²²⁹ Дроботушенко Н. Е. Ненадкевич Константин Автономович // Малая энциклопедия Забайкалья. Наука и образование : в 2 ч. / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск : Наука, 2011. Ч. 2. С. 30.

²³⁰ Майдачевский Д. Я. НЭП с народнохозяйственной точки зрения [Электронный ресурс] // Историко-экономические исследования. 2022. № 3. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nep-s-narodnohozyaystvennoy-tochki-zreniya-p-p-maslov-irkutsk-chita-1920-1922-gg> (дата обращения: 05.11.2025).

социализм – пока не может. По П.П. Маслову, НЭП был неизбежным признанием провала советского опыта. А главным инструментом, «школой» для воспитания этого «инстинкта накопления» у масс должна была стать кооперация, которой он и посвятил свою вторую читинскую книгу.

Уровень его читинских работ был таков, что его коллега В.Д. Маракулин, выступая в Харбине, ставил «Мировую социальную проблему» П.П. Маслова в один ряд с «Экономическими последствиями мира» Дж. М. Кейнса, отмечая, что русский ученый подошел к проблеме «чисто теоретически» и глубже.

В январе 1923 года были опубликованы «Известия Государственного Института народного Образования в Чите. Книга 1»²³¹, включавшие научный, педагогический, хроникальный и библиографический разделы. Издание открывалось программной статьей А.А. Половинкина «Современные задачи изучения Русского Востока», прочитанной на годовщине института. Были также напечатаны статьи В.И. Огородникова «Из истории покорения Сибири. Покорение Юкагирской земли», так как тематика сборника явно тяготела к сибиреведению, заявляя о ГИНО как о новом научном центре региона, наряду с Забайкальским отделом РГО²³², Б.Э. Петри «Доисторические кузнецы Забайкалья», В.А. Малаховского о сибирской диалектологии и известного забайкальского деятеля А.Н. Бек о психологических причинах неуспеваемости детей. Эта публикация маркировала зарождение в ГИНО новой научной дисциплины – педологии. А.Н. Бек, имевшая опыт изучения эндемических заболеваний Забайкалья (уровская болезнь) и курортологии (озеро Арей), пыталась соединить медицину и педагогику. Впоследствии, уже став профессором Томского университета, она возглавит кафедру педологии²³³, развивая идеи, заложенные в читинский период. В сборник также вошли работы: П.П. Маслова (о значении бюджетных исследований), В.А. Малаховского (о методах истории русского языка), и др.

²³¹ Известия Государственного института народного образования в г. Чите. Чита : Типография Забайкальского губернского союза кооперативов, 1923. Кн. 1 : Январь 1923 года.

²³² Известия Государственного института народного образования в г. Чите. Чита : Типография Забайкальского губернского союза кооперативов, 1923. Кн. 1 : Январь 1923 года.

²³³ Цуприк Р. И. Бек (Жукова) Анна Николаевна // Малая энциклопедия Забайкалья. Наука и образование : в 2 ч. / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск : Наука, 2011. Ч. 1. С. 109.

Фигура профессора М.К. Азадовского придает научной деятельности ГИНО особый вес. Выпускник Петербургского университета, еще до революции выполнявший поручения Академии наук и Русского географического общества, он превратил Читу в один из центров становления отечественного декабристоведения. Изданный при его содействии в 1922 году сборник «Камены» (Рисунок Б.27) и организация Библиологического общества свидетельствуют о том, что, несмотря на статус провинциального вуза, ГИНО в этот период генерировал научный продукт столичного уровня, пользуясь интеллектуальной свободой буферной зоны²³⁴.

Содержание сборника «Камены» стало предметом острой общественной дискуссии, маркирующей идеологический разрыв между академической средой и новой властью. В докладе оргкомитета 1-й краевой конференции писателей Восточной Сибири творчество литературной группы ГИНО подверглось критике за «политическую инфантильность»²³⁵ и оторванность от современности, что подтверждает сохранение в стенах института автономной культурной атмосферы, далекой от революционной конъюнктуры.

Не менее важным направлением была общественно-просветительская деятельность. Профессора и преподаватели ГИНО регулярно читали публичные лекции для жителей Читы в различных клубах и организациях²³⁶. Так, А.А. Половинкин прочел цикл из 12 лекций для марксистов в Центральном рабочем клубе, а также лекции на темы «Плавающие континенты» и «Об образовании Земли». Ассистент М.И. Союзов (Рисунок Б.28) выступал с лекциями «Что мы знаем о бурятах?» и «Звездное небо весной 1922»²³⁷, которые пользовались огромной популярностью у рабочей аудитории. Эта деятельность решала сразу несколько задач: популяризировала научные знания, укрепляла

²³⁴ Дроботушенко Н. Е. Азадовский Марк Константинович // Малая энциклопедия Забайкалья. Наука и образование : в 2 ч. / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск : Наука, 2011. Ч. 1. С. 68.

²³⁵ Дворниченко, Н. Е. Их путь начинался в Забайкалье : историко-биографические очерки. Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1973. С. 70–72.

²³⁶ Отчет о создании и деятельности Государственного института народного образования в Чите. Чита, 1922 // ГАЗК. Фонд краеведения. № 165968. С. 16.

²³⁷ Вестник Просвещения : журнал Министерства Народного Просвещения ДВР. 1922. № 2.

связь института с городским сообществом и способствовала формированию высокого общественного авторитета вуза.

На базе института и при активном участии его преподавателей и студентов возникло несколько научных кружков и обществ, ставших центрами интеллектуальной жизни города. Так, в экономическом кружке под руководством П.П. Маслова, в который входило 70 участников, читались доклады «Теория ценности К. Маркса» и «Американский капитализм до и после войны». Фигура декана П.П. Маслова придавала этой работе особый идеологический вес. Известный экономист-аграрник, чья программа муниципализации земли была предметом острой полемики с В.И. Лениным еще со времен IV съезда РСДРП²³⁸, П.П. Маслов использовал кафедру ГИНО как трибуну для трансляции альтернативных, небольшевистских экономических взглядов. Тот факт, что в «буферной» Чите бывший меньшевик мог свободно публиковать труды и руководить факультетом, ярко демонстрирует отличие академической атмосферы ГИНО от идеологически унифицированных вузов Советской России того периода.

В историко-литературном кружке М.К. Азадовского, который насчитывал 80 участников, обсуждали поэзию Владимира Маяковского и Анны Ахматовой²³⁹ студенты представляли доклады на темы «Эпилог в сказке» и «Значение сказочника». Кружок ставил целью изучение историко-литературных вопросов и собирание историко-литературных материалов.

Кружок «Друзья музея и любители естествознания», руководимый В.И. Медяковым, знакомил участников с природой и культурой Забайкалья. Действовало также философское общество²⁴⁰ Ф.Ф. Куклярского. Экономический кружок и философское общество собирали десятки участников для обсуждения актуальных научных и социальных проблем.

²³⁸ Дроботушенко Н. Е. Маслов Петр Павлович // Малая энциклопедия Забайкалья. Наука и образование : в 2 ч. / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск : Наука, 2011. Ч. 1. С. 508.

²³⁹ Дроботушенко Н. Е. Институт народного образования Дальневосточной республики // Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет имени Н. Г. Чернышевского. История и современность: 1938–2008. Чита : ЗабГГПУ, 2008. С. 14.

²⁴⁰ Общественная жизнь. К организации Философского общества при ИНО // Дальне-Восточный телеграф. – 1921. – № 96. – 26 ноября. – С. 3.

Преподаватели активно интегрировались в существующие научные структуры города. Преподаватель А.В. Харчевников, помимо ведения просеминариев по истории Греции и Рима, являлся правителем дел Забайкальского отдела Русского географического общества и заведовал отделом истории в Краевом музее им. Кузнецова, где разработал и подготовил к печати часть хранящихся в музее документов декабристов. А.В. Харчевников, уроженец Читы, историк и музейный работник, исследователь наследия декабристов, был одной из ключевых фигур, интегрировавших ГИНО в культурную жизнь города²⁴¹. Эта общественная деятельность свидетельствует о том, что академическое ядро института было не замкнутой корпорацией, а открытой системой, активно взаимодействовавшей с городом и регионом и стремившейся выполнять широкую просветительскую миссию.

Амбициозные учебные планы и активная научная деятельность требовали соответствующего материально-технического обеспечения, создание которого в условиях послевоенной разрухи и хронического недофинансирования стало настоящей борьбой. Этот дефицит был абсолютным. В первой половине июля 1921 года Комитет по созданию института поручил профессору Н.М. Обухову «произвести обследование читинских средних учебных заведений» на предмет заимствования оборудования. 15 июля была создана специальная «Согласительная Комиссия»²⁴² с участием представителей МНП (включая К.М. Багашева и В.М. Рыхтера), ГИНО (Н.М. Обухов, Г.Н. Талан) и школ.

Комиссия пришла к катастрофическому выводу: оборудование местных школ крайне недостаточно, и трудно рассчитывать на позаимствование из них чего-либо подходящего. Сложная ситуация заставила Комитет немедленно обратиться в Министерство Земледелия с просьбой о передаче во временное пользование химической лаборатории бывшего Переселенческого Управления и библиотеки Читинского Землемерного Училища. Это доказывает, что институт с самого начала был вынужден собирать свою материальную базу по частям из

²⁴¹ Жеребцов Г. А., Закаблукская Н. Н. Харчевников А.В. [Электронный ресурс] // Энциклопедия Забайкалья. Режим доступа: <https://ez.chita.ru/encycl/concepts/?id=7271> (дата обращения: 02.03.2026).

²⁴² Вестник просвещения: журнал Министерства народного просвещения ДВР. 1921. № 2. С. 82.

разных ведомств. Согласно отчетным таблицам, за период с 6 июня по 18 ноября 1922 года (до советизации) состоялось 24 заседания комиссии, на которых было разрешено 412 вопросов. Анализ тематики показывает абсолютное доминирование хозяйственной повестки: «Ремонт и хозяйственные мероприятия» (91 вопрос), «Оборудование учебно-вспомогательных учреждений» (77), «О выдаче ссуд» сотрудникам (75)²⁴³. Наиболее важными мероприятиями этого периода стали подготовительные работы по созданию Агрономического и Рабочего факультетов²⁴⁴. Эти данные свидетельствуют о том, Правление было реальным центром принятия решений, оперативно реагирующим на меняющиеся условия и трудности.

Финансовые отчеты института показывают, что его бюджет складывался из трех основных источников: государственных ассигнований, платы за слушание лекций и пожертвований общественных организаций. Примером высокой профессиональной сплоченности служит тот факт, что финансовую помощь институту оказывали не только внешние спонсоры, но и сами преподаватели. В ведомости пожертвований за 1921 год зафиксирован личный взнос профессора К.А. Ненадкевича в размере 200 золотых рублей, что в условиях всеобщего обесценивания денег являлось значительным материальным вкладом в выживание вуза.

Среди некоторых жертвователей 1921/22 года значатся «Центросоюз» (1296 руб.), акционерное общество «Дальта» (67 руб.), Торгово-Промышленная палата (1500 руб.) и Общество потребителей Читинской железной дороги (1140 руб.). За 1922 год из этих источников было получено 35285 руб., что было совершенно недостаточно для полноценного функционирования вуза²⁴⁵.

²⁴³ ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 3. Д. 267. Л. 8.

²⁴⁴ Резников, В. В. Становление системы рабочих факультетов в Забайкалье (1920-1930) / В. В. Резников, А. А. Шестаков // Молодежная научная весна : Материалы ЛП Научно-практической конференции молодых исследователей ЗабГУ, Чита, 31 марта – 13 2025 года. – Чита: Забайкальский государственный университет, 2025. – С. 264-268.

²⁴⁵ Отчет о создании и деятельности ГИНО в Чите за 1921–1922 академический год. Чита, 1922. С. 44.

Плачевное финансовое положение ГИНО отражало общий финансово-экономический кризис в ДВР²⁴⁶. В 1921 году затраты государства на народное образование составляли всего 1,4-1,5% от общей суммы расходов бюджета республики²⁴⁷. Причем эти скудные средства тратились почти исключительно на оплату труда по самому министерству.

«Прибайкальский календарь на 1922 год»²⁴⁸ документально подтверждает этот тезис, публикуя смету расходов на зарплату ведомств ДВР за сентябрь 1921 года. Согласно ей, на Министерство Народного Просвещения выделялось 1,59% (10029 руб.) от общего зарплатного фонда, в то время как на Транспорт – 55,38% (350000 руб.), а на силовые структуры (народная милиция и государственная политическая охрана) – 13,3% (более 84000 руб.). Эти цифры доказывают, что сфера просвещения находилась на последнем месте в списке реальных приоритетов правительства ДВР, уступая транспорту и силовому блоку в десятки раз.

Тяжелое положение, вынудило правительство 26 августа 1921 года принять закон о передаче школ на содержание местным органам власти²⁴⁹, что привело к резкому сокращению их сети. Подробные итоги этой вынужденной меры были подведены в официальных тезисах Министерства народного просвещения в мае 1922 года. Документ констатировал, что из-за полного отсутствия средств на местах школьному делу грозит опасность полнейшего распада. В некоторых уездах закрылось до 40% учебных заведений. Кадровый кризис достиг такого масштаба, что к работе пришлось допустить до 60% учителей с низшим образованием, совершенно не подготовленных к педагогической деятельности. В качестве экстренной меры спасения министерство предлагало выделить 10% школ республики в особые «ударные», вернув их личный состав на прямое

²⁴⁶ Белоглазова С. Б. Политика Дальневосточной республики в сфере образования [Электронный ресурс] // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2018. № 19. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-dalnevostochnoy-respubliki-v-sfere-obrazovaniya> (дата обращения: 12.04.2025).

²⁴⁷ Дальне-Восточная Республика (Статистический обзор) // Прибайкальский календарь на 1922 год. Верхнеудинск : Книгоиздательство Объединенного Прибайкальского Союза Кооперативов, 1922. С. 33.

²⁴⁸ Там же. С. 34.

²⁴⁹ Культурное строительство на Дальнем Востоке (1917-1941 гг.) : Документы и материалы / сост. Л. П. Блещавенко и др.; предисл. М. С. Кузнецова. Владивосток : Дальневост. кн. изд-во, 1982. С. 79.

государственное обеспечение²⁵⁰. Приведенные данные исчерпывающе обосновывают острую необходимость ускоренной подготовки педагогических кадров в стенах ГИНО.

Состояние здания, переданного институту, было близко к катастрофическому²⁵¹. В отчете подробно перечисляются дефекты: центральное отопление было в полуразрушенном состоянии, уборные были разрушены, водопровод и водоканализация были испорчены, внутренняя часть здания нуждалась в побелке, электрика в верхней части здания была полностью снята и украдена, крыша проржавела и требовала покраски, окна нуждались в замене стекол, а находившийся внутри инвентарь (парты, столы, стулья, скамейки и т.д.) на две трети был сломан²⁵². Первоначальная смета на неотложные расходы по ремонту и хозяйственной деятельности на июнь-август 1921 года составила огромную по тем временам сумму в 36383 рубля золотом, но правительство не могло выделить эти средства. Ремонт начался с мизерной суммы в 900 золотых рублей и проводился в основном силами студентов²⁵³.

Материальная база института создавалась буквально по крупицам. Основой послужило имущество бывшей женской гимназии и Учительского института, однако оно было сильно изношено и разграблено. С первых дней существования ГИНО его преподаватели и студенты развернули масштабную работу по восстановлению и оборудованию учебных помещений. В течение первого учебного года проводилось обустройство 13 специализированных кабинетов и лабораторий, лучшими из которых были: физический кабинет, располагавший 330 приборами и зоологический кабинет²⁵⁴. Руководители кабинетов, такие как Д.И. Фефелов (физика), В.А. Захваткин (зоология), П.И. Попов (химия),

²⁵⁰ Бюллетень Министерства народного просвещения Дальневосточной Республики. Чита, 1922. № 3. С. 12.

²⁵¹ Малявина, Л. С. Читинский институт народного образования (1921–1923 гг.): уточненные страницы истории первого вуза Забайкалья // ДВР и завершающий этап гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Чита, 3 ноября 2020 г.) / отв. ред. Е. В. Дроботушенко и др. Чита : ЗабГУ, 2020. С. 118–122.

²⁵² Труды Государственного Института Народного Образования в г. Чите. Вып. 1. Чита : Типография Забайкальского губкома РКП, 1922. С. 4–6.

²⁵³ Отчет о создании и деятельности ГИНО в Чите за 1921–1922 академический год. Чита, 1922. С. 7.

²⁵⁴ Отчет о создании и деятельности ГИНО в Чите за 1921–1922 академический год. Чита, 1922. С. 40–43.

прилагали огромные усилия для пополнения своих фондов. Они закупали приборы, реактивы, книги, организовывали экспедиции для сбора коллекций²⁵⁵.

Отчет 1922/23 учебного года позволяет количественно оценить эти усилия²⁵⁶. Физический кабинет к началу года насчитывал 437 приборов на общую сумму 6479 руб. 19 коп. Зоологический кабинет за год увеличил стоимость своего инструментария с 314 до 1751 руб., в частности, был приобретен один хороший иммерсионный микроскоп Лейтца стоимостью 300 руб.

Ботанический кабинет пополнился не только микроскопами (15 штук, совместно с зоологическим), но и «систематическим гербарием» (300 видов) и учебным гербарием (173 вида). Анатомический кабинет за год приобрел по частям собранный скелет человека, скелет младенца, 29 гистологических препаратов и, что важно для лекций, 325 диапозитивов.

Мемуарные данные позволяют уточнить происхождение этих наглядных пособий, раскрывая экстремальный характер «самообеспечения» вуза. Для пополнения анатомического музея, ввиду отсутствия средств на закупку препаратов, под руководством преподавателя В.И. Ишерского предпринимались специальные экспедиции с участием студентов на городские кладбища для сбора костного материала, что позволило своими силами оборудовать анатомический кабинет²⁵⁷.

Особую роль играла библиотека, созданная путем слияния фондов женской и мужской гимназий, педагогического музея и землемерного училища. К 1922 году ее общий фонд насчитывал 1088 изданий, но уже к маю того же года вырос до 7635 книг. При этом острейший дефицит специальной научной литературы оставался главной проблемой, тормозившей как учебный, так и научный потенциал²⁵⁸.

²⁵⁵ Труды Государственного Института Народного Образования в г. Чите. Вып. 1. Чита : Типография Забайкальского губкома РКП, 1922. С. 4–6.

²⁵⁶ ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 3. Д. 267. Л. 19.

²⁵⁷ Высшая школа и научно-педагогические кадры Сибири (1917–1941 гг.) / АН СССР, Сибирское отделение, Институт истории, филологии и философии ; отв. ред. В. Л. Соскин. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1980. С. 51.

²⁵⁸ Труды Государственного Института Народного Образования в г. Чите. Вып. 1. Чита : Типография Забайкальского губкома РКП, 1922. С. 38–39.

Процесс комплектования библиотеки носил характер спасательной операции. По свидетельству профессора А.А. Половинкина, значительная часть книжных фондов, переданных институту, до этого момента находилась в хаотичном состоянии – «сваленная в кучи в темных сараях», перепутанная и частично расхищенная в ходе череды политических переворотов, что требовало огромных усилий по ее сортировке и каталогизации²⁵⁹.

Состав работников библиотеки отражал участие в ее деятельности представителей разных групп институтского сообщества. Он состоял из 6 человек и представлял собой сплав старой интеллигенции (помощник заведующего С.И. Рычагова – бывший библиотекарь женской гимназии), нового академического персонала (заведующий – ассистент А.К. Целестин) и самих студентов, которые составляли большинство сотрудников²⁶⁰.

Нехватка средств и оборудования компенсировалась невероятной изобретательностью и самоотверженностью. Студенты и преподаватели сами ремонтировали здание, заготавливали дрова, чинили мебель, изготавливали учебные пособия. Эта «трудовая самомотивация», как ее называли в прессе, стала не просто вынужденной мерой, а ключевым элементом внутренней атмосферы ГИНО²⁶¹, сплотившей коллектив и позволившей институту не только выжить, но и развиваться в самых неблагоприятных условиях.

Развитие учебно-вспомогательных учреждений шло крайне медленно и неравномерно. К концу первого года наиболее оборудованной была химическая лаборатория, чье оборудование оценивалось в 400 рублей золотом и 121 рубль серебром. В то же время ботанический, минералогический, зоологический и географический кабинеты были оснащены крайне слабо. Библиотека, занимавшая две комнаты, имела книгохранилище, рассчитанное на 30-40 тысяч томов, но ее читальный зал был мал и неудобен. Несмотря на то, что к маю 1922 года фонд вырос до 7635 книг, учебной литературы катастрофически не хватало, что вынуждало ректора обращаться в читинские школы с просьбой о временной

²⁵⁹ Там же. С. 1.

²⁶⁰ Отчет о создании и деятельности ГИНО в Чите за 1921–1922 академический год. Чита, 1922. С. 44.

²⁶¹ В учебных заведениях. Трудовая самомотивация студентов // Дальне-Восточный телеграф. 1921. № 43. 23 сентября. С. 6.

передаче институту некоторых пособий. Насколько острой была эта проблема, свидетельствует официальное обращение ректора в Министерство 6 июня 1922 года с просьбой организовать совещание представителей института и некоторых читинских школ, располагающих богатыми библиотеками, для обсуждения возможности передачи институту во временное пользование некоторых трудов и пособий²⁶².

Для оперативного обеспечения учебного процесса в условиях книжного голода использовались и кустарные методы тиражирования. В распоряжении издательского комитета имелась небольшая слабо оборудованная литография, на которой удавалось выпускать простейшие учебные пособия, такие как «Образцы славянской палеографии» и конспекты лекций по математике²⁶³.

Недостаток учебной литературы был характерен не только для ГИНО, но и для библиотечных учреждений Читы. Согласно отчету Читинской городской публичной библиотеки, проведенная в 1920 г. проверка выявила утрату 2882 томов, составлявших около 20 % ее фонда.

Наиболее сильно пострадали самые востребованные отделы: было утрачено 37,5% всей беллетристики (1809 книг) и 24% детских книг (353 тома). Автор сетует на неразвитое чувство уважения к книге и халатность, из-за которых «гибнут последние богатства культуры»²⁶⁴. В этих условиях создание собственной библиотеки ГИНО и ее пополнение (до 7635 книг к маю 1922 года) было не просто рутинной задачей, а важнейшим актом по спасению научного фонда в масштабах всего региона²⁶⁵.

Для преодоления книжного голода правительство пошло на беспрецедентные меры таможенного благоприятствования. Осенью 1922 года был утвержден специальный закон, предоставивший Государственному институту народного образования исключительное право беспошлинного ввоза из-за границы печатных изданий, рукописей и необходимых учебных пособий. Эта льгота несколько облегчила комплектование фондов, но не могла решить

²⁶² Бюллетень Министерства народного просвещения Дальневосточной Республики. Чита, 1922. № 5. С. 12.

²⁶³ Отчет о создании и деятельности ГИНО в Чите за 1921–1922 академический год. Чита, 1922. С. 53.

²⁶⁴ Вестник просвещения: журнал Министерства народного просвещения ДВР. 1921. № 2. С. 86.

²⁶⁵ Там же.

проблему кардинально²⁶⁶. Все это показывает, что академический процесс в ГИНО ежедневно наталкивался на жесточайшие материальные ограничения, преодоление которых требовало постоянных усилий и изобретательности.

Детальный финансовый отчет за 1922/23 академический год позволяет конкретизировать источники финансирования и структуру расходов. Общая сумма поступлений из госбюджета по основной смете составила 82854 руб. Помимо этого, институт активно привлекал специальные средства: 4674 руб. было получено в виде платы за слушание лекций, 734 руб. – как «случайные поступления». На организацию Агрономического факультета целевые средства выделили Министерство народного хозяйства – 2000 руб. и Земельный отдел – 3000 руб.²⁶⁷

Анализ исполнения сметы расходов показывает следующие приоритеты – из общей суммы расходов без учета специальных средств и переходящих сумм львиная доля 56740 руб. (около 68%) ушла на содержание служащих (жалованье, командировочные, соцстрахование). На все хозяйственные нужды (отопление, освещение, ремонт) было потрачено 7679 руб. (9%). На специальные расходы, непосредственно связанные с учебным процессом (книги, приборы, материалы, печать трудов), было израсходовано 10337 руб. (12%). Эти цифры наглядно демонстрируют, что основная часть бюджета уходила на поддержание жизнедеятельности коллектива, а развитие материальной базы финансировалось по остаточному принципу.

Однако самой мощной, хоть и специфической, материальной базой обладал новосозданный Агрономический факультет. Его Геодезический кабинет был укомплектован за счет временной передачи инструментов из Забгубернуправления (Забайкальского губернского земельного управления) и насчитывал 15 теодолитов, 15 мензул с кипрегелями, 7 нивелиров, 10 планиметров и 5 арифмометров²⁶⁸. Более того, Земельный отдел передал

²⁶⁶ Бюллетень Министерства народного просвещения Дальневосточной Республики. Чита, 1922. № 9. С. 15.

²⁶⁷ ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 3. Д. 267. Л. 56–57.

²⁶⁸ Там же.

факультету «во временное пользование» 9440 книг (2049 названий) для создания специальной аграрной библиотеки.

Наконец, факультет приступил к организации учебно-показательной фермы на 25 десятинах, для которой было приобретено 10 молочных коров, временно размещенных в свободных стойлах Госконюшен, и 6 лошадей с инвентарем. Факультету также отошел древесно-плодовый питомник, в котором, согласно описи, числилось 85000 сеянцев сосны, 1200 желтой акации, 250 саженцев уссурийской сливы и 175 лиственницы. Эта мощная база, созданная в последний год существования вуза, стала одним из главных активов, за который развернулась борьба при переводе университета во Владивосток.

Кроме того, согласно Закону «Об отводе в пользование Агрономическому факультету ГИНО в культурно-просветительских целях лесных дач и питомника в Забайкальской области» от 14 сентября 1922 года²⁶⁹, институту была передана обширная территория, включавшая Молоковскую лесную дачу (8638 десятин), часть лево-читинской лесной дачи (2070 десятин и падь Кайдаловка), а также лесной питомник за рекой Ингодой (6 десятин) для организации учебно-показательной лесной опытной станции. К этой же учебно-производственной инфраструктуре, по-видимому, относилась и учебно-показательная пасека, существовавшая в Забайкальской губернии. Согласно данным 1923 года, она пошла на зиму в составе 47 семей и при ней имелась мастерская по изготовлению вощины и ульев. Наличие такого специализированного хозяйства полностью соответствовало учебному плану факультета, включавшему, как известно, пчеловодство²⁷⁰.

3 марта окончательно сформирован Президиум Факультета, в который вошли декан Ф.И. Кузьмич (Рисунок Б.29), преподаватель Н.С. Иконников и представить студенчества К.Л. Козьмин. На преподавателя Н.С. Иконникова наложена обязанность секретаря факультета²⁷¹. Переданная институту

²⁶⁹ Закон «Об отводе в пользование Агрономическому факультету ГИНО в культурно-просветительских целях лесных дач и питомника в Забайкальской области» от 14 сентября 1922 года // Бюллетень Министерства народного просвещения Дальневосточной Республики. Чита, 1922. № 8. С. 3–4.

²⁷⁰ ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 3. Д. 267. Л.45.

²⁷¹ Вся Чита и Забайкалье : торгово-промышленный справочник-путеводитель. Чита, 1923. С. 63.

Молоковская лесная дача была не просто лесным массивом, а одной из известнейших рекреационных зон в окрестностях Читы. Очерк 1923 года идентифицирует эту местность как курорт «Молоковка»²⁷², расположенный в 18 верстах от города в пади одноименной реки. Главной ценностью этого места был главный минеральный источник, принадлежавший к числу железистых минеральных вод. Агрономический факультет получил в свое распоряжение не просто лесные угодья, а территорию известного и ценного местного курорта. Это место передавалось в пользование институту на все время для учебных целей и практических работ студентов.

Таким образом, Читинский ГИНО сумел организовать учебную и научную работу при ограниченном финансировании, недостатке оборудования и продолжающемся формировании материальной базы. Основу обеспечения деятельности института составляли государственные ассигнования и решения органов управления Дальневосточной Республики. Вместе с тем участие преподавателей, студентов и учреждений Читы способствовало ремонту здания, оборудованию кабинетов, пополнению библиотеки и решению текущих хозяйственных вопросов.

2.2. Социальный облик, материальное положение и общественная деятельность студенчества

Значительную роль в организации деятельности Читинского ГИНО играло студенчество. Учащиеся участвовали в ремонте помещений, заготовке топлива, оборудовании кабинетов, работе органов студенческого представительства и оказании помощи нуждавшимся.

Формы участия студентов определялись конкретными условиями первых лет деятельности института. Ограниченность государственных средств и неудовлетворительное состояние здания обусловили необходимость привлечения учащихся к хозяйственным работам. Вместе с тем организация учебного

²⁷² Там же. С. 12.

процесса, финансирование и управление институтом оставались обязанностью государственных органов ДВР и администрации ГИНО.

Обучение первого студенческого набора проходило в условиях неодинакового уровня предварительной подготовки учащихся, материальных трудностей и продолжающегося организационного оформления института. Эти обстоятельства влияли на успеваемость, посещаемость и последующее сокращение студенческого контингента. Высокая потребность молодежи в образовании и социальной стабильности проявилась на самых ранних этапах формирования вуза. Уже 16 августа 1921 года, еще до начала учебных занятий, министр народного просвещения ДВР К. Шрейбер издал специальный приказ (№ 119)²⁷³, в котором констатировал «большое количество прошений, значительно превышающее число имеющихся в Институте вакансий»²⁷⁴.

К началу 1921/22 учебного года в приемную комиссию поступило 1207 заявлений о зачислении в состав студентов и 247 – в число вольнослушателей²⁷⁵. Подобный приток абитуриентов объяснялся не только стремлением к получению знаний, но и существенной социальной льготой, зафиксированной в учредительных документах. Согласно 75-й статье «Положения об институте»²⁷⁶, обучающиеся в ГИНО на весь период учебы «считаются состоящими на государственной службе» и «освобождаются от несения военной службы». В условиях военно-политической нестабильности эта правовая гарантия сделала институт привлекательным не только как образовательный центр, но и как законную возможность избежать воинского призыва. Данным обстоятельством во многом объясняется последующий значительный отсев лиц, которые не смогли или не пожелали выполнять академические требования. По итогам работы приемной комиссии в ряды студентов было зачислено 1064 чел., а статус вольнослушателей получили 162 чел.²⁷⁷

²⁷³ Приказ Министра народного просвещения ДВР от 16 августа 1921 г. № 119 // Вестник просвещения : журнал Министерства народного просвещения ДВР. 1921. № 3–4. С. 24.

²⁷⁴ Там же.

²⁷⁵ Учебное дело. В ИНО // Дальне-Восточный телеграф. – 1921. – № 14. – 18 августа ; № 31. – 8 сентября. – С. 6.

²⁷⁶ Положение о Государственном Институте Народного Образования // Вестник просвещения: журнал Министерства народного просвещения ДВР. 1921. № 3–4. С. 15.

²⁷⁷ Отчет о создании и деятельности ГИНО в Чите за 1921–1922 академический год. Чита, 1922. С. 44.

Политика приема была подчеркнуто демократичной: в институт принимались лица «без различия пола, национальности, гражданства или подданства»²⁷⁸. Правила отражали стремление охватить максимально широкие слои населения с разным уровнем подготовки. Как уточнялось в «Бюллетене МНП», без вступительных испытаний зачислялись выпускники средних учебных заведений (как дореволюционного, так и нового образца), а также лица, окончившие учительские институты и семинарии²⁷⁹. Однако двери вуза были открыты и для тех, кто не имел формального среднего образования. Все лица, достигшие 18-летнего возраста, которые, хотя и не окончили или совсем не проходили средней школы, могли быть приняты после прохождения вступительных испытаний²⁸⁰.

Эта политика была дословно заложена в статье 72 «Положения»²⁸¹. Она создавала два разных потока абитуриентов: 1) «без испытания» принимались выпускники российских средних школ и второй ступени Единой Школы в Дальне-Восточной Республике; 2) с испытанием принимались все граждане, достигшие 18-тилетнего возраста и не окончившие или вовсе не проходившие курса средней школы. Этот демократический порядок приема и объясняет тот огромный разброс в образовательном уровне, который выявила статистика, и который стал основой для последующего социального отбора.

Качественный анализ вступительных сочинений, проведенный на материалах приемной кампании, наглядно демонстрирует этот разрыв. Абитуриентам предлагались идеологически окрашенные темы, такие как «Крестьянин и рабочий по произведениям русских писателей» или «Поэзия труда», однако уровень работ зачастую оказывался крайне низким: на экзаменационных листах встречаются преподавательские аннотации «Элементарно!!!»²⁸², а многие сочинения по своему содержанию не

²⁷⁸ ГАЗК. Ф. Р-85. Оп. 2. Д. 4. Л. 5.

²⁷⁹ Бюллетень Министерства народного просвещения Дальневосточной Республики. Чита, 1922. № 6. С. 10.

²⁸⁰ К сведению лиц, поступающих в студенты ИНО // Дальне-Восточный телеграф. – 1921. – № 23. – 30 августа. – С. 4.

²⁸¹ Положение о Государственном Институте Народного Образования // Вестник просвещения: журнал Министерства народного просвещения ДВР. 1921. № 3–4. С. 11.

²⁸² ГАЗК. Ф. Р-85. Оп. 2. Д. 4. Л. 5.

соответствовали требованиям даже средней школы, что подтверждает тезис о вынужденном снижении академического ценза на входе.

Значительная неоднородность предварительной подготовки учащихся влияла на результаты дальнейшего обучения. Для части студентов выполнение установленных академических требований оказалось затруднительным. Дополнительным препятствием являлась необходимость вносить плату за обучение и самостоятельно обеспечивать проживание и питание.

Сокращение контингента выступало не просто следствием тяжелых внешних условий, но и объективным процессом отбора, в результате которого сформировалось наиболее целеустремленное и сплоченное ядро студенческого коллектива. Деятельность 436 учащихся, продолживших обучение и обеспечивших организационное становление института, неразрывно связана с судьбой почти тысячи слушателей, вынужденно покинувших вуз в первый же год. Одной из главных причин такого массового отсева стала финансовая нагрузка: обучение являлось платным, а размер взносов (от 1 до 50 рублей золотом в год) устанавливался специальной комиссией исходя из оценки имущественного положения каждого студента²⁸³.

Понимая критичность положения, государство предпринимало точечные меры для поддержки студенчества. Так, Законом Правительства ДВР от 21 сентября 1922 года при Государственном институте народного образования были официально учреждены десять государственных стипендий «имени Правительства и Совета Министров Дальне-Восточной Республики»²⁸⁴. Финансирование этих именных стипендий подлежало ежегодному внесению в государственную смету, что гарантировало материальную защиту части обучающихся.

Прежде чем перейти к характеристике той части студенчества, которая смогла продолжить обучение, необходимо дать историческую оценку столь масштабному сокращению контингента. Тот факт, что институт покинули почти

²⁸³ ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 3. Д. 267. Л. 87–88.

²⁸⁴ Бюллетень Министерства народного просвещения Дальневосточной Республики. Чита, 1922. № 9. С. 1.

60% зачисленных слушателей, представляет собой не частный эпизод, а закономерный социальный процесс, отражающий объективные трудности получения высшего образования в начале 1920-х гг. Официальные формулировки приказов об отчислении – «невнесение платы», «неявка на контрольную регистрацию» и невыполнение «учебного минимума» – являлись лишь делопроизводственным, внешним отражением глубокого социально-экономического кризиса, ставшего непреодолимым препятствием для большинства молодежи.

В условиях, когда государственные структуры могли предложить лишь правовую рамку и минимальные ресурсы, именно студенческая самоорганизация стала той основой, которая обеспечила физическое существование и открытие ГИНО²⁸⁵. Студенты выступили не просителями, а активными строителями своего вуза, проявив беспрецедентный уровень инициативы и коллективной ответственности.

Главным органом студенческого самоуправления являлся Совет студентов, который, согласно отчетам, был создан на основании «Положения о коллективе студентов Института»²⁸⁶. При этом «Положение о ГИНО» 1921 года наделяло студентов реальной, а не номинальной властью. В отличие от имперских уставов, представители студентов входили в состав не только академического Совета Института (в количестве одной четвертой от числа профессоров и преподавателей), но и в состав Правления – главного административно-финансового органа.

Признание значимости студенческого самоуправления подкреплялось прямым государственным финансированием. Согласно Закону Правительства ДВР об утверждении штатов служащих ГИНО от 4 сентября 1922 года, в перечень оплачиваемых из казны должностей учебно-вспомогательного персонала была официально включена единица «секретаря Совета студентов»²⁸⁷.

²⁸⁵ Собрание студентов ИНО // Дальне-Восточный телеграф. – 1921. – № 23. – 30 августа. – С. 4.

²⁸⁶ Труды Государственного Института Народного Образования в г. Чите. Вып. 1. Чита : Типография Забайкальского губкома РКП, 1922. С. 46–47.

²⁸⁷ Закон Правительства ДВР об утверждении штатов служащих ГИНО от 4 сентября 1922 г // Бюллетень Министерства народного просвещения Дальневосточной Республики. Чита, 1922. № 9. С. 10.

Более того, статья 17 прямо указывала, что студенты-представители «пользуются правом решающего голоса во всех делах», за исключением выборов профессуры (ст. 17²⁸⁸, 69²⁸⁹). Вследствие этого, студенты имели законное право влиять и на бюджет, и на учебные планы, что и объясняет их успешное вмешательство в академическую жизнь вуза.

Совет студентов выступал действенным органом самоуправления, обладавшим широкими полномочиями в ключевых сферах жизни института, что находит подтверждение в исследованиях Н.Е. Дроботушенко²⁹⁰. Авторитет данной организации позволял ей выходить далеко за рамки решения сугубо бытовых или хозяйственных вопросов, активно вмешиваясь в само построение учебного процесса. Показательным примером стали события весны 1922 года, когда из-за критического недофинансирования всерьез обсуждалась ликвидация физико-математического отделения, именно твердая позиция Совета и его прямое ходатайство перед администрацией института позволили отстоять факультет²⁹¹.

Однако столь интенсивная вовлеченность в административное управление имела и свои издержки. Постоянная нагрузка и политизация повестки порой приводили к организационным перекосам, внося элементы дестабилизации в саму работу органов самоуправления.

Данный факт подтверждается материалами отчетности за 1921/22 учебный год. Согласно документам, первый временный Комитет Совета студентов, сформированный в сентябре 1921 года, просуществовал всего два месяца и был вынужден «сложить свои полномочия» уже в конце ноября²⁹².

Состав Совета отличался неоднородностью и в миниатюре отражал расстановку политических сил в ДВР. В его рамках функционировали фракции коммунистов (около 150 чел.), социалистов-революционеров, социал-

²⁸⁸ Вестник просвещения : журнал Министерства народного просвещения ДВР. 1921. № 3–4. С. 8.

²⁸⁹ Там же. С. 14.

²⁹⁰ Дроботушенко Н. Е. Институт народного образования Дальневосточной республики // Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет имени Н. Г. Чернышевского. История и современность: 1938–2008. Чита : ЗабГГПУ, 2008. С. 26.

²⁹¹ Отчет о создании и деятельности ГИНО в Чите за 1921–1922 академический год. Чита, 1922. С. 44.

²⁹² Отчет о создании и деятельности ГИНО в Чите за 1921–1922 академический год. Чита, 1922. С. 45.

демократов²⁹³, а также группа беспартийных. Кроме того, в студенческой среде действовали профессиональные (Союз работников просвещения) и земляческие (Волжское, Прибайкальское, Приуральское) объединения²⁹⁴. До своего роспуска этот представительный орган успел проявить высокую степень влияния, наиболее показательным примером которого стало объявление всеобщей студенческой трудовой повинности²⁹⁵.

Однако именно идейная разнородность стала причиной внутренних конфликтов. Противостояние политических групп, развернувшееся вокруг вопроса о формах организации студенчества, привело к сложению полномочий первого Комитета. Вследствие этого с конца ноября 1921 года по 4 февраля 1922 года (на протяжении более двух месяцев) в институте отсутствовал руководящий студенческий орган²⁹⁶. Возникший управленческий кризис удалось преодолеть лишь благодаря вмешательству администрации вуза. Ректор В.И. Огородников совместно с деканами факультетов организовал ряд межфракционных совещаний, итогом которых стало формирование нового согласительного органа – «Коллегии студенческих представителей»²⁹⁷.

На одном из общих собраний, в холодном зале полуразрушенной гимназии, перед лицом сотен студентов, не имевших ни средств, ни гарантий, прозвучала не просьба о помощи, а требование к самим себе. Представитель временного комитета тов. Жиров зачитал резолюцию, ставшую, по сути, социальным договором нового вуза: «Для более успешного выполнения работ по созданию института общее собрание студентов постановило: считать всех студентов ГИНО обязанными нести трудовую повинность. Временный комитет должен выработать положение о повинности, по которому студенты распределяются на текущие работы. Все студенты, уклоняющиеся от работ, будут привлекаться к

²⁹³ Справочный отдел. О фракции студентов ИНО Е.С.Д.Р.П. (Поалей Цион) // Дальне-Восточный телеграф. – 1921. – № 64. – 19 октября. – С. 5.

²⁹⁴ Дроботушенко Н. Е. Институт народного образования Дальневосточной республики // Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет имени Н. Г. Чернышевского. История и современность: 1938–2008. Чита : ЗабГГПУ, 2008. С. 24.

²⁹⁵ В учебных заведениях. Трудовая самоорганизация студентов // Дальне-Восточный телеграф. 1921. № 43. 23 сентября. С. 6.

²⁹⁶ Общественная жизнь. Выборы в ИНО // Дальне-Восточный телеграф. – 1922. – № 156. – 12 февраля. – С. 5.

²⁹⁷ Общественная жизнь. О регламенте Общих собраний студентов ИНО // Дальне-Восточный телеграф. – 1921. – № 7. – 29 октября. – С. 6.

ответственности, как за сознательное уклонение, со всеми последствиями»²⁹⁸. Эта мера не была идеологической прихотью, а прагматичным ответом на требования времени.

Мотивация была предельно ясной и лишенной идеологической окраски. Как писал один из студентов в письме, опубликованном в прессе: «Студенты ИНО сразу увидели, что если они не затратят максимум энергии, то им опять придется заниматься в грязном, холодном, заплеванном здании, как занимались и в учительском институте...»²⁹⁹. Для выполнения работ была создана студенческая дружина в составе 23 чел.³⁰⁰, в которую вошли опытные техники. Силами студентов были выполнены сложнейшие задачи:

– ремонт здания, в которые входило починка центрального отопления, водопровода, электрической проводки и колодца. Примечательно, что за ремонт отопления, за который заводские рабочие запросили 2500 рублей золотом, студенты взяли лишь 500 руб. на материалы, выполнив всю работу бесплатно. Эта работа была не только эффективной, но и имела огромное моральное значение, сплотив студенческий коллектив. Как отмечал автор письма в газету, благодаря этим усилиям «студенты сумели привести здание в довольно приличный вид, что стало предметом их общей гордости»³⁰¹;

– заготовка дров³⁰², одна из основных хозяйственных задач – обеспечение учебного заведения топливом. Эта работа стала широким полем для проявления самостоятельности студенческого коллектива. Летом 1921 года силами студенческой дружины было заготовлено 64 кубических метра дров, что являлось необходимым условием для отопления здания в зимние месяцы. Для обеспечения этих работ денежными средствами студенческий совет выступил с предложением об организации платных гуляний в городском саду имени В.А. Жуковского и на берегу реки Ингоды, что позволило сформировать начальный запас средств. Аналогичные работы также велись на станции Тайдут, расположенной в

²⁹⁸ Дальне-Восточный телеграф. 1921. № 33. 11 сентября. С. 5.

²⁹⁹ В читинском И.Н.О. // Правительственная газета ДВР. 1921. № 309. 28 июня. С. 4–5.

³⁰⁰ Труды Государственного Института Народного Образования в г. Чите. Вып. 1. Чита : Типография Забайкальского губкома РКП, 1922. С. 55–57.

³⁰¹ В читинском И.Н.О. // Правительственная газета ДВР. 1921. № 309. 28 июня. С. 4–5.

³⁰² Учебное дело. Заготовка дров ИНО // Дальне-Восточный телеграф. – 1921. – № 8. – 11 августа. – С. 6.

182 километрах от Читы³⁰³. Направленные туда студенты были в организованном порядке снабжены продовольствием, обувью и необходимым инвентарем³⁰⁴;

– ремонт инвентаря: в здании была организована столярная мастерская, где студенты при помощи нескольких городских мастеров чинили сломанные парты, столы и стулья. Эта деятельность стала примером кооперации не только с рабочими, но и с городской интеллигенцией. В починке инвентаря также принимали участие учителя средних школ Читы, что показывает заинтересованность в создании института городских жителей республики³⁰⁵. Конкретным примером этой работы стала починка водоснабжения. «Водяной бак, вместимостью в 600 вед., очищен от покрывавшей его ржавчины, покрашен, высушен и теперь может служить еще несколько лет»³⁰⁶. Параллельно студенчество же помогало организаторам произвести предварительную проверку всего наличного инвентаря, причем в этой работе приняли участие и некоторые из преподавателей читинских средних учебных заведений, что демонстрирует раннюю интеграцию вуза в городское педагогическое сообщество.

Другой важной формой самоорганизации стал Комитет по социальному обеспечению студентов, созданный еще «во второй половине июля» 1921 года. В его состав входили как преподаватели, например, А.Ф. Кржечковский, так и представители студенчества, в частности В.Н. Кузнецов, Л.В. Шустов и Н.Е. Савинов³⁰⁷. Деятельность комитета была направлена на решение самых насущных бытовых проблем: он занимался организацией общежития, выдачей студентам возвратных ссуд, а также поиском финансирования. За первый год комитет смог собрать 332 рубля золотом за счет пожертвований, доходов от организованных студентами вечеров и публичных лекций профессоров³⁰⁸. Несмотря на трудности, связанные с отсутствием четкого юридического статуса и постоянной сменой состава, комитет играл важную роль в поддержке наиболее нуждающихся студентов.

³⁰³ Там же.

³⁰⁴ Отчет о создании и деятельности ГИНО в Чите за 1921–1922 академический год. Чита, 1922. С. 44.

³⁰⁵ Там же.

³⁰⁶ Вестник просвещения: журнал Министерства народного просвещения ДВР. 1921. № 2. С. 83.

³⁰⁷ Вестник просвещения: журнал Министерства народного просвещения ДВР. 1921. № 2. С. 83.

³⁰⁸ Справочный отдел. Помощь служащих ИНО // Дальне-Восточный телеграф. – 1922. – № 212. – 25 апреля. – С. 5.

География поддержки не ограничивалась столицей: отчет фиксирует поступление помощи из уездного Сретенска, где местная комиссия по устройству «Дня института» собрала и передала студентам товары первой необходимости, включая кирпичный чай, спички и столовую посуду (тарелки, ложки, вилки), что сформировало первоначальный имущественный фонд общежития³⁰⁹.

Более того, студенты изначально составляли и весь административно-технический аппарат вуза. Как отмечается в отчете, в ГИНО «постоянно работал один делопроизводитель-студент». Когда в начале июля 1921 года были созданы канцелярии (ректора, хозяйственная, студенческая), весь их небольшой состав сотрудников (9 чел.) был набран из среды студентов³¹⁰. Это доказывает, что на этапе открытия студенты были не просто помощниками, а непосредственно выполняли все административные функции.

Наряду с решением насущных материальных проблем, перед студенчеством стояла задача адаптации к крайне сложным академическим и финансовым реалиям. Несмотря на то, что «Положение о ГИНО» первоначально гарантировало государственную поддержку, нарастающий экономический кризис вынудил правительство ДВР уже в первый год работы института ввести плату за обучение³¹¹.

Это решение стало не только суровым испытанием для учащихся, но и фактическим отступлением от правовых норм, закреплённых в учредительных документах вуза. В частности, статья 74 «Положения» прямо устанавливала принцип бесплатности высшего образования за счет государства³¹², а статья 75 гарантировала студентам получение социального обеспечения³¹³.

В сложившихся условиях институт был вынужден вводить платность обучения вопреки первоначальному уставу и опираться на ресурсы

³⁰⁹ Отчет о создании и деятельности ГИНО в Чите за 1921–1922 академический год. Чита, 1922. С. 51–53.

³¹⁰ Вестник Просвещения : журнал Министерства Народного Просвещения ДВР 1921. № 2. С. 83.

³¹¹ Собрание узаконений и распоряжений правительства Дальневосточной республики. Чита, 1922. № 2.

³¹² Закон об установлении Положения о Государственном Институте Народного Образования в г. Чите // Вестник просвещения : журнал Министерства народного просвещения ДВР. 1921. № 3–4. С. 15.

³¹³ Там же.

самоорганизации студентов для обеспечения своей жизнедеятельности³¹⁴. Для смягчения финансового удара была разработана гибкая система оплаты. Была создана Комиссия по обложению платой, состоявшая из представителей администрации и студентов.

Дефицит ресурсов в институте достиг такой остроты, что даже сама бюрократическая процедура освобождения от платы была коммерциализирована. Бланки анкет для обследования материального положения не выдавались, а продавались студентам по цене 10 копеек серебром за экземпляр, что создавало парадоксальную ситуацию «платного доказательства бедности»³¹⁵. На основании анкет о материальном положении каждого студента комиссия устанавливала размер платы по дифференцированной шкале³¹⁶. Для семейных студентов и тех, кто имел иждивенцев, ставки были ниже.

Важной категорией льготников были дети военнослужащих. По ходатайству Военного Совета Народно-революционной армии, учитывая тяжелое материальное положение фронтовиков, Министерство народного просвещения предписало учебным заведениям принимать их детей вне очереди и полностью освобождать от платы за обучение. Более того, этой категории предписывалось оказывать субсидии на продовольствие в первую очередь³¹⁷.

Отчет подробно описывает механизм работы этой «Комиссии по обложению платой». Первоначально (в первый год и первый семестр второго) она состояла из представителей администрации и студентов, избранных на общем собрании. После советизации института в ноябре 1922 года ее состав изменился: в нее вошли представитель Правления (им стал А.Л. Бродский), представитель Комъячейки и представитель Исполбюро Коллектива Красного Студенчества³¹⁸.

Платежеспособные студенты делились на 4 разряда: от 10 до 50 рублей золотом в год. При этом освобождались от платы военнослужащие, неимущие госслужащие и неработающие студенты. Холостые служащие платили от 3 руб.

³¹⁴ В учебных заведениях. ИНО. Плата со студентов ИНО // Дальне-Восточный телеграф. – 1922. – № 170. – 2 марта. – С. 3.

³¹⁵ Отчет о создании и деятельности ГИНО в Чите за 1921–1922 академический год. Чита, 1922. С. 48–51.

³¹⁶ ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 3. Д. 267. Л. 101.

³¹⁷ Бюллетень Министерства народного просвещения Дальневосточной Республики. Чита, 1922. № 1. С. 16.

³¹⁸ ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 3. Д. 267. Л. 98.

(при заработке до 15 руб./мес.) до 40 руб. (при заработке до 50 руб./мес.); семейные студенты – от 2 до 20 руб.; холостые, имеющие иждивенцев – от 2 до 35 руб.; для не служащих размер платы зависел от дохода родителей. В отчете отмечается, что новая комиссия, обнаружив существенные упущения в деятельности прежней и несоответствие начислений реальному положению учащихся, фактически проделала работу заново, в результате чего за 1922/23 учебный год плату внесли 683 студента на общую сумму 4685 руб. 75 коп., при этом размеры взносов варьировались от 1 до 120 руб.

Эта система, хотя и не решала проблему полностью, была важной практикой адаптации, позволявшей сохранить в институте хотя бы часть студентов, не имевших средств для полной оплаты. Примечательно, что из 561 студента, внесшего плату в 1921/22 учебном году, некоторые делали это натурой: в кассу института поступили дрова на 50 рублей золотом, мебель на 30 руб. и книги на 13 руб. Тем не менее, как показывают данные об отчислениях, невзнос платы оставался одной из главных причин выбытия из вуза³¹⁹.

Спектр принимаемых в уплату ресурсов был еще шире и включал продукты питания и расходные материалы. В финансовых ведомостях зафиксированы взносы мясом (на сумму 15 руб.) и даже чернилами (на 1 руб.), что свидетельствует о предельной гибкости экономической политики вуза в условиях дефицита наличности³²⁰.

Способы выживания в условиях продовольственного кризиса закреплялись на административном уровне. Ситуация с обеспечением была настолько критической, что, согласно газетной хронике, администрация института рассылала всем принятым иногородним студентам официальные уведомления с требованием «везти с собой различные продукты, как-то: муку, крупу и проч. на весь академический год»³²¹, фактически признавая невозможность централизованного снабжения учащихся в столице. Тот факт, что почти 40%

³¹⁹ Дроботушенко Н. Е. Институт народного образования Дальневосточной республики // Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет имени Н. Г. Чернышевского. История и современность: 1938–2008. Чита : ЗабГГПУ, 2008. С. 11.

³²⁰ Отчет о создании и деятельности ГИНО в Чите за 1921–1922 академический год. Чита, 1922. С. 48–51.

³²¹ В Читинских учебных заведениях. Институт народного образования // Дальне-Восточный телеграф. 1921. № 35. 13 сентября. С. 6.

студентов были иногородними, означает, что для них первым и самым серьезным финансовым барьером была не только плата за обучение (доходившая до 50 золотых рублей в год), но и сама стоимость проезда до Читы. Справочник по железнодорожным тарифам Дальнего Востока 1923 года позволяет впервые количественно оценить этот барьер³²².

Согласно этому документу, тарифы, введенные в мае 1921 года, были вскоре повышены: в частности, платы за проезд пассажиров в вагонах III класса с 1-го декабря 1921 года повышены в два раза. Это означает, что стоимость билета III класса (без учета двукратного повышения) от Верхне-Удинска до станции Чита II (522 версты) составляла 5 руб. 80 коп. С учетом повышения, реальная стоимость проезда в один конец составляла 11 руб. 60 коп. Поездка в Читку и обратно для иногороднего студента могла обойтись почти в 24 руб. – сумма, составлявшая почти половину максимальной годовой платы за обучение. Это превращало саму возможность приехать в Читку в непреодолимое препятствие для многих абитуриентов из крестьянской и рабочей среды и во многом объясняет феномен массового отсева по финансовым причинам.

Однако контингент оказался крайне нестабильным. К концу первого учебного года в институте осталось лишь 436 студентов (41% от первоначального числа) и 85 вольнослушателей (52,5%)³²³. Официальные отчеты фиксируют множество причин столь массового отсева в первый же год. Так, за неявку на контрольную регистрацию в декабре 1921 года было исключено 175 студентов. За невзнос платы за обучение и неподачу анкет в декабре 1921 года было исключено 55 чел.³²⁴ По разным причинам (включая личные заявления) в течение первого семестра выбыл 41 студент. По результатам «чистки», проведенной особой комиссией в мае 1922 года, было уволено еще 130 чел.³²⁵.

³²² Вся Чита и Забайкалье : торгово-промышленный справочник-путеводитель. Чита, 1923. С. 37.

³²³ Малявина Л. С. Читинский институт народного образования (1921–1923 гг.): уточненные страницы истории первого вуза Забайкалья // ДВР и завершающий этап гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Чита, 3 ноября 2020 г.) / отв. ред. Е. В. Дроботушенко и др. Чита : ЗабГУ, 2020. С. 118–122.

³²⁴ Общественная жизнь. Чистка в ИНО // Дальне-Восточный телеграф. – 1921. – № 118. – 25 декабря. – С. 6.

³²⁵ ГАЗК. Ф. Р-85. Оп. 2. Д. 4. Л. 5.

Трудности, с которыми сталкивались студенты ГИНО, были отражением общей нищеты, царившей в Чите. Зарисовки с городской барахолки 1922 года, сделанные Д. Б. Вудом, показывают, что продажа последних личных вещей – от одежды и сапог до семейных реликвий и кроватей – была массовым явлением. Даже госслужащие месяцами не получали зарплату³²⁶. В таких условиях требование вносить плату за обучение, пусть и дифференцированную, становилось для многих непреодолимым препятствием, что подтверждается высоким процентом отсева.

Наконец, еще одной стратегией, совмещавшей академические и экономические интересы, стало участие студентов в доходном трудовом предприятии института. В рамках учебных занятий по ручному труду они изготавливали мебель, инвентарь и другие изделия, которые могли идти как на внутренние нужды вуза, так и на продажу. Это позволяло студентам не только приобретать практические навыки, но и вносить прямой вклад в финансовую устойчивость института, замыкая круг самообеспечения³²⁷.

В академической сфере важным условием продолжения обучения являлось выполнение учебного плана. В условиях, когда отсрочка от воинской повинности была напрямую связана со статусом студента, а невыполнение учебного минимума грозило немедленным отчислением, учеба приобретала жизненно важное значение.

Этот минимум был четко регламентирован Предметными комиссиями и различался для разных курсов и специальностей: математики 1 курса должны были сдать весной зачеты по трем предметам (один математический), остальные – осенью; математики 2 курса должны были сдать все долги за 1 курс и четыре зачета по предметам 2 курса; естественники 1 курса должны были сдать весной все практические зачеты и два теоретических, третий теоретический – осенью; естественники 2 курса должны были сдать теоретические зачеты по 8 предметам и

³²⁶ Вуд Д. Б. Дальневосточная республика (Заметки американского путешественника о Чите 1920-х гг.) // Переводчик. 2001. № 3. С. 72–76.

³²⁷ Бюллетень Министерства народного просвещения Дальневосточной Республики. Чита, 1922. № 1. С. 16.

все практические (включая долги за 1 курс), с правом оставить на осень не более двух теоретических и один практический (по математике)³²⁸.

Студенты были вынуждены демонстрировать высокую успеваемость, чтобы сохранить свое место в институте. Данные из отчетов показывают, что значительная часть студентов успешно справлялась с этой задачей: на естественном подотделе весенний минимум полностью выполнили 74% второкурсников и 45% первокурсников³²⁹.

В академической сфере студенты также обладали значительными правами. Параграф 49 Положения о ГИНО официально закреплял за студентом право «кроме предметов своего факультета, слушать по собственному желанию лекции также по другим факультетам»³³⁰. Анализ таблиц посещаемости, по данным Н.Е. Дроботушенко³³¹, показывает, что студенты активно пользовались этой свободой. Средний процент посещаемости практических занятий составлял около 70%, что расценивалось как высокий показатель, учитывая отсутствие «жесткого контроля».

Срок подачи заявлений на 1922/23 учебный год был определен с 20 июля по 15 сентября³³². Приоритет при зачислении отдавался уроженцам ДВР и лицам с учительским стажем, что подчеркивало региональную и педагогическую миссию института³³³. К началу 1922/23 учебного года (1 октября 1922 года) этот запрос трансформировался в значительный, хотя и сократившийся по сравнению с первым набором, контингент. В институте числилось 1523 чел., включая студентов и вольнослушателей всех факультетов, в том числе рабфака. Из них 628 были мужчинами и 432 женщинами (без учета рабфака, где гендерный состав не указан в сводной таблице)³³⁴.

³²⁸ ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 3. Д. 267. Л. 27.

³²⁹ Правительственная газета ДВР. 1921. № 264. 24 апреля. С. 6.

³³⁰ Собрание узаконений и распоряжений правительства Дальневосточной республики. Чита, 1922. № 2. С. 270.

³³¹ Дроботушенко Н. Е. Из истории создания Читинского института народного образования // Народное образование Забайкалья: история и опыт : сборник материалов научной конференции. Чита : Поиск : ЗабГПУ, 2000. С. 101–105.

³³² Бюллетень Министерства народного просвещения Дальневосточной Республики. Чита, 1922. № 6. С. 10.

³³³ Условия поступления в ИНО // Дальне-Восточный телеграф. 1921. № 4. 6 августа. С. 5.

³³⁴ ГАЗК. Ф. Р-85. Оп. 2. Д. 4. Л. 81.

Распределение по факультетам на этот момент выглядело следующим образом:

- Педагогический факультет (бывший физмат): 696 чел. (из них 281 студент и 44 вольнослушателя приема 1921 года);
- Гуманитарный факультет: 375 чел. (из них 191 студент и вольнослушатель приема 1921 года);
- Агрономический факультет (новый набор): 212 чел.;
- Рабочий факультет (дневное и вечернее отделения): 340 чел.

Статистические данные из отчетов института за 1922/23 учебный год позволяют составить детальный социальный портрет студенчества³³⁵.

Анализ уровня предшествующей подготовки зачисленных демонстрирует значительную неоднородность. Самую многочисленную категорию образовали лица с законченным средним образованием (584 чел., или 38,3%). Заметную часть учащихся (126 чел., 8,3%) представляли бывшие слушатели других высших учебных заведений. Доля выпускников учительских семинарий и институтов составила 6,2% (94 чел.). Вместе с тем, почти треть первокурсников не обладала достаточной образовательной базой: 156 чел. (10,2%) имели за плечами лишь неоконченные средние заведения, 204 (13,4%) завершили только начальные училища, а 74 чел. (4,9%) не окончили даже начального курса либо получили исключительно домашнее образование.

По социальному происхождению преобладали выходцы из крестьян (585 чел., 38,4%). Значительной была доля рабочих (278 чел., 18,2%) и мещан (горожан, мелких служащих) (374 чел., 24,6%). Представители дворянства составляли всего 53 чел. (3,5%).

Наибольшую группу составляли служащие госучреждений и общественных организаций (334 чел.) и находившиеся на иждивении родных (327 чел.). Деятели народного образования было 83 чел. Значительное число (424 чел.) числились как «без определенных занятий, безработные и стипендиаты».

³³⁵ ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 3. Д. 267. Л. 83–84.

Уроженцы Забайкалья составляли самую крупную группу (450 чел., 29,5%), но не абсолютное большинство. Значительная часть студентов (607 чел., 39,8%) прибыла из Западной Сибири, Европейской России и других регионов, что свидетельствует о привлекательности читинского вуза для мигрантов.

Данные отчета за 1922/23 учебный год позволяют дифференцировать социальный портрет по факультетам. Педагогический факультет (232 чел.) являлся наиболее сбалансированным по происхождению (крестьяне – 42%, мещане – 38%) и по образованию (50% окончили средние учебные заведения, но 25% не окончили). Соотношение учащихся по полу было неравномерным – на математическом подотделе резко преобладали мужчины (86-90%), на естественном – паритет или преобладание женщин (43-62%). Агрономический факультет (120 чел.) был явно более крестьянским (57,5% крестьян). Его образовательный ценз был схож с Педфаком – (55% окончили средние учебные заведения, 23% не окончили).

Гуманитарный факультет, где к моменту закрытия училось 140 чел., заметно выделялся на фоне остальных своим социальным составом. Назвать его по-настоящему «пролетарским» было сложно. Выходцы из крестьян составляли здесь всего 16%. Зато представители трудовой интеллигенции и так называемых «нетрудовых элементов» вместе занимали больше половины мест (25% и 26% соответственно). Кроме того, именно на этом факультете был самый высокий уровень подготовки студентов. Три четверти учащихся уже имели за плечами полное среднее образование, а еще 12% и вовсе перевелись в читинский институт из других вузов³³⁶.

Масштаб деятельности вуза как регионального центра притяжения подтверждается географией происхождения учащихся. Анализ общей статистики на начало 1922/23 учебного года (1523 чел.) выявляет примечательную деталь: доля коренных уроженцев Забайкалья не достигала и трети (29,5%), в то время как почти 40% студентов прибыли из Западной Сибири, Европейской России и других территорий. Этот факт позволяет утверждать, что институт фактически

³³⁶ ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 3. Д. 267. Л. 83–84.

перерос рамки сугубо местного образовательного учреждения, аккумулируя миграционные потоки со всей страны.

Основу студенческого коллектива формировали выходцы из крестьянской и мещанской среды, обладавшие полноценным средним образованием. В то же время присутствие значительного числа лиц с низшим или неоконченным средним образованием свидетельствует о реальном воплощении принципа всеобщности и общедоступности высшей школы.

Гендерное распределение внутри вуза также демонстрировало серьезную специфику в зависимости от выбранного направления. Так, на математическом подотделе наблюдалась устойчивая мужская доминанта (от 86% до 90% в зависимости от курса). Напротив, естественный подотдел отражал иную тенденцию: от относительного паритета на втором курсе (57% мужчин против 43% женщин) до явного численного превосходства женщин среди первокурсников (62%)³³⁷.

Тенденция к значительному сокращению контингента учащихся сохранилась и в 1922/23 учебном году. В отчетной документации зафиксирована подробная статистика отчислений, произведенных по постановлениям Правления института. Так, 16 декабря 1922 года «за неявку на контрольную регистрацию» из списков были исключены 373 чел.; 5 февраля 1923 года за неуплату за первый семестр отчислены 195 слушателей; 10 апреля 1923 года за неявку на перерегистрацию – 100 чел.; 1 июня 1923 года за неуплату за второй семестр – 88 чел. Помимо этого, 99 учащихся выбыли по собственному желанию³³⁸. В общей сложности за учебный год институт покинули 996 чел., что составило 57,6% от первоначального числа зачисленных.

Тяжелые материальные и бытовые условия напрямую сказывались на здоровье студенчества. Согласно отчету врача университета за 1922/23 учебный год, было зафиксировано 304 случая заболеваний (включая повторные обращения). Анализ диагнозов показывает преобладание болезней, связанных с

³³⁷ ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 3. Д. 267. Л. 26.

³³⁸ Отчет о создании и деятельности ГИНО в Чите за 1921–1922 академический год. Чита, 1922. С. 44.

недоеданием, переутомлением и плохими жилищными условиями: нервные расстройства – 34 случая; болезни дыхательных органов – 32 случая; желудочно-кишечные заболевания – 32 случая; инфекционные заболевания – 20 случаев; болезни кожи и подкожной клетчатки – 20 случаев; болезни глаз – 14 случаев. Эти данные косвенно свидетельствуют о высокой цене, которую студенты платили за возможность получить образование в условиях кризиса³³⁹.

Исследование состава и положения студенчества ГИНО опирается на два основных комплекса источников. Делопроизводственные документы (прежде всего, официальные годовые отчеты института) дают нам огромный массив статистики. Из них мы видим динамику приема и отчислений, социальное происхождение и начальную подготовку студентов, их успеваемость, а также реальное финансовое положение вуза. Эти материалы очень подробны и позволяют провести глубокий социально-исторический анализ работы института. Но у официальных бумаг есть очевидный минус: за их сухой формой часто теряются внутренние конфликты и то, как сами участники событий воспринимали происходящее.

Этот пробел мы можем частично восполнить с помощью периодической печати. Статьи, заметки и хроники в местных газетах помогают восстановить картину студенческой самоорганизации. Именно из прессы мы во всех деталях узнаем о том, как была устроена «трудовая повинность», как проходили общественные акции и какими вообще были настроения студенческой молодежи.

При этом следует учитывать специфику публицистических источников, которым свойственна определенная тенденциозность. Они могут идеализировать трудовые инициативы учащихся или, напротив, излишне акцентировать внимание на резонансных происшествиях. Комплексное, критическое сопоставление делопроизводственной документации и прессы дает возможность воссоздать объективную и многомерную историческую реальность. Определенной источниковедческой лакуной в рамках данной темы выступает крайняя немногочисленность источников личного происхождения – дневниковых записей,

³³⁹ ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 3. Д. 267. Л. 88.

переписки или воспоминаний студентов, способных пролить свет на их индивидуальные мотивы и повседневные трудности.

В 1921-1923 гг. студенты принимали активное участие в деятельности Читинского ГИНО. Наряду с обучением они участвовали в ремонте помещений, заготовке топлива, оборудовании кабинетов, работе органов студенческого представительства и оказании помощи нуждавшимся учащимся.

Студенческий состав был неоднородным по социальному происхождению, уровню предварительной подготовки, материальному положению и месту рождения. Наиболее многочисленные группы составляли выходцы из крестьянской, мещанской и рабочей среды. Значительная часть учащихся прибыла в Читу из других регионов. Эти сведения показывают, что ГИНО привлекал не только жителей Забайкалья, но и лиц, оказавшихся на территории Дальневосточной Республики в результате миграционных процессов начала 1920-х гг.

Уровень предварительной подготовки и материальные возможности учащихся существенно различались. Это отражалось на выполнении учебных требований, возможности вносить плату и продолжительности обучения. К основным основаниям выбытия относились неявка на регистрацию, невнесение платы, невыполнение учебного минимума и личные заявления.

Групповая фотография преподавательского и студенческого коллектива (Рисунок Б.30) 1922 г. является одним из визуальных источников по истории института. Она фиксирует состав участников академического сообщества и особенности их внешнего облика, однако сама по себе не позволяет определить социальное происхождение изображенных лиц или характер внутренних отношений в коллективе.

Совет студентов, трудовые дружины и комитеты взаимопомощи участвовали в решении хозяйственных и социальных вопросов. Студенческая самоорганизация дополняла деятельность администрации и государственных органов, особенно при ремонте помещений, заготовке топлива и оказании материальной помощи. Вместе с тем основная ответственность за правовое

положение, финансирование и организацию работы института сохранялась за Правительством Дальневосточной Республики, Министерством народного просвещения и руководством ГИНО.

2.3. Рабочий факультет и его роль в изменении социального состава студентов

Если жизнедеятельность основного состава института в предшествующий период, обеспечивалась преимущественно за счет низовой общественной инициативы и самоорганизации, то открытый осенью 1922 года рабочий факультет (рабфак) представлял собой принципиально иную систему, основанную на государственном обеспечении. Его учреждение носило не вынужденный, а программный характер, будучи направленным не столько на преодоление текущих трудностей, сколько на планомерное переустройство социального облика высшей школы.

Открытие рабочего факультета стало одним из наиболее ярких проявлений новой образовательной политики, проводимой советской властью и ее представителями в Дальневосточной Республике (ДВР). Цель рабфака выходила далеко за рамки простой борьбы с кадровым дефицитом, которая была основной причиной создания самого ГИНО годом ранее. Рабфак выступал средством целенаправленного регулирования социального состава, призванного изменить классовый состав студенчества, обеспечив приток в высшую школу представителей пролетариата и беднейшего крестьянства – социальной базы нового режима.

Эти идеологические мотивы не скрывались, а открыто декларировались в официальных документах. Как откровенно признавалось в отчете самого рабфака за 1922/23 учебный год, опыт первого года существования ГИНО (1921-1922) выявил тревожную для властей картину: «несмотря на политические завоевания народных масс, ВУЗы все-таки заполняются выходцами из дореволюционных высших и средних учебных заведений, элементом внеклассовым и в большинстве

случаев реакционным». Трудовые же слои населения, как констатировалось, вследствие отсутствия у них средств, продолжают находиться за бортом высшего образования. Стремление изжить подобное социальное неравенство и открыть рабочим и крестьянам дорогу в высшую школу привело к тому, что инициатива создания рабфака при ГИНО исходила непосредственно от Дальневосточного Бюро ЦК РКП(б) летом 1922 года.

Учреждение рабфака в Чите не было уникальным местным явлением, а полностью соответствовало общероссийской образовательной политике того времени. Оно опиралось на нормативную базу РСФСР, прежде всего на «Положение о высших учебных заведениях РСФСР», утвержденное декретом Совета Народных Комиссаров 2 сентября 1921 года³⁴⁰. Этот документ официально интегрировал рабочие факультеты, возникшие еще в 1919 году, в структуру высших учебных заведений. Он устанавливал особые правила приема в вузы, отдающие безусловный приоритет выпускникам рабфаков, а также лицам, командированным партийными, советскими и профсоюзными органами. Меры были прямо направлены на «пролетаризацию» высшей школы, изменение ее классового состава в соответствии с идеологическими установками правящей партии³⁴¹.

Цель нового факультета в Чите, как указывалось в разработанном Министерством народного просвещения ДВР законопроекте, формулировалась предельно четко: предоставить возможность представителям рабочего класса и крестьянства получить полноценное высшее образование после прохождения специальной подготовительной программы на рабфаке. Юридически это было оформлено 25 сентября 1922 года, когда Правительство ДВР утвердило закон «Об учреждении Рабочего факультета в составе Государственного Института народного образования в г. Чите»³⁴².

³⁴⁰ Положение о высших учебных заведениях РСФСР : Декрет СНК от 2 сентября 1921 г. // Декреты советской власти : в 18 т. / Российская академия наук, Институт всеобщей истории, Федеральное архивное агентство, Российский государственный архив социально-политической истории. М. : Политиздат, 2007. Т. 17 : Сентябрь 1921 г. С. 137–146.

³⁴¹ ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 3. Д. 267. Л. 6–10.

³⁴² Об учреждении Рабочего факультета в составе Государственного Института народного образования в г. Чите // Бюллетень Министерства народного просвещения Дальневосточной Республики. Чита, 1922. № 8. С. 1.

Для практической реализации этой задачи был создан специальный орган – Комитет по организации Рабфака при Министерстве Народного Просвещения ДВР, начавший свою работу 7 августа 1922 года³⁴³. В его состав вошли ключевые фигуры, представлявшие как академическое сообщество, так и партийные и профсоюзные структуры: ректор ГИНО профессор В.И. Огородников, начальник отдела внешкольного образования МНП Г.Н. Широкий, представители Дальневосточного совета профсоюзов (ДВСПС) Гладков и Геласимова, а также начальник Краевой школы РКП(б) Г.В. Шитов. Именно этот комитет, действуя «применительно к положению о Рабфаках в Советской России», проделал основную подготовительную работу: разработал законопроект об учреждении факультета, составил смету на его содержание, подготовил «Положение о Рабочем факультете» и правила приема студентов. Кроме того, комитет принял решение о включении существовавших в Чите вечерних общеобразовательных курсов в состав будущего рабфака³⁴⁴.

После издания Правительством ДВР Закона об учреждении Рабочего факультета и ассигнования первоначальных средств в размере 11 905 руб. на его содержание в 1922 году, организационный Комитет был распущен. Для непосредственного руководства учебным подразделением был назначен Президиум рабфака в составе заведующего Ивана Ивановича Покровского и исполняющего обязанности члена Президиума Михаила Павловича Лохова. Президиум приступил к подбору квалифицированного преподавательского состава, а также совместно с комиссией из представителей заинтересованных ведомств и Министерства народного просвещения ДВР провел работу по распределению ста государственных стипендий. Кроме того, были выработаны и утверждены правила оплаты труда служащих рабочего факультета³⁴⁵.

Торжественное открытие рабочего факультета состоялось 19 ноября 1922 года. Эта дата символична: всего за четыре дня до этого, 15 ноября 1922 года, Дальневосточная Республика прекратила свое существование и вошла в состав

³⁴³ ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 3. Д. 267. Л. 102.

³⁴⁴ Там же.

³⁴⁵ Там же. Л. 103.

РСФСР. Поэтому на церемонии открытия присутствовали уже не представители правительства ДВР, а представители новой советской власти – Дальревкома и его отделов, а также партийных (Дальбюро ЦК РКП), профессиональных, военных и других организаций. Это подчеркивало, что рабфак с момента своего рождения был уже не столько институтом ДВР, сколько полноценным советским образовательным проектом.

Организационно рабфак с самого начала состоял из двух отделений (дневное и вечернее), различавшихся как по контингенту, так и по условиям обучения:

– Дневное отделение – это было ядро факультета. На него было принято 126 студентов (113 мужчин и 13 женщин). Ключевой особенностью было наличие 100 мест, обеспеченных государственными стипендиями. Распределение этих стипендий осуществлялось специальной комиссией по строго определенным квотам, отражавшим приоритеты власти: 50% мест отдавалось профсоюзам (ДВСПС), 40% – уездным и областным управлениям (вероятно, для командирования крестьянской молодежи) и 10% – военному ведомству. Изначально принятые студенты, различавшиеся по уровню подготовки, были разделены на три учебные группы, но уже с января 1923 года, из-за увеличения числа студентов в одной из групп и их слабой подготовки, была выделена четвертая группа. Данные о происхождении студентов дневного отделения показывают широкую географию: 5 чел. из Приморья, 17 из Амурской области, 78 из Забайкалья и Прибайкалья, 8 из Западной Сибири, 11 из Европейской России. За год отсев составил около 16% (осталось 97 мужчин и 9 женщин). Национальный состав был преимущественно русским (115 чел. в начале года), но включал также 7 бурят, 2 тунгусов, 1 еврея и 1 татарина. Подавляющее большинство были холостыми или незамужними³⁴⁶.

– Вечернее отделение (Рисунок Б.31) – оно возникло не на пустом месте, а путем реорганизации существовавших в Чите с 1917 года вечерних общеобразовательных курсов для взрослых, которые с 1 января 1922 года

³⁴⁶ ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 3. Д. 267. Л. 109.

находились в ведении МНП ДВР. Постановлением правительства ДВР от 25 сентября 1922 года эти курсы были переданы в ведение ГИНО как «Читинские общеобразовательные курсы при Рабфаке ИНО»³⁴⁷ (Рисунок Б.32). Осенью 1922 года прием на курсы уже проводился «применительно к правилам приема на Рабфаке», и был принят 231 чел. (149 мужчин, 82 женщины) из 366 подавших заявления. После ходатайства самих слушателей о скорейшем преобразовании, 16 января 1923 года Дальревком издал постановление о включении курсов в состав рабфака как его вечернего отделения с 1 января 1923 года. В результате было зачислено 214 чел. (146 мужчин, 68 женщин) на три курса рабфака. Еще 17 чел. (13 мужчин, 4 женщины) продолжали обучение по программе 7-го класса общеобразовательных курсов с правом поступления в вузы наравне с выпускниками школ II ступени. Преподавательский состав курсов был пересмотрен, 4 чел. заменены преподавателями с более высоким образовательным цензом. Учебные программы были изменены, а учебный план распределен на четыре курса, из которых в 1923 году были открыты первые три. Из-за большого числа студентов первый и второй курсы были разделены на две группы («А» и «Б») по степени подготовленности. Состав групп был следующим: 1А – 47 чел., 1Б – 39 чел., 2А – 43 чел., 2Б – 57 чел., 3 курс – 28 чел. Занятия начались 20 января и закончились 16 июня 1923 года³⁴⁸.

Общая численность рабфака (дневное и вечернее отделения) на 1 октября 1922 года составляла 340 чел.

Фигура Анны Николаевны Бек (Жуковой) является ключевой для понимания особенности читинского рабфака. Сестра известного скульптора И.Н. Жукова и супруга доктора Е.В. Бека, она представляла собой цвет местной «служилой интеллигенции». Врач с европейским образованием, окончившая университет в Нанси, она организовала эти вечерние курсы еще в 1917 году как частную инициативу по просвещению взрослых³⁴⁹. То, что именно она возглавила вечернее отделение советского рабфака, доказывает, что «пролетаризация»

³⁴⁷ ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 3. Д. 267. Л. 118.

³⁴⁸ Там же. Л. 119.

³⁴⁹ Цуприк Р. И. Бек (Жукова) Анна Николаевна // Малая энциклопедия Забайкалья. Наука и образование : в 2 ч. / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск : Наука, 2011. Ч. 1. С. 109.

высшей школы в ДВР опиралась не на пустые лозунги, а на многолетнюю основу демократического просветительства, заложенный местными подвижниками задолго до прихода большевиков.

Разрыв между рабфаком и основными факультетами института был очень заметен и проявлялся в трех вещах: социальном составе студентов, способах их поддержки и самих подходах к обучению. Согласно статистическим сведениям на 1 октября 1922 года, социальная структура обучающихся в Читинском Государственном институте народного образования (впоследствии – университета) сохраняла традиционный облик: лица крестьянского происхождения составляли 38,4%, мещанского – 24,6%, тогда как доля рабочих не превышала 18,2%.

Принципы комплектования рабочего факультета (рабфака), напротив, были подчинены жесткому классовому цензу. Данные по вечернему отделению рабфака на начало 1923 года свидетельствуют о том, что административное регулирование социальной стратификации контингента стало доминирующим принципом. Среди 214 слушателей удельный вес лиц рабоче-крестьянского происхождения составил 80,8% (173 чел.). При этом численность представителей мещанского сословия сократилась до 18,7% (40 чел.), а присутствие лиц дворянского происхождения было сведено к минимуму – в списках значился только один слушатель (0,5%). Значительный разрыв с общеуниверситетскими показателями, в которых совокупная доля рабочих и крестьян не превышала 57%, подтверждает обособленный статус рабфака. Данное подразделение фактически выступало инструментом ускоренной подготовки кадров, ориентированным на решение задач идеологического и профессионального переустройства социальной структуры студенчества³⁵⁰.

Уровень базового образования студентов вечернего отделения был несравнимо ниже. 114 чел. (53,3%) окончили лишь начальную школу, а 40 чел. (18,7%) не окончили даже ее или имели только домашнее образование/самообразование (8 чел., 3,7%). Не окончивших среднюю школу

³⁵⁰ ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 3. Д. 267. Л. 83.

было 52 чел. (24,3%). Для сравнения, в основном университете на ту же дату 38,3% студентов окончили средние учебные заведения, 6,2% – учительские семинарии/институты, а 8,3% перешли из других вузов. Доля лиц с неоконченным средним и низшим образованием там была значительно меньше (около 28% суммарно)³⁵¹.

Этот показатель был, по-видимому, определяющим при отборе. На вечернем отделении 65 чел. (30,4%) были членами РКП(б) или РКСМ, а еще 82 чел. (38,3%) числились как «сочувствующие». Вместе они составляли 68,7% всего контингента. Беспартийных было лишь 67 чел. (31,3%). Это свидетельствует о явном идеологическом фильтре при наборе, в отличие от основного состава, где, как упоминалось в других разделах, существовали фракции эсеров и социал-демократов.

Состав профессий студентов вечернего отделения отражал его целевую аудиторию: 54 чел. занимались «конторским трудом», 41 были чернорабочими или не имели определенной профессии, 16 – слесарями, 13 – занимались сельским хозяйством, 8 – столярами, 5 – токарями, 5 – малярами, 4 – сапожниками, 4 – прислугой, 5 – портными, 3 – печниками, 3 – наборщиками, 3 – рассыльными, 2 – телеграфистами, 6 – монтерами, 4 – медсестрами, 2 – музыкантами, 1 – кузнецом, 1 – штукатуром. Кроме того, 25 чел. были заняты «при домашнем хозяйстве».

Значительная часть студентов была направлена на учебу конкретными организациями: 42 чел. – транспортниками, 22 – союзом совслужащих, 14 – военным училищем, 10 – Губкомом РКП и РКСМ, 8 – союзом печатников, 7 – союзом медсотрудников, 6 – союзом связи, 4 – союзом строителей, 3 – союзом кожевников, 1 – союзом металлистов, 1 – союзом горнорабочих, 4 – ревкомы. Однако 88 чел. (41%) не были командированы.

Большинство студентов вечернего отделения были молодыми людьми: 74 чел. (34,6%) в возрасте 18-20 лет, 60 чел. (28%) – 20-25 лет, 48 чел. (22,4%) – 25-30 лет. Людей старше 30 лет было заметно меньше: 18 чел. (8,4%) в возрасте 30-35 лет и всего 14 чел. (6,5%) старше 35 лет. Эти цифры говорят сами за себя.

³⁵¹ ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 3. Д. 267. Л. 82.

Рабфак создавался как прямое средство, чтобы привлечь в высшую школу именно те социальные слои, которую новая власть считала своей опорой. Речь шла о молодых рабочих, крестьянах и служащих – лояльных режиму людях, которые при этом имели очень слабый уровень начального образования.

Разумеется, вести обучение таких студентов по прежним академическим правилам не представлялось возможным. Поэтому учебный процесс на рабфаке строился совершенно иначе, чем на основных факультетах. Отличной иллюстрацией этой интенсивной подготовки служит отчет факультета за 1922/23 учебный год.

Учебный план 3-го курса (и 7-го класса) уже был полностью выстроен вокруг марксистской доктрины. Программа включала такие предметы, как «Исторический материализм» (где разбирали диалектику, понятия базиса и надстройки, классовую борьбу), «Политическая экономия» (с фокусом на прибавочную стоимость, концентрацию капитала и социальную революцию) и «Хозяйственное строительство Советской России» (изучение процессов национализации и перехода к НЭПу). Даже на занятиях по русскому языку студенты разбирали не только классиков, но и статьи В.И. Ленина «О сильной власти» и «О шантаже».

Вместо классической лекционно-семинарской системы, применявшейся в ГИНО к условиям дефицита путем усиления роли просеминариев и самостоятельной работы, на рабочем факультете провозглашалось использование новых советских методик. В основу занятий была положена «цикловая система», по которой все предметы группировались по направлениям: математический, естественный, общественно-научный (с выделением словесности). Подчеркивалось также применение «лабораторного метода» по всем предметам, «которым рабфак ко 2 семестру вполне стал овладевать», несмотря на «почти на полное отсутствие учебных пособий». Активно работали предметные кружки: по литературе (6 часов в неделю), истории культуры (8 часов), математике (2 часа) и искусствам (4 часа), где работа также велась лабораторным методом³⁵².

³⁵² ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 3. Д. 267. Л. 116.

Детальное описание пройденного материала показывает выраженную идеологическую направленность, особенно в гуманитарных дисциплинах. Наряду с грамматикой (фонетика, морфология, синтаксис) и разбор произведений классиков (А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Н.В. Гоголь, И.С. Тургенев, А.С. Грибоедов, Д.И. Фонвизин, И.А. Крылов, В.Г. Короленко, А.П. Чехов, М. Горький, С.Т. Аксаков), особое внимание уделялось текстам В.И. Ленина. На дневном отделении разбирали статьи «О сильной власти» и «О шантаже». Практиковались письменные работы (изложения, описания, рассуждения, характеристики). Учебный процесс на третьем курсе вечернего отделения строился на сочетании различных форм преподавания. Обзор допетровского периода русской литературы излагался слушателям в лекционном формате. Творчество А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя, общественно-политические течения 1830-1840-х годов (западничество и славянофильство), а также философские системы И. Канта, Г. Гегеля и Ф. Шеллинга подробно разбирались на совместных практических занятиях. Изучение наследия В.Г. Белинского и А.И. Герцена было организовано в виде групповой работы. В то же время история утопического социализма, включавшая анализ трудов Платона, Т. Мора, А. Сен-Симона и Ш. Фурье, выносилась на самостоятельное освоение посредством подготовки рефератов³⁵³.

На дневном отделении 1-я группа проходила первобытную культуру и историю Дальнего Востока; 2-я, 3-я и 4-я группы – первобытную культуру, историю Древнего Востока, Греции и Рима. Использовался лабораторный метод на базе исторического кабинета и библиотеки.

На вечернем отделении 1 курс изучал историю первобытной культуры, 2 курс историю речных цивилизаций и Греции, 3 курс – Рим, феодализм на Западе и в России, торговый капитал, Киевскую Русь и Московское государство XV в., 7 класс историю Нового времени с марксистских позиций (Реформация, абсолютизм, революции, рост буржуазии и рабочего класса, Парижская коммуна, империализм, мировая война).

³⁵³ ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 3. Д. 267. Л. 116.

Курс политэкономии (3 курс и 7 класс вечернего отд.) охватывал ключевые марксистские категории: товар, ценность, прибавочная ценность, капитал (постоянный, переменный), накопление, концентрация, кризисы, монополии, финансовый капитализм, империализм, мировая война, социальная революция. Хозяйственное строительство Советской России (3 курс и 7 класс вечернего отд.): рассматривались состояние промышленности до и после революции, национализация, роль профсоюзов, НЭП, финансовая политика, электрификация. Помимо этого изучались основы марксистской социологии: закономерность общественного развития, диалектический материализм, взаимодействие человека и природы, базис и надстройка, классовая борьба, революция, будущее бесклассовое общество.

Программа по математике охватывала арифметику (дроби, проценты), алгебру (действия, уравнения 1-й и 2-й степени, прогрессии, логарифмы, функции), геометрию (планиметрия, стереометрия) и тригонометрию. Программа по естественным наукам включала географию (физическая, математическая, политическая), физику (механика, теплота, свет, энергия), химию (неорганическая), биологию (общая, ботаника, зоология, анатомия, физиология, гигиена, дарвинизм), космографию. Преподавание искусства включало рисование (с натуры, по памяти), черчение (геометрическое), ручной труд (изготовление изделий из жести и дерева), лепку из глины. На вечернем отделении также было пение.

Как и в основном институте, на рабфаке действовали предметные комиссии, разрабатывавшие учебные вопросы: естественного цикла (председатель профессор А.А. Половинкин, 10 заседаний, 40 вопросов), по математике (председатель В.И. Медяков, 9 заседаний, 47 вопросов), по общественным наукам (председатель И.И. Покровский (Рисунок Б.33), 10 заседаний, 40 вопросов). На вечернем отделении также работали три комиссии (словесно-общественных наук, математическая, естественных наук), включавшие представителей студентов.

На дневном отделении изучались английский и немецкий языки. На вечернем – также английский (по системе Берлица, несмотря на отсутствие учебников) и немецкий.

Во главе стоял Президиум, состоявший из заведующего (И.И. Покровский), секретаря (он же член президиума М.П. Лохов) и представителя от студентов (Бойко-Павлов, затем Гарин, затем Гиро). Президиум активно работал, проводя 9 заседаний (33 вопроса) в 1922 году и 16 заседаний (93 вопроса) в 1923 году, решая организационные, административно-хозяйственные и учебные вопросы. Вечернее отделение имело своего заведующего (А.Н. Бек) и помощника по хозяйственной части (запасной преподаватель А.И. Серебренникова)³⁵⁴.

Содержание образования было насыщено идеологически и практически ориентировано. Учебный план дневного отделения включал математику (6 часов в неделю), русский язык (6), историю культуры (6), географию (2), биологию (2), физику (2), химию (2), графическую грамотность (черчение, рисование – 3), английский (6) и немецкий (7) языки. На вечернем отделении план был еще более подробным и варьировался по курсам. При рабфаке активно работали предметные кружки по литературе, истории культуры, математике и искусствам, где занятия велись лабораторным методом.

Реализация этой идеологически насыщенной программы была бы невозможна без надежного тыла. В вопросе материального обеспечения основные факультеты института и рабфак кардинально различались. Если первые выживали за счет самоорганизации, то рабфак, напротив, находился на прямом государственном обеспечении, как и подобает плановому идеологическому начинанию. Если студенты первых факультетов института были вынуждены сами бороться за свое существование, то студенты рабфака, по крайней мере, дневного отделения, находились на государственном попечении, что позволяло им сосредоточиться на учебе.

³⁵⁴ ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 3. Д. 267. Л. 106–107.

Важно отметить, что рабфак был учрежден только после того, как Правительство ДВР ассигновало 11905 руб. на его содержание в 1922 году³⁵⁵. Отчет о средствах рабфака за 1922 год показывает общую сумму ассигнований в 15197 руб. 55 коп. Из них 7500 руб. предназначалось на выплату стипендий, 750 руб. – на страхование стипендиатов, около 4500 руб. – на содержание служащих (включая преподавателей вечерних курсов). В 1923 году рабфак уже не был отдельным распорядителем кредитов, а получал средства совместно с Читинским государственным университетом (преобразованным в марте 1923 года). Тем не менее, отчет за первую половину 1923 года фиксирует расходы рабфака на сумму 29234 руб. 76 коп., из которых 7650 руб. – стипендии³⁵⁶.

Ключевым элементом поддержки студентов дневного отделения были государственные стипендии, покрывавшие 100 из 126 мест. Кроме государственных стипендиатов (100 чел. в начале года, 95 – в конце), были и те, кого поддерживали другие организации (Гокомхоз – 5/4, Аймачное управление – 3/2, Связи – 2/2) или кто учился за свой счет (своекоштные – 21/3). Государственные стипендиаты подлежали обязательному социальному страхованию, в то время как стипендиаты частных организаций – нет, несмотря на напоминания Президиума.

Государственная забота распространялась не только на кошелёк, но и на жилищные условия. Президиум Рабфака 24 декабря 1922 года заключил договор с Краевой партийной школой РКП «на предмет содержания общежития для студентов». Однако условия там были плохими: отчет характеризует общежитие как «малоприспособленное для предназначенной цели». Это приводило к постепенному снижению его населенности: если в декабре в среднем там проживало 64 чел., то к маю – уже только 14. Тем не менее, сам факт организации общежития администрацией, а не силами самих студентов, подчеркивает патерналистский характер поддержки рабочего факультета со стороны государства³⁵⁷.

³⁵⁵ ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 3. Д. 267. Л. 102.

³⁵⁶ Там же. Л. 116.

³⁵⁷ Там же. Л. 110.

Штат сотрудников рабочего факультета включал секретаря факультета (М.П. Лохов), делопроизводителя (сначала А.А. Масков, затем Д.Г. Бочкарев), машинистку (А.И. Злобина). Вечернее отделение имело делопроизводителя-машинистку (А.И. Жукова-Андрусевич) и двух сторожей³⁵⁸.

Рабфак активно формировал собственную библиотеку. К концу 1922/23 учебного года она насчитывала 867 названий и 1884 книги. Ее основу составили книги по общественным наукам (352 экз.), русскому языку (375 экз.), математике (34 экз.), биологии (17 экз.) и физике (2 экз.). Значительным пополнением стали фонды ликвидированного Гуманитарного факультета: 551 книга из исторического кабинета и 553 книги из литературного кабинета. Была введена практика выдачи книг студентам на лето под залог стипендии. Кабинеты и лаборатории рабфака использовал общеуниверситетские. Из собственного инвентаря, помимо канцелярских принадлежностей, была приобретена пишущая машинка «Ройяль»³⁵⁹.

Несмотря на тяжелые бытовые условия (особенно «малопригодное» общежитие) и низкий стартовый уровень подготовки, студенты рабфака демонстрировали высокую мотивацию и упорство. Средняя посещаемость занятий была достаточно высокой. На дневном отделении она составляла 62%. На вечернем отделении процентная посещаемость за 5 месяцев варьировалась от 80,7% (группа 2Б) до 94,1% (7 класс), в среднем составляя около 86%.

Результаты по итогам года были неплохими. На дневном отделении из 107 студентов, дошедших до конца года, 90 чел. (84%) были признаны успевающими и переведены дальше. Неуспевающими оказались 13 чел., 1 был исключен, 1 выбыл по болезни, 2 были переведены в низшую группу. На вечернем отделении из 231 чел. (включая 7 класс) успешно переведены на следующий курс или получили свидетельство об окончании 135 чел. (58,4%); 56 слушателям (24,2%) были назначены зачеты на осень; 5 чел. (2,2%) оставлены на повторный курс; 35 чел. (15,2%) выбыли по разным причинам. Отмечалось, что

³⁵⁸ ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 3. Д. 267. Л. 123.

³⁵⁹ Там же. Л. 108–110.

малое количество полностью успешных в 3 курсе объяснялось переходом 11 чел. на летние курсы подготовки в вузы. 15 слушателей 7 класса получили свидетельство об окончании.

К концу первого учебного года (1922/23) Совет рабочего факультета 26 марта 1923 года принял решение о разделении факультета со следующего года на три отделения: общественное, биологическое и техническое. Это свидетельствовало о намерении развивать более специализированную подготовку.

К сожалению, институциональное развитие факультета было прервано внешними обстоятельствами. Этим планам не суждено было сбыться в Чите. Решение Дальревкома о слиянии Читинского университета с государственным Дальневосточным университетом во Владивостоке коснулось и Рабочего факультета. Осенью 1923 года вместе с педагогическим и агрономическим факультетами во Владивосток переехало и дневное отделение Рабфака. Из 106 студентов, числившихся на конец года, в путь отправились 83 чел. Судьба вечернего отделения остается не до конца ясной из представленных документов, но вероятнее всего, оно было либо расформировано, либо преобразовано в иное учебное заведение уже местного подчинения.

Рабочий факультет занимал особое место в структуре ГИНО, а затем Читинского университета. В отличие от основных факультетов, его деятельность была направлена на подготовку к обучению в высшей школе представителей рабочих и крестьян, не имевших необходимого предварительного образования. Комплектование рабфака осуществлялось преимущественно по направлениям партийных, профессиональных и советских организаций. Его слушатели пользовались государственной поддержкой, а учебные программы сочетали общеобразовательную подготовку с дисциплинами общественно-политической направленности. Эти особенности отражали проводившуюся государством политику расширения доступа рабочих и крестьян к высшему образованию и изменения социального состава студенчества.

Краткий период деятельности рабочего факультета в Чите позволяет охарактеризовать один из основных способов реализации государственной

образовательной политики начала 1920-х гг. Создание рабфака происходило одновременно с сохранением основных факультетов института, на которых продолжали действовать требования к предварительной образовательной подготовке поступающих.

Таким образом, в структуре Читинского ГИНО сочетались два различных подхода к формированию студенческого контингента: академический отбор на основных факультетах и преимущественно классовый принцип комплектования рабочего факультета. Решение о реорганизации высших учебных заведений Дальневосточного региона затронуло и рабочий факультет. Осенью 1923 г. его дневное отделение вместе с педагогическим и агрономическим факультетами было переведено во Владивосток. Это прервало осуществление намеченных планов по дальнейшему развитию и специализации отделений рабфака в Чите. Прекращение его деятельности в прежней организационной форме было связано не с результатами учебной работы факультета, а с изменением политико-административного положения региона и централизацией управления высшим образованием после ликвидации Дальневосточной Республики.

Глава 3. Ликвидация ГИНО в Чите и ее последствия: общественная реакция и значение института для развития высшего образования Дальневосточного региона в начале 1920-х годов

3.1. Общественное восприятие ГИНО и его участие в культурно-просветительской жизни Читы

Деятельность института как центра образования, науки и просвещения получила заметное отражение в общественной жизни Читы и местной периодической печати. В настоящем параграфе рассматриваются оценки деятельности Читинского ГИНО, представленные в периодической печати и других источниках, а также участие института в научной, общественной и культурно-просветительской жизни Читы.

Выйдя за пределы своих аудиторий, Читинский Государственный институт народного образования (ГИНО) немедленно стал заметным и противоречивым явлением в общественной жизни столицы Дальневосточной Республики. Освещение работы учебного заведения на страницах местной периодической печати сформировало его глубоко противоречивое восприятие. В общественном мнении оценки колебались от признания института важным просветительским центром, создаваемым в тяжелых условиях Гражданской войны, до настороженного отношения к нему как к очагу политического радикализма и внутренних конфликтов. Подобная двойственность взглядов выступала закономерным следствием глубокого идейного размежевания общества ДВР. Для одних ГИНО олицетворял поступательное развитие и науку, для других – представлял собой чуждое учреждение, насаждающее непривычные порядки. Изучение публикаций того времени и процесса включения вуза в городскую среду Читы дает возможность проследить особенности формирования его репутации и определить степень влияния внешних социально-политических условий на жизнь академического коллектива.

Участие ГИНО в общественной и культурно-просветительской жизни Читы отражено как во внутренней документации института, так и в источниках, созданных за его пределами. Исторический очерк, изданный в Чите в 1923 году, фиксирует этот факт как уже свершившееся достижение³⁶⁰.

Период после 1920 года стал для Забайкалья этапом восстановления хозяйственной жизни, что связывалось современниками с провозглашением Дальневосточной республики. Анализируя динамику развития региона, автор изданного в 1923 году очерка подчеркивал неразрывную связь между экономическим подъемом и повышением культурного статуса Читы. Ключевым показателем такого развития современники признавали открытие Института народного образования (ГИНО). В глазах городского сообщества становление этого учебного заведения выступало наиболее убедительным свидетельством духовного и интеллектуального обновления столицы республики, население которой к 1923 году возросло до 80 000 человек³⁶¹.

Дополнительные сведения о культурной жизни Читы содержатся в воспоминаниях Д.Б. Вуда. Он описывал Читу 1922 года как город контрастов, где, несмотря на всеобщую бедность и следы войны, культурная жизнь была ключом: театры, парки и даже цирк были переполнены, а спрос на книги в читальнях превышал предложение³⁶². Показателен отчет о работе Читинской Городской публичной библиотеки за летний сезон, который описывает «наплыв читающей публики, доходившей временами до 100 человек в день»³⁶³. Этот бум был вызван «систематическим получением новейших советских изданий», что позволило проводить «целый ряд выставок новостей литературы». Читальный зал ежедневно предлагал свыше 50 названий журналов и 30 газет. Атмосфера «книжного бума» в городских библиотеках создавала идеальную среду для деятельности научных кружков и публичных лекций преподавателей ГИНО, который не только пользовался этим общим подъемом, но и сам активно его стимулировал.

³⁶⁰ Вся Чита и Забайкалье : торгово-промышленный справочник-путеводитель. Чита, 1923. С. 6.

³⁶¹ Там же. С. 7.

³⁶² Вуд Д. Б. Дальневосточная республика (Заметки американского путешественника о Чите 1920-х гг.) // Переводчик. 2001. № 3. С. 72–76.

³⁶³ Вестник просвещения : журнал Министерства народного просвещения ДВР. Чита, 1922. Кн. 2. С. 143.

Бурная культурная жизнь, проходившая на фоне разрухи, была связана с тем, что Чита, как столица «стала центром, куда приезжали культурные силы со всей России». Как отмечает Е.А. Баранова³⁶⁴, в городе действовали многочисленные творческие объединения, в том числе Читинское литературно-художественное общество (ЧЛХО), возглавляемое с ноября 1920 года скульптором И.Н. Жуковым, который позже подарил институту свою работу «Знание ИНО» на открытии. В 1921 году в Читинг из Владивостока прибыла футуристическая группа «Творчество» (Н. Асеев, С. Третьяков, В. Пальмов), издававшая одноименный журнал. В том же году супругами Л.А. и А.Ф. Крушельницкими была открыта Читинская народная консерватория. Именно в эту насыщенную, модернистскую культурную среду ГИНО и был призван интегрироваться.

С первых дней существования института его руководство, преподаватели и студенты при активной поддержке лояльной прессы целенаправленно формировали положительный образ ГИНО. Этот образ строился на нескольких ключевых сюжетах. Газеты «Дальневосточная Республика» и «Дальне-Восточный телеграф» подробно освещали процесс восстановления заброшенного здания бывшей женской гимназии силами студентов. Публикации рисовали картину самоотверженного труда: студенты, разделившись на группы, ремонтировали отопление, чинили мебель, проводили электричество и заготавливали дрова. Подчеркивалось, что эта трудовая самомотивация была добровольной и вызвана осознанием того, что «если они не затратят максимум энергии, то им опять придется заниматься в грязном, холодном, заплеванном здании»³⁶⁵. Этот образ коллективного трудового подвига, совершаемого во имя науки, эффективно работал на создание представления об институте как жизнеспособной, деятельной и социально ответственной организации.

³⁶⁴ Баранова Е. А. Культура Читы в годы ДВР // ДВР и завершающий этап гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Чита, 3 ноября 2020 г.) / отв. ред. Е. В. Дроботушенко и др. Чита : ЗабГУ, 2020. С. 97–100.

³⁶⁵ В Читинском И.Н.О. // Дальне-Восточная Республика : правительственная газета. – Чита, 1921. – 28 июня (№ 309). – С. 4.

Далее активно демонстрировалось одобрение со стороны государства. Торжественное открытие ГИНО 9 октября 1921 года было представлено в прессе как событие общегосударственного масштаба³⁶⁶. Подробно описывался украшенный флагами ДВР зал, присутствие высших должностных лиц, включая Председателя Правительства ДВР Н.М. Матвеева, и его речь о том, что «из ничего появилось здание науки»³⁶⁷. Публикация поздравительных телеграмм от других учебных заведений и общественных организаций также работала на утверждение высокого авторитета и государственного статуса нового вуза.

ГИНО также позиционировался как центр просвещения и культуры для всего города. Этот образ подкреплялся интенсивной общественной деятельностью профессуры. Они не просто выступали с отдельными лекциями, а фактически возглавляли научную жизнь города. Отчет «Студенческо-учительского кружка друзей музея и любителей естествознания», насчитывавшего 68 членов, показывает, что весь лекторий зимы 1922 года был полностью сформирован профессорами ГИНО. С лекциями выступали: Министр народного просвещения профессор А.А. Половинкин (лекция «Вечная мерзлота почвы в Забайкалье»); профессор П.П. Маслов (лекция «Об экономике Д.В.Р. и методах ее изучения»); профессор В.И. Огородников (лекция «Сибирские инородцы в XVI-XVIII вв.»); ассистент ИНО М.И. Союзов (лекции «Что мы знаем о бурятах» и «О природоохранительной деятельности в России»)³⁶⁸.

Масштаб этой просветительской деятельности, зафиксированный в отчете за 1922/23 учебный год, был весьма значительным. Профессор А.А. Половинкин, помимо отдельных выступлений, прочел курс из 12 лекций в Центральном рабочем клубе для марксистов, цикл из 3 лекций «Об образовании Земли» в культурно-просветительском отделе Народной связи, а также 3 тематических доклада по географии в клубе Российского коммунистического союза молодежи. Преподаватель (будущий ректор) А.Л. Бродский подготовил для Партийного клуба цикл лекций на тему «Химическая реакция как основа физиологических

³⁶⁶ Торжественное открытие ИНО // Дальне-Восточный телеграф. 1921. № 59. 13 октября. С. 5.

³⁶⁷ Там же.

³⁶⁸ Вестник просвещения : журнал Министерства народного просвещения ДВР. Чита, 1922. Кн. 1. С. 141–142.

процессов», а также выступил с общедоступными сообщениями «Химия взрывчатых веществ» и «Сtereoхимическая гипотеза Ван-Гоффа».

Просветительская работа ГИНО находила широкий отклик и пользовалась высоким спросом среди различных слоев городского населения Читы: рабочих, учительства, служащих и учащейся молодежи. Преподаватели института активно делились научными знаниями с горожанами, выходя далеко за пределы вузовских аудиторий. Например, научный сотрудник Г.У. Линдберг (Рисунок Б.34) выступал в Центральном клубе с лекцией «Анабиоз», знакомя широкую публику с передовыми биологическими концепциями того времени.

Большой вклад в популяризацию науки внес и А.П. Новиков (Рисунок Б.35). Темы его публичных докладов – от обзора трудов Д.И. Менделеева до значения электрохимии в военном деле – наглядно показывали слушателям, как большая фундаментальная наука связана с реальными практическими запросами той эпохи³⁶⁹.

Особое место в этой системе взаимодействия вуза и города занимал Михаил Иванович Союзов. Будучи выпускником Московского университета³⁷⁰, он фактически олицетворял собой органичный симбиоз высшей школы и музейного сообщества. М.И. Союзов, занимая должность заведующего географическим отделом местного Краеведческого музея³⁷¹, стал инициатором возобновления астрономических наблюдений в Чите. Под его личным руководством была восстановлена городская обсерватория и создано Забайкальское общество любителей астрономии (ЗОЛА) (Рисунок Б.36). Научная работа М.И. Союзова отличалась прикладной направленностью, о чем свидетельствует разработка им «Карты Читы и ее окрестностей», которую ученый сопровождал подробными описаниями экскурсионных маршрутов.

Данные обстоятельства позволяют сделать вывод о том, что деятельность научно-педагогического состава ГИНО не ограничивалась сугубо академической сферой. Преподаватели выступали активными участниками формирования

³⁶⁹ ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 3. Д. 267. Л. 29.

³⁷⁰ Жеребцов Г. А. Без краеведения мы бессильны // Новое Забайкалье. 1998. № 23–25.

³⁷¹ Константинова, Н. Н. Краеведческий музей в Чите : история (1894–1970-е годы) / Н. Н. Константинова. – Чита : ЗабГУ ; Улан-Удэ : Республиканская типография, 2020. – 208 с.

интеллектуальной и культурной среды столицы Дальневосточной республики. Для сбора финансовых средств и привлечения внимания горожан институтом регулярно проводились просветительские мероприятия, среди которых выделялся «День ГИНО»³⁷², программа которого предполагала организацию концертов и публикацию специального газетного издания.

Институт также демонстрировал свою гражданскую позицию, организуя мероприятия в помощь фронту «ГИНО фронту»³⁷³ и голодающим Советской России. Все это формировало образ ГИНО как открытой, социально-полезной и неотъемлемой составляющей городской жизни.

Однако параллельно с позитивным освещением деятельности института в информационном пространстве Читы формировалась и критическая позиция по отношению к его работе. В глазах части городского сообщества, в частности представителей консервативно настроенной интеллигенции и учительства дореволюционной школы, создание и первые шаги ГИНО вызвали определенное недоверие.

Главным поводом для критических высказываний стали применявшиеся, по мнению оппонентов, административные методы управления институтом. Как сообщала региональная пресса, часть преподавателей средних школ утверждала, что в стенах ИНО утверждаются советские порядки. Основным аргументом в пользу таких суждений выступала студенческая трудовая повинность, которая воспринималась рядом современников не как добровольный акт самоорганизации, а как принудительная мобилизация по советскому образцу. Подобные оценки, несмотря на публичные опровержения со стороны самих студентов, формировали у части консервативной общественности устойчивое представление об идеологической чуждости учебного заведения.

Накал общественной дискуссии доходил до того, что противники института использовали слухи для перенаправления потока абитуриентов. В прессе фиксировались утверждения, будто из-за того, что в ГИНО царствует

³⁷² В учебных заведениях. В ИНО. Об интенсивности работы на факультетах // Дальне-Восточный телеграф. 1921. № 53. 6 октября. С. 6.

³⁷³ ИНО фронту // Дальне-Восточный телеграф. 1922. № 158. 15 февраля. С. 3.

большевизм, поступающие игнорируют его, и «местный политехникум ломится от наплыва абитуриентов», хотя данное учебное заведение имело статус среднего специального, а не высшего. Примечательно, что защитники института вскрывали психологическую подоплеку этих обвинений: под пугающим обывателя «большевизмом» и «страшилищем» подразумевалась не столько партийная идеология, сколько сами новые практики самоорганизации – «свободный, непринужденный, коллективный труд», который противопоставлялся старой системе принуждения³⁷⁴.

Негативный фон усугублялся чередой публичных скандалов, которые активно освещались и комментировались в местной прессе, превращая внутренние дела института в предмет общественной дискуссии. Назначение временным преподавателем кафедры русской литературы П.П. Дрягина вызвало шквал критики. В газете «Дальне-Восточный телеграф» его называли «типичным обломком салонного эстетизма» и обвинили в связях с «бульварной контрреволюционной газетой»³⁷⁵. Редакция газеты прямо потребовала от руководства ГИНО исправить «печальную ошибку». Этот случай показал, что кадровые решения института находились под пристальным вниманием общественности, и любое отклонение от ожидаемых идеологических и профессиональных стандартов немедленно вызывало критику.

Для обоснования позиции о «классовой чуждости» и несоответствии П.П. Дрягина предъявляемым профессиональным требованиям, редакция издания прибегла к публикации фрагмента его поэтического творчества: «Сестра играет на рояли в печальной комнате одна... Ах, я ли, я ли грущу у светлого окна?»³⁷⁶. Подобный прием использовался как свидетельство отсутствия у педагога необходимых мировоззренческих установок, что, по мнению критиков, исключало возможность его работы со студенческой молодежью.

³⁷⁴ В учебных заведениях. В ИНО. Об интенсивности работы на факультетах // Дальне-Восточный телеграф. 1921. № 53. 6 октября. С. 6.

³⁷⁵ От редакции // Дальне-Восточный телеграф. 1921. Прибавление к № 45. 25 сентября. С. 4.

³⁷⁶ Там же.

Общественный резонанс вызвал инцидент, связанный с профессором всеобщей истории Н.И. Никифоровым³⁷⁷. Ученый, получив выделенные государством и институтом финансовые средства, самовольно выехал в Харбин и не возобновил трудовую деятельность. Совет института был вынужден выступить с публичным осуждением данного факта, а также уведомить о случившемся администрацию других высших учебных заведений РСФСР. Подобные действия нанесли значительный ущерб престижу института, наглядно обнажив остроту проблемы соблюдения кадровой дисциплины.

Обращение к дальнейшей биографии Н.И. Никифорова позволяет рассматривать данный инцидент не только как нарушение дисциплинарных обязательств, но и как проявление глубокого мировоззренческого разрыва части дореволюционной профессуры с политическим режимом ДВР³⁷⁸. Его последующая деятельность в эмиграции в Харбине, где он участвовал в работе Юридического факультета и вошел в число организаторов праворадикальных эмигрантских объединений, свидетельствовала о принципиальном неприятии новой власти. Для исследователя читинский эпизод выступает ярким свидетельством сложного, компромиссного характера взаимодействия дореволюционной интеллигенции с государственными институтами ДВР, когда академическое сотрудничество нередко прерывалось политически мотивированным отъездом.

Критика в адрес П.П. Дрягина и Н.И. Никифорова на страницах «Дальневосточного Телеграфа» демонстрировала не столько недовольство конкретными кадрами, сколько глубокий политический раскол. Инциденты с отъездом профессуры использовались радикально настроенной прессой как повод для дискредитации академической автономии института и обвинений его в укрывательстве «классово чуждых» элементов.

Этот инцидент, по-видимому, не был единичным и отражал общую проблему текучести кадров, вызванную материальной нуждой и

³⁷⁷ К исчезновению профессора Никифорова // Дальне-Восточный телеграф. 1921. № 97. 27 ноября. С. 3.

³⁷⁸ Там же.

нестабильностью. В источниках Министерства народного просвещения того периода зафиксированы и другие случаи, когда сотрудники не возвращались из командировок. Например, также поступили преподаватель ГИНО Р.И. Апелль, уехавший в Маньчжурию, директор художественно-промышленного техникума В.И. Пальмов, отправленный в Москву. Подобные события, безусловно, становились достоянием общественности в столице и подрывали репутацию новых учебных заведений, давая пищу для критики.

В 1922/23 учебном году институт понес и другие существенные кадровые потери, связанные с отъездом ведущих преподавателей, что также усиливало представление о кадровой нестабильности и сказывалось на авторитете вуза среди населения города. Так, профессор П.П. Маслов, стоявший у истоков создания гуманитарного факультета и являвшийся его деканом, выбыл 1 января 1923 года в связи с переездом в Москву. Профессор А.В. Гребенщиков, сменивший П.П. Маслова на посту декана, уже 20 февраля 1923 года был откомандирован во Владивосток. Наконец, основатель и первый ректор института профессор В.И. Огородников 1 февраля 1923 года официально сложил свои полномочия в связи с назначением ректором Государственного Дальневосточного университета. Хотя эти перемещения диктовались процессами реорганизации и служебными назначениями, в общественном сознании столь частая смена руководства и отъезд ведущих ученых воспринимались как признак кризисного состояния учебного заведения.

Для преодоления острого дефицита специалистов в учредительных документах института был предусмотрен особый порядок восполнения штатов. Статьи 67-68 Положения о Читинском государственном институте народного образования наделяли факультеты правом приглашать временных преподавателей из числа лиц, «которые, хотя и не имеют вполне достаточной научной подготовки, но по своим познаниям и опыту способны обеспечить преподавание»³⁷⁹.

³⁷⁹ Вестник просвещения : журнал Министерства народного просвещения ДВР. 1921. № 3–4. С. 14.

Данная правовая возможность позволяла вузу на законных основаниях привлекать специалистов прикладного профиля (инженеров, учителей, деятелей искусства) для замещения должностей, оставшихся свободными после отъезда профессуры. Это способствовало формированию неоднородного по своему составу преподавательского корпуса, сочетавшего в себе академические традиции и практический опыт.

Однако если вопрос нехватки преподавательских кадров удавалось сгладить за счет внутренних резервов города, то острейший дефицит материальных средств оставался непреодолимым. В условиях скудного государственного обеспечения руководство института было вынуждено самостоятельно изыскивать любые доступные ресурсы для поддержания работы учреждения. Подобная активность зачастую привлекала пристальное внимание периодической печати и порой выливалась в открытые публичные дискуссии.

Выдвинутые изданием «Дальневосточный путь» обвинения в спекуляции на угрозе воинского призыва оказались настолько серьезными, что потребовали коллективного публичного ответа со стороны руководства ГИНО. На страницах газеты «Дальне-Восточный телеграф» было опубликовано открытое письмо за подписями министра народного просвещения М.П. Малышева, помощника ректора М.К. Азадовского, а также деканов П.П. Маслова и А.А. Половинкина. В документе разъяснялось, что правительство объективно не располагает ресурсами для всестороннего обеспечения института, ввиду чего обращение за поддержкой к населению является суровой необходимостью, а не попыткой давления. Авторы обращения с сожалением характеризовали реакцию некоторых горожан: «При таком отношении к делу, когда вместо хлеба подносится камень и вместо помощи ставится вопрос – не спекуляция ли эти вопли о помощи, работать крайне трудно и почти невозможно»³⁸⁰. Возникший общественный резонанс достиг такого уровня, что В.И. Огородников подал прошение об отставке. Лишь вмешательство профильного министерства, не принявшего увольнение и открыто поддержавшего руководителя вуза, позволило снизить градус напряженности.

³⁸⁰ Вестник просвещения : журнал Министерства народного просвещения ДВР. 1921. № 3–4. С. 3.

Эти инциденты, наряду с сообщениями о внутренних проблемах (например, о введении штрафов для профессоров за пропуск заседаний Совета)³⁸¹, формировали второй, негативный образ ГИНО – как учреждения проблемного, раздираемого внутренними конфликтами и испытывающего серьезные организационные затруднения.

Взаимодействие института с городской средой носило глубокий и всесторонний характер. Вуз быстро превратился в значимый центр культурно-просветительской жизни для местной молодежи и читинской интеллигенции. Доступ в учебные аудитории предоставлялся не только официально зачисленным студентам: лекции активно посещали вольнослушатели, а деятельность научных кружков объединяла учащихся и жителей города. Особое значение приобрело сотрудничество с другими просветительскими учреждениями Читы. Так, студенческое общество «Друзья музея и любители естествознания» установило тесные связи с Забайкальским отделением Русского географического общества и Музеем имени А.К. Кузнецова. Учащиеся оказывали существенную практическую помощь в систематизации фондов, как следует из отчетной документации, в течение зимы 1922 года члены кружка переписывали и разбирали библиотеку Государственного музея, а также работали по разборке и реорганизации коллекций археологического отдела³⁸².

Участие студентов ГИНО в работе музея стало одной из форм практического сотрудничества института с научными учреждениями Читы. Институт не замыкался только на своих внутренних проблемах, а старался активно встроиться в культурную и просветительскую жизнь региона. Сближение прошло довольно естественно, ведь вторая ключевая научная площадка города – Музей им. А.К. Кузнецова тесно связанный в своей деятельности с ЗОРГО, – находилась в аналогичном сложном правовом и стесненном материальном положении.

³⁸¹ Общественная жизнь в ИНО // Дальне-Восточный телеграф. 1921. № 109. 11 декабря. С. 4.

³⁸² Вестник просвещения : журнал Министерства народного просвещения ДВР. Чита, 1922. Кн. 1. С. 141.

На основе анализа справочников того времени³⁸³, видно, что 4 августа 1921 года – практически одновременно с официальным учреждением самого ГИНО – власти ДВР взяли музей под государственное покровительство. В правительственном акте особо отметили научные заслуги А.К. Кузнецова: ему назначили пожизненную пенсию, а самому музею присвоили его имя. Все это показывает, что поддержка музея и создание института были не разрозненными случайными шагами, а частью единого плана по формированию государственной образовательно-научной политики в регионе.

Данное обстоятельство свидетельствует о том, что создание ГИНО и государственная поддержка Забайкальского отдела Русского географического общества и Музея выступали не разрозненными актами, а элементами единой культурно-просветительской политики ДВР, направленной на укрепление ключевых научно-интеллектуальных центров Читы. В свою очередь, институт превратился не только в площадки для трансляции научных знаний, но и в пространство интенсивных социальных коммуникаций, способствовавших консолидации городской интеллектуальной среды столицы.

Отчеты подтверждают эту активную интеграцию³⁸⁴. Историко-литературный кружок, руководимый профессором М.К. Азадовским, ставил своей целью не только «изучение историко-литературных вопросов», но и «разработку методов исследования» и «собираание историко-литературных материалов», что напрямую связывало его с краеведческой работой. Профессор М.К. Азадовский также являлся председателем Дальневосточного Библиологического общества.

Преподаватели активно участвовали в жизни городских научных и культурных организаций. Преподаватель А.В. Харчевников (Рисунок Б.38) был «правителем дел Забайкальского отдела Русского географического общества» и заведовал отделом истории края в Музее им. А.К. Кузнецова (Рисунок Б.39), где готовил к печати документы декабристов. Научный сотрудник И.А. Софронов заведовал зоологическим отделом местного музея и состоял председателем

³⁸³ Вся Чита и Забайкалье : торгово-промышленный справочник-путеводитель. Чита, 1923. С. 39.

³⁸⁴ ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 3. Д. 267. Л. 78.

Общества преподавателей естественников г. Читы. Еще более глубокую интеграцию демонстрирует деятельность археолога В.Я. Толмачева³⁸⁵ (Рисунок Б.40). Преподавая в ГИНО «Историю первобытной культуры», он одновременно заведовал мастерской учебных коллекций, создавая наглядные пособия в условиях их полного отсутствия.

Плотное организационное взаимодействие с музеем и Забайкальским отделом Русского географического общества (РГО) позволяло вузу эффективно задействовать богатейшие фондовые коллекции в образовательном процессе. В условиях нехватки собственной базы городские музейные собрания фактически становились учебными лабораториями института. Подобная практика наглядно иллюстрирует, как острый дефицит внутренних ресурсов вуза успешно нивелировался за счет выстраивания межведомственного взаимодействия с ведущими научными центрами региона.

Значительную роль в этой интеграции играли личные профессиональные контакты сотрудников. Так, научный сотрудник ГИНО М.И. Союзов, занимавший пост товарища председателя правления Забайкальского общества любителей астрономии и входивший в совет Забайкальского отделения РГО, выступал живым связующим звеном между университетской наукой и общественными организациями.

Связь с городом носила не только академический, но и подчеркнуто прикладной характер. Примечательны в этом смысле инициативы профессора В.Ф. Овсянникова, приглашенного в штат в январе 1923 года (Рисунок Б.41). По заказу Читинского горкома он разработал детальный проект озеленения городских улиц и площадей, включавший план организации специализированного древесного питомника. Более того, ученый лично руководил пробно-показательной посадкой желтой акации и тополя на Коротковской улице, демонстрируя возможности современной агрономии в деле благоустройства городской среды.

³⁸⁵ Алкин С. В. Толмачев В. Я. [Электронный ресурс] // Энциклопедия Забайкалья. Режим доступа: <https://ez.chita.ru/encycl/person/?id=6181> (дата обращения: 20.02.2026).

Этот процесс демократизации академической среды находил отражение и во внешнем облике преподавателей, вынужденных адаптироваться к бытовым условиям Читы. Мемуарные свидетельства сохранили портрет преподавателя В.И. Медякова, который, несмотря на блестящие лекции о гармонии и пропорциях в искусстве, одевался подчеркнуто просто: носил под пиджаком рабочую блузу, а брюки заправлял в простые яловые сапоги³⁸⁶, что было немыслимо для дореволюционного университетского этикета, но стало нормой для Читинского института.

Директор Художественно-промышленного техникума Г.Н. Комаров, преподававший в ГИНО рисование, состоял членом комиссии по устройству Всероссийской сельскохозяйственной выставки, а также входил в состав Агитационно-пропагандистского отдела Дальневосточного бюро ЦК РКП(б), что также способствовало активной интеграции института в общественно-политическую жизнь региона.

Более того, интеграция преподавательского и студенческого состава института носила не только культурно-просветительский, но и общественно-политический характер. Данные справочника 1923 года³⁸⁷, содержащие списочный состав первого Читинского городского Совета рабочих и красноармейских депутатов, наглядно иллюстрируют этот процесс. В состав Горсовета вошли ключевые фигуры, непосредственно связанные с ГИНО и его реорганизацией. Заведующий ДальОНО и один из организаторов института М.П. Малышев, а также профессор, первый декан физико-математического факультета ГИНО (позднее – министр просвещения ДВР) А.А. Половинкин. В составе депутатов Горсовета и президиума Райпрофсовета также фиксируется В.Н. Кузнецов³⁸⁸ – представитель студенчества в Комитете по социальному обеспечению ГИНО в 1921 году

³⁸⁶ Высшая школа и научно-педагогические кадры Сибири (1917–1941 гг.) / АН СССР, Сибирское отделение, Институт истории, филологии и философии ; отв. ред. В. Л. Соскин. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1980. С. 51.

³⁸⁷ Вся Чита и Забайкалье : торгово-промышленный справочник-путеводитель. Чита, 1923. С. 31.

³⁸⁸ Там же. С. 30.

В общественной жизни и периодической печати Читы 1921-1923 гг. Читинский ГИНО занимал заметное и вместе с тем неоднозначное положение. С одной стороны, институт воспринимался как важный центр образования, науки и просвещения. Такое представление поддерживалось его практической деятельностью: проведением публичных лекций, организацией научных кружков, сотрудничеством с музеем и Забайкальским отделом Русского географического общества, участием преподавателей и студентов в культурных и общественных мероприятиях.

С другой стороны, на страницах местной периодической печати регулярно обсуждались организационные и материальные трудности института. Предметом критики становились отдельные кадровые назначения, отъезды преподавателей, порядок взимания платы, трудовое участие студентов, хозяйственные проблемы и деятельность руководства ГИНО. Некоторые публикации содержали резкие политические оценки преподавателей и принимаемых институтом решений.

Материалы периодической печати свидетельствуют о том, что деятельность ГИНО находилась в центре внимания городского сообщества. Газеты не только сообщали об учебной, научной и просветительской работе института, но и выступали площадкой для обсуждения возникавших в нем проблем. При этом характер публикаций зависел от политической позиции издания и отношения его редакции к руководству института, профессорско-преподавательскому составу и образовательной политике Дальневосточной Республики.

Положительные и критические публикации формировали неоднозначное общественное восприятие ГИНО. Для одной части современников он являлся свидетельством развития высшего образования и культурной жизни Читы. Для другой части городского сообщества институт ассоциировался с новыми порядками в сфере просвещения, административными конфликтами и материальными затруднениями. Подобное различие оценок отражало политические и общественные противоречия, характерные для Дальневосточной Республики начала 1920-х гг.

Вместе с тем имеющиеся источники не позволяют устанавливать прямую причинную связь между критическими публикациями и решением о прекращении самостоятельной деятельности читинского вуза. Периодическая печать отражала существовавшие проблемы и общественные настроения, однако решение о реорганизации принималось государственными органами в иных политико-административных условиях, сложившихся после вхождения Дальневосточной Республики в состав РСФСР.

Таким образом, общественная критика не являлась непосредственной причиной последующей реорганизации института. Основное значение имели изменение политического положения региона, утрата Читой столичного статуса и курс Дальревкома на централизацию управления высшей школой и концентрацию ее кадровых, финансовых и материальных ресурсов во Владивостоке. Материалы периодической печати позволяют прежде всего реконструировать общественное восприятие ГИНО и установить круг вопросов, вызывавших наибольший интерес и наиболее острые споры среди современников.

3.2. Ликвидация Читинского ГИНО: правовые основания и управленческие решения в условиях смены политического режима

Под ликвидацией Читинского ГИНО в настоящем исследовании понимается прекращение его самостоятельного существования как государственного высшего учебного заведения в Чите. Административной формой ликвидации стала реорганизация, предусматривавшая включение основных подразделений института в состав Государственного Дальневосточного университета и перевод части преподавателей, студентов и материальной базы во Владивосток.

Стремительное развитие Читинского Государственного института народного образования, его превращение в полноценный университетский центр и активная интеграция в жизнь Дальневосточной Республики были прерваны столь же стремительно, как и начались.

Деятельность Читинского Государственного института народного образования была тесно связана с политическим и административным положением Дальневосточной Республики. Прекращение существования ДВР и включение ее территории в состав РСФСР изменили положение Читы и находившихся в ней государственных учреждений. Эти преобразования непосредственно отразились на системе управления высшим образованием и дальнейшей судьбе читинского вуза.

Прекращение самостоятельной деятельности ГИНО нельзя объяснить только его внутренними организационными, кадровыми или материальными трудностями. Несмотря на нехватку средств и преподавателей, институт продолжал учебную и научную работу. В марте 1923 г. он был преобразован в Читинский Государственный университет, что сопровождалось изменением его статуса и организационной структуры.

Реорганизация читинского вуза происходила в общем контексте преобразования институтов народного образования. Как показывает С.А. Кочурина³⁸⁹, к началу 1920-х гг. часть институтов народного образования в РСФСР была преобразована в педагогические факультеты, техникумы или другие учебные заведения. Вместе с тем история Читинского ГИНО имела свои особенности, связанные с его созданием как государственного высшего учебного заведения Дальневосточной Республики и последующим изменением политико-административного положения региона.

Преобразование ГИНО в университет показывает, что в начале 1923 г. прекращение его деятельности еще не рассматривалось как единственный возможный вариант. Последующая реорганизация была связана прежде всего с курсом Дальревкома на централизацию управления высшей школой и концентрацию ее кадровых, финансовых и материальных ресурсов во Владивостоке.

³⁸⁹ Кочурина С. А. История педагогического образования в Сибири и на Дальнем Востоке в условиях реализации государственной политики по введению всеобщего начального обучения в 1917 – начале 1930-х гг. : монография / под науч. ред. М. П. Войтеховской ; Министерство просвещения Российской Федерации, Томский государственный педагогический университет. Томск : Издательство Томского государственного педагогического университета, 2022. 353 с.

Переломным этапом в истории институционального развития ГИНО стало 15 ноября 1922 года, когда Дальневосточная Республика вошла в состав РСФСР (Рисунок Б.42). Вхождение региона в единое общероссийское пространство принципиально изменило положение Читы, утратившей столичный статус, что неизбежно отразилось на институциональном положении всех местных государственных учреждений. Прежняя логика государственного строительства ДВР, предполагавшая формирование в Чите самостоятельного университетского центра, уступила место советской политике централизации, основанной на принципах экономической целесообразности и оптимизации сети высших учебных заведений.

Изменение государственной политики в сфере высшего образования проявлялось не только в реорганизации сети учебных заведений, но и в пересмотре принципов комплектования студенческого состава. В документах ГИНО зафиксировано проведение контрольной регистрации учащихся, в ходе которой учитывались академическая успеваемость, материальное положение и социальная принадлежность студентов.

Создание рабочего факультета и предоставление его слушателям государственной поддержки соответствовали политике расширения доступа рабочих и крестьян к высшему образованию³⁹⁰. Вместе с тем эти изменения не являлись непосредственной причиной прекращения самостоятельной деятельности Читинского университета. Решение о его судьбе принималось в рамках более широкой административной и финансовой реорганизации высшей школы Дальневосточного региона.

После прекращения существования ДВР ее территория была включена в состав РСФСР как Дальневосточная область, управление которой осуществлял Дальревком. Одновременно происходило формирование новых региональных и

³⁹⁰ Андреев Д.А. Пролетаризация высшей школы: «Новый студент» как инструмент образовательной политики // Расписание перемен: очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы) / отв. ред. А. Н. Дмитриев. М. : Новое литературное обозрение, 2012. С. 495-505.

местных органов народного образования, включавшихся в систему Наркомпроса РСФСР³⁹¹.

Как следует из справочника 1923 года³⁹², Дальневосточный Революционный Комитет (Дальревком) возглавил П.А. Кобозев. Примечательно, что его заместителем стал Н.М. Матвеев – бывший Председатель Правительства ДВР, который всего годом ранее, в октябре 1921 года, произносил торжественную речь на открытии ГИНО, называя его «зданием науки».

Это включало создание Забайкальского губернского отдела народного образования (ГубОНО)³⁹³ и его Политико-просветительного управления (Губполитпросвета) в 1923 году, которым было поручено привести местную практику в соответствие со стандартной политикой РСФСР. Центральное место в этом занимала кампания по массовой ликвидации неграмотности, оформленная декретами РСФСР 1919 года³⁹⁴ и особенно возобновленная кампания, начатая в 1923 году с целью достижения грамотности к 10-й годовщине революции. В состав Дальревкома также вошли Н.А. Кубяк, И.П. Уборевич и другие. Эта кадровая преемственность наглядно демонстрирует механизм перехода власти: бывший глава буферного правительства становится вторым лицом в новой советской администрации, которая и принимает окончательное, уже прагматичное, решение о ликвидации «своего» столичного института в рамках политики унификации научно-образовательной сети. Почти сразу после присоединения ДВР к России у новых региональных властей (Дальревкома) возникла идея о слиянии Читинского и Государственного Дальневосточного университета во Владивостоке. Главным мотивом, который последовательно озвучивался в официальных документах, было то, что «иметь два университета в Дальневосточной области нецелесообразно с экономической точки зрения»³⁹⁵.

³⁹¹ ГАЗК. Ф. П-81. Оп. 1. Д. 509. Л. 16-17.

³⁹² Вся Чита и Забайкалье : торгово-промышленный справочник-путеводитель. Чита, 1923. С. 37.

³⁹³ ГАЗК. Ф. Р-1448. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-4.

³⁹⁴ О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР : Декрет СНК от 26 декабря 1919 г. // Декреты советской власти : в 18 т. / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Институт истории АН СССР. М. : Политиздат, 1973. Т. 6 : 1 августа – 9 декабря 1919 г. С. 401–404.

³⁹⁵ ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 1. Д. 1947.

Содержание двух крупных вузов в одном регионе рассматривалось как непосильная нагрузка на бюджет.

Однако простое сопоставление бюджетов ставит тезис о прямой экономии под сомнение. Как было установлено, годовой бюджет ГИНО на 1922/23 учебный год составлял 82854 руб. В то же время, по данным Л. Иольсона³⁹⁶, бюджет уже объединенного ГДУ (после слияния) составлял около 425000 руб. Эти цифры показывают, что ГИНО был чрезвычайно нетребовательным к бюджетным ресурсам вузом. Решение о слиянии, вероятно, было продиктовано не столько желанием сэкономить 82000 руб., сколько политикой концентрации всех региональных финансов едином университетском центре вузе во Владивостоке.

Наряду с экономией, финальный отчет института называет и вторую, не менее важную причину: «новое районирование Сибири и Дальнего Востока, по которому Забайкальская губерния должна соединиться с Иркутской и образовать Ленско-Байкальскую область с центром в Иркутске, где уже имеется Университет»³⁹⁷. В этой новой административной системе Читинский университет, созданный на дальневосточные средства, становился избыточным и «должен был бы слиться с Иркутским». Это доказывает, что судьба вуза была решена не его академической несостоятельностью, а исключительно новой «сеткой» административного деления³⁹⁸.

Рассмотренные в предыдущем параграфе публикации периодической печати свидетельствуют о неоднозначном общественном восприятии ГИНО. Однако прямых документов, указывающих на влияние газетной критики на решение Дальревкома, не выявлено.

Значительную роль в подготовке преобразований высшей школы региона играл В.И. Огородников³⁹⁹. После прекращения существования ДВР 4 декабря

³⁹⁶ Иольсон Л. Государственный Дальневосточный университет в его прошлом и настоящем // По Советскому Союзу. 1925. С. 56–59.

³⁹⁷ ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 3. Д. 267. Л. 107.

³⁹⁸ Там же.

³⁹⁹ Малявина Л. С. Владимир Иванович Огородников (1886–1938 гг.) – жизнь и судьба первого советского ректора Государственного дальневосточного университета [Электронный ресурс] // Манускрипт. 2021. Т. 14. № 9. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vladimir-ivanovich-ogorodnikov-1886-1938-gg-zhizn-i-sudba-pervogo-sovetskogo-rektora-gosudarstvennogo-dalnevostochnogo-universiteta> (дата обращения: 13.11.2025).

1922 г. он был назначен уполномоченным Дальревкома по делам высшей школы, сохранив на первоначальном этапе должность ректора ГИНО⁴⁰⁰.

В рамках предоставленных ему полномочий В.И. Огородников выехал во Владивосток для ознакомления с положением местных высших учебных заведений. 15 января 1923 г. на заседании распорядительного бюро Дальревкома он представил предложения об объединении высших учебных заведений региона в составе Государственного Дальневосточного университета. На том же заседании рассматривался вопрос о его назначении ректором ГДУ⁴⁰¹.

Таким образом, документы подтверждают участие В.И. Огородникова в подготовке проекта и последующей реорганизации высшей школы региона. Вместе с тем это решение принималось Дальревкомом, а имеющиеся источники не позволяют считать В.И. Огородникова единоличным инициатором прекращения самостоятельной деятельности Читинского университета.

После завершения Гражданской войны Государственный Дальневосточный университет испытывал кадровые трудности, связанные с отъездом части профессорско-преподавательского состава из Владивостока. В то же время в Читинском ГИНО продолжала работать группа квалифицированных преподавателей. В этом отношении перевод части сотрудников из Читы позволял пополнить кадровый состав ГДУ.

Вместе с тем имеющиеся источники не позволяют утверждать, что получение преподавательских кадров являлось единственной или скрытой целью объединения университетов. В официальной документации решение обосновывалось прежде всего финансовыми и административными соображениями, а также необходимостью пересмотра сети высших учебных заведений региона.

Последовательность событий – назначение В.И. Огородникова⁴⁰² уполномоченным Дальревкома, его поездка во Владивосток, участие в подготовке

⁴⁰⁰ ГАХК. Ф. 58. Оп. 1. Д. 7. Л. 22.

⁴⁰¹ Там же. Л. 158.

⁴⁰² Хисамутдинова Н. В. Федеральный университет на Дальнем Востоке: прошлое и будущее [Электронный ресурс] // Высшее образование в России. 2009. № 5. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/federalnyy-universitet-na-dalnem-vostoke-proshloe-i-budushee> (дата обращения: 20.10.2025).

проекта объединения и последующее назначение ректором ГДУ – подтверждает его активное участие в реорганизации. Однако отсутствие прямых свидетельств о личных мотивах не позволяет интерпретировать его действия как стремление обеспечить собственное положение за счет прекращения деятельности Читинского университета.

Финальный отчет о деятельности ГИНО уточняет хронологию этого перехода. Профессор В.И. Огородников исполнял обязанности ректора Читинского университета до 1 февраля 1923 года, после чего выбыл «вследствие его назначения профессором и ректором Государственного Дальневосточного университета»⁴⁰³. Его преемником, по постановлению Дальревкома от 21 февраля 1923 года, стал преподаватель химии А.Л. Бродский, утвержденный затем Главпрофобром.

Следует указать, что позиция региональных властей о закрытии института изначально встретила сопротивление со стороны центра. В переписке между Главпрофобром и Дальревкомом московское ведомство выражало категорическое несогласие, заявляя: «Считать недопустимым ни по существу, ни по форме слияние Читинского и Владивостокского университетов»⁴⁰⁴. Это свидетельствует о том, что в центре, вероятно, выше ценили научный и образовательный потенциал читинского вуза и не видели острой необходимости в его ликвидации.

Аргументы Дальревкома, подкрепленные общей тенденцией к сокращению числа вузов в стране в 1922-1923 гг., оказались сильнее. Вопрос об окончательной сети вузов на Дальнем Востоке рассматривался на заседаниях Главпрофобра Наркомпроса РСФСР 26-29 июня 1923 года с участием ректоров В.И. Огородникова (ГДУ) и А.Л. Бродского (ЧитГУ). Итогом стало решение Наркомпроса РСФСР о сохранении обоих университетов и включении их в сеть вузов РСФСР при условии финансирования за счет местного бюджета⁴⁰⁵.

⁴⁰³ ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 3. Д. 267. Л.10.

⁴⁰⁴ Там же.

⁴⁰⁵ Малявина Л. С. Читинский институт народного образования (1921–1923 гг.): уточненные страницы истории первого вуза Забайкалья // ДВР и завершающий этап гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Чита, 3 ноября 2020 г.) / отв. ред. Е. В. Дроботушенко и др. Чита : ЗабГУ, 2020. С. 118–122.

Сложная финансовая ситуация в регионе развивалась в контексте общесоюзной государственной политики по оптимизации сети высшего образования, предполагавшей так называемую рационализацию вузовской системы, в результате которой общее число вузов в стране было сокращено с 278 до 244. Позиция региональных властей соответствовала проводившемуся в стране курсу на сокращение и рационализацию сети высших учебных заведений, хотя центральные органы Наркомпроса первоначально допускали сохранение обоих университетов.

Окончательную черту под дискуссиями подвел Областной съезд председателей исполкомов в августе 1923 года, постановивший: «в целях сокращения непосильных для области расходов по содержанию двух высших учебных заведений слить их в одну высшую школу с местопребыванием в г. Владивостоке»⁴⁰⁶. Это политическое решение было утверждено постановлением Дальревкома 7 сентября 1923 года⁴⁰⁷. Таким образом, окончательное решение было принято региональными органами власти и основывалось на их представлении о финансовых возможностях Дальневосточной области и целесообразной структуре высшего образования. Позиция Дальревкома оказалась определяющей, несмотря на первоначальные возражения Главпрофобра.

Насколько это решение было неожиданным для самого университета, свидетельствует финальная часть отчета, охватывающая лето 1923 года. В ней говорится, что «никто не допускал мысли о переводе Университета в г. Владивосток»⁴⁰⁸. Напротив, все лето было посвящено организационным работам по подготовке к академическим занятиям 1923/24 учебного года. Новый ректор А.Л. Бродский, будучи в командировке в Москве на Всероссийском ректорском съезде, потратил много усилий на приглашение в Университет научных сил центра, добившись согласия 5 профессоров, 4 преподавателей и 2 научных сотрудников. Одновременно им было закуплено значительное количество пособий для пополнения кабинетов. Все это, как отмечается в отчете,

⁴⁰⁶ ГАПК. Ф. 117. Оп. 4. Д. 4. Л. 45.

⁴⁰⁷ ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 1. Д. 1947.

⁴⁰⁸ Там же. Л. 100–101.

«заставляло надеяться, что 1923/24 академический год будет проведен в значительно лучших условиях»⁴⁰⁹. Поэтому принятое в августе 1923 г. решение о переводе подразделений во Владивосток оказалось для руководства и коллектива университета неожиданным.

Одновременно происходило сокращение деятельности гуманитарного факультета. Как следует из отчета, к началу 1923 г. факультет потерял часть профессорско-преподавательского состава, что существенно затруднило продолжение учебной работы. С марта занятия на факультете практически прекратились, студентам в ускоренном порядке засчитывали предметы и выдавали удостоверения для перевода в другие вузы РСФСР.

Весной 1923 г. деятельность гуманитарного факультета была прекращена, что было связано в том числе с отъездом части преподавателей.⁴¹⁰, что было связано, в том числе, с отъездом части преподавателей еще в 1922 году. Распоряжением Наркомпроса РСФСР от 27 марта 1923 года физико-математический факультет был переименован в педагогический. В марте 1923 года сам институт был преобразован Наркомпросом в Читинский государственный университет (ЧитГУ) в составе педагогического, агрономического и рабочего факультетов. По архивным данным, вопрос о преобразовании ГИНО в университет был учрежден правительством ДВР еще в августе 1922 года⁴¹¹, однако реализация этого решения затянулась. В отчете за 1922-1923 гг. это объяснялось наличием агрономического факультета, не вписывавшегося в чисто педагогический профиль ИНО. В связи с назначением В.И. Огородникова ректором ГДУ во Владивостоке, новым ректором ЧитГУ с 21 февраля 1923 года стал его заместитель, химик А.Л. Бродский⁴¹².

⁴⁰⁹ ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 3. Д. 267. Л. 107.

⁴¹⁰ Малявина Л. С. Читинский институт народного образования (1921–1923 гг.): уточненные страницы истории первого вуза Забайкалья // ДВР и завершающий этап гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Чита, 3 ноября 2020 г.) / отв. ред. Е. В. Дроботушенко и др. Чита : ЗабГУ, 2020. С. 118.

⁴¹¹ ГАЗК. Ф. Р-85. Оп. 2. Д. 5. Л. 61.

⁴¹² ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 3. Д. 267. Л. 1.

Внешние источники⁴¹³ того периода полностью подтверждают этот переход власти. Опубликованный в Чите в 1923 году справочник «Народное образование и просвещение» уже официально фиксирует в качестве нового руководителя института Бродского Александра Леонидовича.

Завершающим этапом реорганизации вуза стали решения конца лета 1923 года. На основании решения съезда от 7 сентября 1923 года Дальревком издал постановление о слиянии университетов. Этот документ детально регламентировал процесс передислокации материально-технических и финансовых средств. Кредиты, открытые для Читинского университета, перечислялись в распоряжение Государственного Дальневосточного университета (ГДУ) во Владивостоке.

Из профессорско-преподавательского состава переводу подлежала строго ограниченная квота: 7 профессоров, 10 преподавателей, 7 научных сотрудников и 2 преподавателя рабфака. Студентам предоставлялся бесплатный проезд, но без какого-либо дополнительного обеспечения⁴¹⁴. Все расходы по переводу должны были покрываться за счет уже выделенных Читинскому университету средств, без отпуска дополнительных кредитов⁴¹⁵.

Условия постановления показывают, что самостоятельные органы управления Читинского университета прекращали деятельность, его факультеты включались в структуру Государственного Дальневосточного университета, а выделенные ЧитГУ финансовые средства передавались во Владивосток. Поэтому объединение сопровождалось прекращением самостоятельного существования читинского вуза. Согласно постановлению, во Владивосток переводились агрономический и педагогический факультеты, дневное отделение рабфака, преподавательский состав и имущество, а также все выделенные ЧитГУ кредиты. Для 180 студентов предоставлялось право бесплатного переезда.

⁴¹³ Вся Чита и Забайкалье : торгово-промышленный справочник-путеводитель. Чита, 1923. С. 37.

⁴¹⁴ Малявина Л. С. Читинский институт народного образования (1921–1923 гг.): уточненные страницы истории первого вуза Забайкалья // ДВР и завершающий этап гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Чита, 3 ноября 2020 г.) / отв. ред. Е. В. Дроботушенко и др. Чита : ЗабГУ, 2020. С. 118–122.

⁴¹⁵ История Дальневосточного Государственного университета в документах и материалах. 1899–1939 гг. / сост. Н. А. Троицкая, А. А. Торопов. Владивосток : Издательство Дальневосточного университета, 1999. С. 316.

Переезд, начавшийся 8 сентября 1923 года, стал тяжелым испытанием. Как вспоминала студентка первого набора агрономического факультета Е.Г. Лебедева, для перевозки людей был предоставлен специальный поезд, состоявший в основном из «теплушек» (утепленных товарных вагонов) с нарами в два яруса⁴¹⁶. Путь до Владивостока занял около 20 дней. 20 сентября 1923 года остатки профессорско-преподавательского состава, студенты и имущество Читинского университета прибыли во Владивосток, где влились в состав ГДУ, прекратив свое отдельное существование.

Статья Л. Иольсона⁴¹⁷ об истории ГДУ, полностью подтверждает эту хронологию, указывая ту же дату прибытия. Автор статьи дает этому событию характерную историографическую оценку: по его мнению, именно с момента вливания Читинского университета «закончился период ломки и преобразований, вызванный условиями Гражданской войны, и начался период спокойного развития и плановой учебной и ученой работы»⁴¹⁸. Эта фраза ярко подчеркивает, что ГДУ получил не просто пополнение, а кадровый и материальный ресурс, позволивший ему стабилизировать свою работу.

Данные о тарифах 1923 года также проливают свет на условия перевода. Справочник четко разделяет пассажирские вагоны на четыре класса: от I (самого дорогого) до IV класса, плата за который была в два раза ниже III класса. Упоминание в воспоминаниях Е.Г. Лебедевой о том, что 180 студентов перевозили в «теплушках» (утепленных товарных вагонах), свидетельствует о том, что их везли даже не в самом дешевом IV классе, а в непригодных для пассажиров вагонах. Использование товарных вагонов, приспособленных для перевозки людей, свидетельствует об ограниченности средств, выделенных на переезд. Бесплатный проезд обеспечивал возможность перевода студентов,

⁴¹⁶ Лебедева Е. Г. Моя жизнь. Воспоминания (1910–1986 гг.). Владивосток, 1994. С. 49–50.

⁴¹⁷ Иольсон Л. Государственный Дальневосточный университет в его прошлом и настоящем // По Советскому Союзу. 1925. С. 56–59.

⁴¹⁸ Иольсон Л. Государственный Дальневосточный университет в его прошлом и настоящем // По Советскому Союзу. 1925. С. 56–59.

однако условия поездки существенно отличались от обычной пассажирской перевозки⁴¹⁹.

Последний отчет Читинского университета завершается лаконичной и окончательной фразой: «По приезде во Владивосток Читинский Университет влился в Дальневосточный Государственный Университет и таким образом покончил свое отдельное существование»⁴²⁰. Хотя юридически объединение датировалось 1 сентября, фактическое слияние произошло только после прибытия эшелонов в конце сентября 1923 года.

Перевод института обернулся колоссальными потерями, которые наглядно демонстрируют, что на практике произошла не столько реорганизация, сколько частичная ликвидация одного из сильнейших научно-образовательных центров Сибири и Дальнего Востока. Материальные потери были огромны. Отчет нового ректора А.Л. Бродского⁴²¹, составленный для Наркомпроса, прямо фиксирует, что выделенных средств было недостаточно. В результате во Владивосток удалось перевезти в полном объеме лишь лаборатории химического профиля и кабинеты по ботанике, зоологии, минералогии и географии. Кабинеты физики, геодезии, сельского хозяйства и значительная часть фундаментальной библиотеки были перевезены лишь частично. Особенно пострадал кабинет геодезии, так как большая часть его оборудования была взята во временное пользование у местных госучреждений и была возвращена им перед отъездом⁴²². Полностью в Чите остались учебно-показательная сельскохозяйственная ферма с «живым и мертвым инвентарем»⁴²³ и уникальный древесно-плодовый питомник.

Сведения о составе преподавателей, продолжавших работать в Чите весной 1923 г., содержатся в «Торгово-промышленном календаре» за 1923 г. В списке профессоров и постоянных преподавателей продолжают числиться: А.А. Половинкин (кафедра земледения), П.И. Попов (кафедра неорганической

⁴¹⁹ Вся Чита и Забайкалье : торгово-промышленный справочник-путеводитель. Чита, 1923. С. 21.

⁴²⁰ ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 3. Д. 267. Л. 101.

⁴²¹ Там же.

⁴²² Малявина Л. С. Читинский институт народного образования (1921–1923 гг.): уточненные страницы истории первого вуза Забайкалья // ДВР и завершающий этап гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Чита, 3 ноября 2020 г.) / отв. ред. Е. В. Дроботушенко и др. Чита : ЗабГУ, 2020. С. 118–122.

⁴²³ ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 3. Д. 267. Л. 101.

химии), В.А. Захваткин (кафедра зоологии), Ф.Ф. Куклярский (кафедра философии), В.А. Малаховский (кафедра языковедения), В.И. Медяков (кафедра чистой математики), А.Д. Позняк (кафедра ботаники) и Д.И. Фефелов (кафедра физики). Этот перечень свидетельствует о том, что после отъезда ряда ведущих сотрудников в Чите продолжала работать группа квалифицированных преподавателей. Вместе с тем наличие фамилий в справочном издании само по себе не позволяет сделать вывод о полном кадровом обеспечении всех кафедр и факультетов университета.

Кадровые потери оказались не менее значительными. Необходимость экономии вынудила руководство сократить часть преподавателей еще до отъезда из Читы, выдав им лишь двухнедельное выходное пособие. В итоге во Владивосток прибыло всего 29 представителей преподавательского состава, включая 7 профессоров. Это составляло часть профессорско-преподавательского коллектива, работавшего в Чите в предшествующий период. Некоторые сотрудники покинули институт еще до принятия решения о переводе, другие продолжили работу в Государственном Дальневосточном университете или в иных научных и образовательных учреждениях⁴²⁴.

Наконец, самыми трагичными были социальные потери. Несмотря на предоставленный бесплатный проезд, студенчество в силу материальной необеспеченности частично было вынуждено оставить вуз и не поехало во Владивосток. Точных цифр по количеству уехавших и оставшихся студентов нет, но отчеты фиксируют, что к началу нового учебного года во Владивостоке на педагогическом факультете числилось всего 93 чел., на агрономическом – 191, с рабфака прибыло 83 чел. Цифры значительно меньше того количества студентов, которое обучалось в Чите.

⁴²⁴ Малявина Л. С. Читинский институт народного образования (1921–1923 гг.): уточненные страницы истории первого вуза Забайкалья // ДВР и завершающий этап гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Чита, 3 ноября 2020 г.) / отв. ред. Е. В. Дроботушенко и др. Чита : ЗабГУ, 2020. С. 118–122.

Статистические данные ГДУ, опубликованные Л. Иольсоном⁴²⁵, позволяют определить итоговую численность названных структур после завершения реорганизации: на педагогическом факультете обучалось 259 студентов, на агрономическом – 315. Сравнивая эти цифры с данными ранее рассмотренной отчетной документации, видно, что «читинцы» составили ядро новых факультетов: более 60% обновленного агрофака и более трети педфака. Это еще раз доказывает, что для ГДУ это было не просто слияние, а жизненно необходимое кадровое и студенческое пополнение. Эти цифры резко контрастируют с 1523 студентами, числившимися в Читинском университете годом ранее⁴²⁶. Для части учащихся перевод университета означал необходимость переезда во Владивосток, изменения условий обучения или прекращения образования.

Официальные отчеты позволяют количественно оценить масштаб сокращения студенческого контингента. На 1 октября 1922 года, в начале последнего учебного года, в Читинском университете числилось 1523 чел. (включая студентов и вольнослушателей всех факультетов, в том числе рабфака). Вместе с тем, согласно нормативным постановлениям, для продолжения обучения в Государственном Дальневосточном университете во Владивостоке было выделено лишь 180 мест на государственном (бесплатном) обеспечении. Даже с учетом естественного отсева в течение учебного года приведенные данные указывают на то, что преобладающая часть студенческого состава оказалась лишена возможности продолжить обучение или отказалась от переезда.

Процесс ликвидации Читинского ГИНО летом 1923 года привел к вынужденному перераспределению значительного интеллектуального потенциала, собранного в Забайкалье в годы Дальневосточной Республики. Дальнейшие траектории перемещения научно-педагогических кадров наглядно фиксируются в авторских списках «Сибирской советской энциклопедии» (1929-

⁴²⁵ Иольсон Л. Государственный Дальневосточный университет в его прошлом и настоящем // По Советскому Союзу. 1925. С. 56–59.

⁴²⁶ ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 3. Д. 267. Л. 101.

1931 гг.)⁴²⁷. На страницах этого издания бывшие читинские преподаватели фиксируются в привязке к их новым научно-образовательным и административным центрам. М.К. Азадовский представляет Иркутск, А.А. Половинкин и В.П. Гирченко – Владивосток, А.В. Харчевников – Омск, а А.М. Диковский – Новосибирск.

Приведенные сведения позволяют сделать вывод о существенных последствиях упразднения учебного заведения для региона: процесс становления местной научно-педагогической школы был прерван. Научно-педагогические кадры, привлеченные и квалифицированные в стенах ГИНО, вынужденно распределились по иным академическим центрам Восточной Сибири и Дальнего Востока, где впоследствии реализовывали свои исследовательские начинания уже вне Забайкалья.

Анализ персональных биографий сотрудников института демонстрирует вариативность их адаптации к советской системе. Наиболее показательной и трагичной является судьба первого ректора института Владимира Ивановича Огородникова, который, став инициатором и организатором объединения высших учебных заведений и возглавивший объединенный ГДУ (1923-1928), казалось бы, успешно встроился в советскую систему. Он продолжил активную научную работу в секции истории и археологии краеведческого НИИ, разрабатывая проблемы освоения Сибири. Но этот компромисс оказался временным. В 1928 году под давлением партийных органов он был вынужден покинуть пост ректора, а в 1933 году был арестован по сфабрикованному делу о «Камчатской автономии». Его путь завершился приговором к 10 годам исправительно-трудовых лагерей и смертью в Севжелдорлаге в 1938 году⁴²⁸.

Драматично оборвалась жизнь натуралиста М.И. Союзова. Бывший поручик царской и Белой армий, он пытался легализоваться через активную краеведческую и педагогическую работу. Однако «белое» прошлое стало

⁴²⁷ Сибирская советская энциклопедия : в 4 т. / под общ. ред. М. К. Азадовского и др. М. ; Новосибирск : Западно-Сибирское отделение ОГИЗ, 1929. Т. 1 : А–Ж. С. 2 ; 1931. Т. 2 : З–К. С. 2.

⁴²⁸ Дроботушенко Н. Е. Огородников Владимир Иванович // Малая энциклопедия Забайкалья. Наука и образование : в 2 ч. / гл. ред. Р. Ф. Гениагулин. Новосибирск : Наука, 2011. Ч. 2. С. 66.

несмываемым клеймом: в 1927 году он был лишен избирательных прав, в 1930 году арестован по делу «краеведов», а в 1938 году – расстрелян⁴²⁹.

Марк Константинович Азадовский впоследствии сделал блестящую карьеру в Ленинграде, став профессором ЛГУ и сотрудником Пушкинского дома. Однако, как и в случае с В.И. Огородниковым, советская система в итоге его отторгла. В конце 1940-х годов, в разгар кампании по борьбе с космополитизмом, он подвергся травле, был уволен из всех институтов и фактически лишен возможности работать⁴³⁰. Его судьба подтверждает, что интеграция профессуры ГИНО в советскую научно-образовательную систему часто заканчивалась драматичным исключением из нее спустя десятилетия.

Александр Александрович Половинкин перешел в ГДУ, а затем сделал карьеру в Москве. А.А. Половинкин стал одной из ключевых фигур советского географического образования. Перебравшись в столицу, он в течение 20 лет руководил кафедрой и был деканом географического факультета МГПИ им. Ленина, а в 1945 году был избран членом-корреспондентом Академии педагогических наук РСФСР⁴³¹.

Успешно сложилась судьба и филолога Всеволода Антоновича Малаховского. После работы в Иркутске он стал основателем и бессменным руководителем кафедры русского языка в Куйбышевском (Самарском) педагогическом институте⁴³². Профессор, заслуженный деятель науки РСФСР и кавалер ордена Ленина, он подготовил 50 кандидатов наук, доказав, что кадровый потенциал, сформированный в ГИНО, стал фундаментом для развития гуманитарной науки в крупнейших регионах России.

Виктор Алексеевич Захваткин после объединения читинского вуза с ГДУ остался верен себе: он продолжил создавать сильные научные школы на периферии. В дальнейшем он последовательно руководил кафедрами зоологии в

⁴²⁹ Жеребцов Г. А. Без краеведения мы бессильны // Новое Забайкалье. 1998. № 23–25.

⁴³⁰ Куренная И. Г. Азадовский Марк Константинович // Малая энциклопедия Забайкалья. Наука и образование : в 2 ч. / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск : Наука, 2011. Ч. 2. С. 68.

⁴³¹ Руденко Ю. Т. Половинкин Александр Александрович // Малая энциклопедия Забайкалья. Наука и образование : в 2 ч. / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск : Наука, 2011. Ч. 2. С. 133.

⁴³² Алексеенко Л. П. Всеволод Антонович Малаховский // Малая энциклопедия Забайкалья. Наука и образование : в 2 ч. / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск : Наука, 2011. Ч. 1 : А–К. С. 502.

университетах Владивостока, Алма-Аты, Перми (где также стал деканом) и Львова⁴³³.

Биография Константина Автономовича Ненадкевича⁴³⁴, вернувшегося в Ленинград, представляет иную, но крайне репрезентативную модель научно-профессиональной адаптации. Данный пример иллюстрирует механизмы успешной интеграции специалистов дореволюционной академической школы в советскую научную элиту. Карьерный путь К.А. Ненадкевича, прошедшего путь от сотрудника провинциального учебного заведения до члена-корреспондента Академии наук и лауреата Сталинской премии (1948 г.), свидетельствует о существенной вариативности профессиональных траекторий в советской академической среде того периода. Вероятность успешного сохранения научного статуса напрямую коррелировала со специализацией исследователя.

В то время как историки и филологи подвергались перманентному идеологическому давлению, специалисты в области естественных наук занимали более устойчивое положение. Научные изыскания в этих дисциплинах обладали высокой прикладной значимостью для индустриального и оборонного секторов Советского государства. Зачастую именно востребованность практических результатов служила для ученых своего рода «охранной грамотой», обеспечивавшей признание со стороны власти даже при наличии у них «непролетарского» происхождения.

Иную линию поведения, так называемую «внутреннюю эмиграцию», реализовал Петр Павлович Маслов. Отклонив предложение о переводе во Владивосток, и возвратившись в центральные регионы страны в 1923 году, ученый сознательно дистанцировался от текущей политической повестки, сосредоточив научные интересы на теоретических аспектах политэкономии социализма. Такой демонстративный отказ от политических амбиций позволил П.П. Маслову, в прошлом видному оппоненту В.И. Ленина, не только избежать

⁴³³ Дроботушенко Н. Е. Захваткин Виктор Алексеевич // Малая энциклопедия Забайкалья. Наука и образование : в 2 ч. / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск : Наука, 2011. Ч. 2. С. 334.

⁴³⁴ Дроботушенко Н. Е. Ненадкевич Константин Автономович // Малая энциклопедия Забайкалья. Наука и образование : в 2 ч. / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск : Наука, 2011. Ч. 2. С. 30.

репрессивного давления, но и достичь высшего академического признания: в 1929 году он был избран академиком АН СССР.

Окончательное упрочение советской власти на Дальнем Востоке в ноябре 1922 года и масштабная реформа высшей школы, выразившаяся в слиянии региональных вузов под эгидой Владивостока, спровоцировали новую волну кадровой миграции. Перед преподавательским корпусом ГИНО встал жесткий выбор. Часть профессуры, прежде всего юристы, философы и экономисты, чьи убеждения входили в острое противоречие с новой идеологической доктриной, предпочли эмиграцию в Китай. Харбин, Шанхай и Пекин стали новыми центрами, где русская научная мысль продолжала развиваться в рамках эмигрантских образовательных учреждений⁴³⁵. Те же, кто счел возможным пойти на компромисс ради продолжения научной работы в советских высших учебных заведениях, остались в штате реорганизованного Дальневосточного государственного университета.

Ярким примером реализации стратегии сохранения русской научной традиции в Маньчжурии стала деятельность выдающегося археолога Владимира Яковлевича Толмачева. Не приняв процесс советизации после падения ДВР, он эмигрировал, но сохранил верность научному призванию. На протяжении тринадцати лет В.Я. Толмачев занимал должность хранителя музея Общества изучения Маньчжурского края в Харбине, являясь одной из ключевых фигур, обеспечивавших преемственность русской академической традиции в эмигрантской среде. Его пример убедительно свидетельствует о жизнеспособности интеллектуального потенциала, сформированного в ГИНО: даже за пределами страны он продолжал развиваться и во многом определял культурный ландшафт «Русского Китая»⁴³⁶.

Николай Иванович Никифоров представляет собой пример перехода от академической деятельности к политическому радикализму. Занимая в Харбине

⁴³⁵ Малявина Л. С. Между «красными» и «белыми»: наука и высшая школа Дальнего Востока в период Гражданской войны // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2009. Т. 66. № 4. С. 91.

⁴³⁶ Алкин С. В. Толмачев В. Я. [Электронный ресурс] // Энциклопедия Забайкалья. Режим доступа: <https://ez.chita.ru/encycl/person/?id=6181> (дата обращения: 20.02.2026).

должность последнего декана Юридического факультета вплоть до его закрытия в 1937 году, он одновременно возглавлял Русскую фашистскую организацию и принимал активное участие в антисоветской политической деятельности. Последствием этого политического выбора стали его арест советской военной контрразведкой после вступления советских войск в Маньчжурию в 1945 году и последующее осуждение на десять лет лишения свободы. Н.И. Никифоров скончался в заключении в Красноярском крае в 1951 году.

Следует особо подчеркнуть, что для преподавателей, которые, подобно физику Н.М. Обухову, археологу В. Я. Толмачеву и профессору Н.И. Никифорову, избрали путь эмиграции в Китай после вхождения Дальневосточной республики в состав РСФСР, переезд был сопряжен с серьезными бюрократическими и политическими препятствиями.

«Правила о порядке выезда за границу»⁴³⁷, действовавшие после вхождения ДВР в состав РСФСР, превращали отъезд в сложную государственную процедуру. Профессор, желавший легально покинуть страну, должен был подать заявление «исключительно по месту своего жительства» и получить разрешение от Губернского Отдела Управления, предоставив целый пакет документов: справку об отсутствии возражений со стороны последнего работодателя (то есть, от ликвидационной комиссии университета), документы о снятии со специального и воинского учета, а также, возможно, квитанции «об уплате всех причитающихся налогов».

Примечательно, что визы на выезд за пределы Дальнего Востока выдавались только в Чите (Отдел Управления ДРК), Хабаровске и Владивостоке. В этом контексте «эмиграция» профессоров из Читы предстает как одно из двух: либо как акт отчаянного нелегального бегства (путь Н.И. Никифорова), либо как чрезвычайно сложный, многоступенчатый и, по сути, санкционированный властями процесс «выдавливания» или «выпуска» лояльных или, наоборот, нежелательных специалистов, прошедших полную проверку всех контролирующих органов.

⁴³⁷ Вся Чита и Забайкалье : торгово-промышленный справочник-путеводитель. Чита, 1923. С. 51.

В результате этой реорганизации единственным центром высшего педагогического образования на всем Дальнем Востоке стал педагогический факультет Государственного Дальневосточного университета, в котором были сосредоточены кадры из Владивостока, Екатеринбурга и, в том числе, прибывшие из Читы. Для Забайкалья это означало потерю собственного вуза на полтора десятилетия – новый Читинский государственный педагогический институт был открыт только в 1938 году⁴³⁸.

Вывод о снижении институционального статуса педагогического образования подтверждается сведениями, содержащимися в справочнике Читы за 1923 год. Наряду с Читинским государственным университетом в нем уже указаны Педагогические курсы (техникум), размещавшиеся по адресу: ул. Албазинская, в здании бывшей Учительской семинарии.

Таким образом, в 1923 году ГИНО, созданный на базе Учительского института, и Педагогический техникум, размещавшийся в здании Учительской семинарии – предшественницы института, – одновременно функционировали как учреждения высшего и среднего профессионального педагогического образования. Ликвидация университета и перевод его подразделений во Владивосток привели к тому, что в Забайкалье сохранилось только среднее педагогическое учебное заведение. В результате развитие высшего педагогического образования в регионе было прервано на полтора десятилетия.

Прекращение самостоятельной деятельности Читинского государственного университета в 1923 г. было связано прежде всего с изменением политико-административного положения региона после прекращения существования Дальневосточной Республики и включения ее территории в состав РСФСР. Институт, созданный для подготовки кадров и развития высшего образования ДВР, оказался включен в процесс реорганизации государственных учреждений Дальневосточной области.

⁴³⁸ Войтеховская М. П., Кочурина С. А. Формирование сети педагогических учебных заведений в Сибири и на Дальнем Востоке в условиях советской модернизации образования и введения всеобщего обучения в 1917 – начале 1930-х гг. [Электронный ресурс] // Научно-педагогическое обозрение (Pedagogical Review). 2022. Вып. 6 (46). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-seti-pedagogicheskikh-uchebnykh-zavedeniy-v-sibiri-i-na-dalnem-vostoke-v-usloviyah-sovetskoy-modernizatsii-obrazovaniya> (дата обращения: 10.03.2025).

Важное значение имел курс Дальревкома на централизацию управления высшей школой и концентрацию ее финансовых, кадровых и материальных ресурсов во Владивостоке. При этом центральные органы Наркомпроса первоначально допускали сохранение Читинского и Владивостокского университетов как самостоятельных учебных заведений при условии их финансирования из местного бюджета. Окончательное решение было принято региональными органами власти, считавшими содержание двух университетов экономически нецелесообразным.

Участие В.И. Огородникова в подготовке проекта объединения и последующей организации перевода подтверждается документами. Вместе с тем имеющиеся источники не позволяют связывать прекращение деятельности Читинского университета с его личными мотивами. В.И. Огородников действовал как уполномоченный Дальревкома по делам высшей школы, а затем как ректор Государственного Дальневосточного университета.

Реорганизация привела к переводу педагогического и агрономического факультетов, дневного отделения рабочего факультета, части преподавателей, студентов и имущества во Владивосток. Не все оборудование и не все библиотечные фонды удалось перевезти. Часть учащихся не продолжила образование в Государственном Дальневосточном университете, однако точное число студентов, выбывших непосредственно вследствие перевода, установить невозможно.

Преподаватели и студенты, прибывшие из Читы, приняли участие в дальнейшей работе педагогического и агрономического факультетов ГДУ. Одновременно в самом Забайкалье прекратило деятельность самостоятельное государственное высшее учебное заведение. Новый Читинский государственный педагогический институт был открыт в 1938 г., вследствие чего развитие государственной высшей школы в Чите было прервано приблизительно на полтора десятилетия.

Последующие преобразования Государственного Дальневосточного университета в 1930-е гг. происходили в иных политических, экономических и

образовательных условиях. Поэтому они не могут рассматриваться как прямое доказательство обоснованности или ошибочности решения, принятого в 1923 г.

Таким образом, прекращение самостоятельной деятельности Читинского университета не являлось непосредственным следствием его внутренних организационных и материальных трудностей. Определяющее значение имели прекращение существования Дальневосточной Республики, утрата Читой столичного статуса, изменение системы регионального управления и политика Дальревкома, направленная на концентрацию высшего образования во Владивостоке. События 1923 г. завершили первый этап развития государственной высшей школы в Чите.

3.3. Место и значение Читинского ГИНО в образовательном пространстве Дальневосточного региона

Определение места Читинского Государственного института народного образования среди высших учебных заведений начала 1920-х гг. требует его сопоставления с другими учебными заведениями, действовавшими в Дальневосточном регионе и на сопредельных территориях. Основными критериями такого сопоставления являются обстоятельства создания вузов, их правовое положение, организационная основа, источники финансирования, кадровый состав и характер взаимодействия с государственными и общественными учреждениями.

Основное внимание в настоящем параграфе уделяется образовательному пространству Дальневосточной Республики. Вместе с тем для сравнительно-исторического анализа привлекаются материалы об учебных заведениях Иркутска, Красноярска и Харбина. Эти города не во всех случаях входили в политико-административные границы ДВР, однако были связаны с ней перемещением преподавателей и студентов, транспортными коммуникациями, научными контактами и общими процессами преобразования высшей школы.

Институты народного образования стали одной из форм реорганизации педагогического образования, проводившейся в первые послереволюционные годы. Они создавались на основе учительских институтов, семинарий, церковно-учительских школ и других учебных заведений. Основной задачей ИНО являлась подготовка учителей для первой и второй ступеней Единой трудовой школы, работников дошкольных учреждений и организаторов культурно-просветительной деятельности.

Практика создания институтов народного образования в 1919-1921 гг. отличалась значительным разнообразием. В центральных губерниях под нужды новых учреждений передавались здания бывших гимназий и духовных

семинарий. Подобным образом создавались институты в Курске, Белгороде, Новгороде, Владимире и других городах⁴³⁹.

В Сибири одним из примеров такого преобразования стал Красноярский институт народного образования, открытый в июле 1920 г. путем объединения трех местных учебных заведений⁴⁴⁰. Первоначальные проекты ИНО предусматривали создание нескольких отделений, однако на практике их количество зависело от наличия преподавателей, помещений и денежных средств. Существенно различалась и численность учащихся: от нескольких десятков человек в небольших институтах до нескольких сотен на высших педагогических курсах.

Большинство провинциальных ИНО испытывало недостаток учебных пособий, оборудования и приспособленных для занятий помещений. Поэтому уже к середине 1921 г. Наркомпрос РСФСР и Главпрофобр приступили к упорядочению сети педагогических учебных заведений. Часть институтов была преобразована в педагогические техникумы или включена в состав других образовательных учреждений⁴⁴¹.

В Сибири статус высшего педагогического учебного заведения сохранил Иркутский государственный университет, тогда как Красноярский институт народного образования в августе 1923 г. прекратил самостоятельную деятельность. Читинский ГИНО развивался в иных политико-административных условиях. Он подчинялся не Наркомпросу РСФСР, а Министерству народного просвещения Дальневосточной Республики, поэтому преобразования российской системы высшего образования не распространялись на него непосредственно. Институт дольше сохранял организационную самостоятельность, а в 1923 г. был преобразован в Читинский государственный университет.

⁴³⁹ Курасов С. А. Институты народного образования – первый советский эксперимент в сфере высшего образования // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики : в 3 ч. Тамбов : Грамота, 2014. № 5 (43). Ч. II. С. 116–119.

⁴⁴⁰ Красноярский институт народного образования [Электронный ресурс] // КГКУ «Государственный архив Красноярского края» : официальный сайт. Раздел «Информация о памятных событиях». Режим доступа: <https://красноярские-архивы.рф/gosudarstvennyi-arkh/users/informatsiya-o-pamyatnykh-sobytiyakh/441> (дата обращения: 07.05.2026).

⁴⁴¹ Соколова Т. Л. Правовое регулирование в сфере среднего профессионального образования в РСФСР в 1918–1920-х гг. (историко-правовой аспект) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. С. 161–163.

Особенность читинского учебного заведения заключалась не в его принадлежности к какому-либо самостоятельному типу высшей школы, а в сочетании нескольких исторических обстоятельств. ГИНО создавался государством для решения кадровых задач Дальневосточной Республики, но при этом опирался на преподавателей, получивших образование и профессиональный опыт еще до революции. В его деятельности сохранялись коллегиальные формы управления, преподавание российской истории и изучение Сибири и Дальнего Востока. Одновременно постепенно усиливалось влияние новых политических и социальных требований, особенно заметное после открытия рабочего факультета.

Для понимания этих особенностей необходимо учитывать общий процесс преобразования высшей школы в РСФСР. Как показывают Е.А. Ростовцев и И.В. Сидорчук, в начале 1920-х гг. происходило последовательное ограничение прежней университетской автономии и усиление государственного управления учебными заведениями⁴⁴². Основы университетского самоуправления, закрепленные Уставом 1863 г.⁴⁴³, частично сохранялись в первые послереволюционные годы, однако новое законодательство существенно изменило положение вузов.

Принятое 2 сентября 1921 г. Положение о высших учебных заведениях РСФСР закрепило подчинение вузов органам государственного управления образованием и определило новые принципы организации их деятельности⁴⁴⁴. Руководство высшей школой сосредоточивалось в системе Наркомпроса, Главпрофобра и Государственного ученого совета. Изменялся порядок формирования органов управления и замещения преподавательских должностей⁴⁴⁵.

Основными направлениями преобразований стали административная централизация, изменение социального состава студенчества и усиление

⁴⁴² Ростовцев Е. А., Сидорчук И. В. Расписание перемен: очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы) / отв. ред. А. Н. Дмитриев. М. : Новое литературное обозрение, 2012. С. 294–356.

⁴⁴³ Университетский устав 1863 года. СПб : Типография Огрязко, 1863. С. 15.

⁴⁴⁴ Положения о высших учебных заведениях РСФСР // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1921. № 65. Ст. 486. С. 593–598.

⁴⁴⁵ Там же.

общественно-политической составляющей образования. В Московском и Петроградском университетах этот процесс сопровождался сокращением полномочий прежних университетских советов и изменением положения дореволюционной профессуры.

Важным элементом новой политики стали рабочие факультеты. Они должны были подготовить рабочих и крестьян, не имевших необходимого общего образования, к поступлению в высшие учебные заведения. Вместе с тем рабфаки являлись одним из средств изменения социального состава высшей школы и укрепления позиций новой власти в академической среде⁴⁴⁶.

Сопоставление законодательства и практики управления высшей школой в РСФСР и Дальневосточной Республике позволяет определить особенности положения Читинского ГИНО для этого обратимся к Таблице 3.

Таблица 3 – Сравнительная характеристика организации высшей школы в РСФСР и Дальневосточной Республике

Параметр сравнения	РСФСР	ДВР
Правовая база	Положение о высших учебных заведениях от 02 сентября 1921 ⁴⁴⁷	Положение о ГИНО от 15 апреля 1921 ⁴⁴⁸
Автономия	Практически ликвидирована, назначение правлений ⁴⁴⁹	Сохранение элементов самоуправления и широких полномочий Совета ⁴⁵⁰
Управление	Централизация через Главпрофобр и ГУС ⁴⁵¹	Подчинение Министерству народного просвещения ДВР;

⁴⁴⁶ Наука большой страны: советский опыт управления / под ред. Е. А. Долговой; авт: М. В. Грибовский, И. Г. Дежина, Е. А. Долгова, М. О. Окунева, Е. А. Стрельцова, Д. Л. Сапрыкин, С. Б. Ульянова. М.: РГГУ, 2023. С. 302-303.

⁴⁴⁷ Положения о высших учебных заведениях РСФСР // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1921. № 65. Ст. 486. С. 593–598.

⁴⁴⁸ Закон об установлении Положения о Государственном Институте Народного Образования в г. Чите // Вестник просвещения : журнал Министерства народного просвещения ДВР. 1921. № 3–4. С. 14–20.

⁴⁴⁹ Наука большой страны: советский опыт управления / под ред. Е. А. Долговой; авт: М. В. Грибовский, И. Г. Дежина, Е. А. Долгова, М. О. Окунева, Е. А. Стрельцова, Д. Л. Сапрыкин, С. Б. Ульянова. М.: РГГУ, 2023. С. 302–303.

⁴⁵⁰ Положение о Государственном Институте Народного Образования // Вестник просвещения: журнал Министерства народного просвещения ДВР. 1921. № 3–4. С. 14.

⁴⁵¹ Декрет СНК об организации Главного комитета профессионально-технического образования в составе Народного комиссариата просвещения от 29 января 1920 г. [Электронный ресурс] // Электронная библиотека исторических документов (ЭБИД) : сайт. Режим доступа: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/16708> (дата обращения: 05.10.2025).

		сочетание полномочий Совета, Правления и ректора ⁴⁵²
Студенчество	Бесплатное обучение, приоритетный доступ рабочих и крестьян к высшему образованию ⁴⁵³	Введение платы за обучение на основных факультетах, сохранение требований к предварительной образовательной подготовке
Роль рабфака	Подготовка рабочих и крестьян к обучению в высшей школе, изменение социального состава студенчества ⁴⁵⁴	Реализация государственной политики изменения социального состава студенчества; открыт в 1922 г. ⁴⁵⁵

Сравнение показывает, что Читинский ГИНО создавался с использованием общей для того времени организационной формы института народного образования, но его деятельность регулировалась законодательством ДВР. В институте сохранялись Совет, Правление и факультетские органы, в работе которых ведущую роль играли преподаватели. Одновременно вуз подчинялся Министерству народного просвещения и зависел от решений правительства республики.

Особенно заметными были различия в формировании студенческого контингента. На основных факультетах ГИНО сохранялись требования к предварительной образовательной подготовке, а из-за ограниченности государственных средств была введена плата за обучение. Рабочий факультет, напротив, комплектовался преимущественно по классовому принципу и получал целевое государственное финансирование. Следовательно, внутри одного учебного заведения одновременно действовали разные подходы к организации доступа к высшему образованию.

⁴⁵² Вестник просвещения: журнал Министерства народного просвещения ДВР. 1921. № 2. С. 3.

⁴⁵³ Декрет о правилах приема в высшие учебные заведения РСФСР от 2 августа 1918 г. [Электронный ресурс] // Электронная библиотека исторических документов (ЭБИД) : сайт. Режим доступа: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/12389-2-avgusta-dekret-o-pravilah-priema-v-vysshie-uchebnye-zavedeniya-rsfsr> (дата обращения: 05.10.2025).

⁴⁵⁴ Декрет Совета Народных Комиссаров о рабочих факультетах от 17 сентября 1920 г. [Электронный ресурс] // Электронная библиотека исторических документов (ЭБИД) : сайт. Режим доступа: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/158346-dekret-soveta-narodnyh-komissarov-o-rabochih-fakultetah-17-sentyabrya-1920-g> (дата обращения: 05.10.2025).

⁴⁵⁵ ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 3. Д. 267. Л. 82.

Создание ГИНО происходило на фоне расширения сети высших учебных заведений на востоке страны. К концу 1920 г. в Томске, Омске, Иркутске, Владивостоке и других городах действовало девять вузов, в которых обучалось свыше 10 тыс. студентов. Эти учреждения создавались при разных политических режимах, однако их появление отражало устойчивую потребность регионов в собственных центрах подготовки специалистов.

Одной из непосредственных причин открытия вуза в Чите стала территориальная и ведомственная обособленность Дальневосточной Республики от крупных образовательных центров. Иркутский государственный университет был труднодоступен для значительной части жителей республики, а учебные заведения Владивостока в определенные периоды находились на территории, не контролировавшейся правительством ДВР. Органы управления просвещением республики также указывали на невозможность в полной мере опираться на владивостокские учебные заведения⁴⁵⁶.

Трудности усугублялись состоянием транспорта. Материалы «Прибайкальского календаря» на 1922 г. свидетельствуют о серьезных нарушениях железнодорожного сообщения. Уссурийская железная дорога находилась в зоне японской интервенции, Амурская магистраль имела ограниченную пропускную способность, а нехватка топлива приводила к длительным простоям поездов⁴⁵⁷. В этих условиях направление студентов в другие образовательные центры не могло решить кадровую проблему ДВР. Создание собственного государственного вуза в столице республики становилось практической необходимостью.

Удаленность от центральных районов страны затрудняла регулярное приглашение преподавателей, но одновременно политические события способствовали перемещению научно-педагогических кадров на восток. В годы Гражданской войны часть преподавателей и ученых покинула университеты

⁴⁵⁶ Иванов, С. А., Фомина, М. Н., Жуков, А. В. Проблемы интеграции в сфере высшего образования на территории Забайкалья в 20-е гг. XX в. // Вестник Забайкальского государственного университета. 2012. № 12 (91). С. 106–110. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-integratsii-v-sfere-vysshego-obrazovaniya-na-territorii-zabaykalya-v-20-e-gg-hh-v-1> (дата обращения: 01.11.2024).

⁴⁵⁷ Прибайкальский календарь на 1922 год. Верхнеудинск : Книгоиздательство Объединенного Прибайкальского Союза Кооперативов, 1921. С. 31.

Поволжья, Урала и Сибири. Один из этапов этой миграции пришелся на 1920–1921 гг. и совпал с началом преобразований в сибирских вузах, сокращением отдельных факультетов и изменением положения профессуры дореволюционной школы⁴⁵⁸.

Благодаря этому Читинский ГИНО смог привлечь специалистов, ранее работавших в Казани, Екатеринбурге, Томске, Иркутске и других научно-образовательных центрах. Присутствие квалифицированных преподавателей позволило открыть гуманитарный, физико-математический и агрономический факультеты, организовать научные общества и начать издательскую деятельность. Таким образом, недостаток местных кадров частично компенсировался академической миграцией.

Сопоставление Читинского ГИНО с Иркутским государственным университетом показывает различие обстоятельств их возникновения. Созданию университета в Иркутске предшествовало длительное общественное движение, развивавшееся еще с XIX в. Его открытие стало результатом многолетней деятельности местной общественности, органов власти и научных сил⁴⁵⁹.

Читинский ГИНО создавался значительно быстрее. Решение о его открытии было принято правительством ДВР в условиях острой потребности столицы и других территорий республики в педагогических и управленческих кадрах. При этом институт не возник на совершенно пустом месте: его организационной основой стал Читинский учительский институт, а часть материальной базы была связана с ранее действовавшими учебными заведениями города. Однако по сравнению с Иркутским университетом читинский вуз имел значительно более короткий период подготовки и располагал более ограниченными материальными возможностями.

⁴⁵⁸ Малявина Л. С. Между «красными» и «белыми»: наука и высшая школа Дальнего Востока в период Гражданской войны // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2009. Т. 66. № 4. С. 80–93.

⁴⁵⁹ Зобнин Ю. В. Очерк истории создания государственного университета в Иркутске (к 90-летию Иркутского государственного медицинского университета) [Электронный ресурс] // Сибирский медицинский журнал. 2008. № 8. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ocherk-istorii-sozdaniya-gosudarstvennogo-universiteta-v-irkutsk-k-90-letiyu-irkutskogo-gosudarstvennogo-meditsinskogo-universiteta> (дата обращения: 21.10.2025).

Различия между Читой и Иркутском определялись прежде всего политическими и административными условиями. Иркутский университет продолжал развиваться в составе российской системы высшего образования, тогда как Читинский ГИНО создавался для нужд самостоятельной Дальневосточной Республики и вместе с ней пережил изменение государственного и правового положения.

Не менее важно сопоставление Читинского ГИНО с учебными заведениями Владивостока. Политическая обстановка в Приморье в 1920-1922 гг. оставалась нестабильной. После падения власти А.В. Колчака управление территорией осуществлялось при участии различных общественно-политических сил. П.М. Никифоров отмечал сложный состав владивостокской земской управы и отсутствие у нее устойчивой массовой опоры⁴⁶⁰.

После провозглашения Временного правительства Приморской областной земской управы распределение реальных полномочий продолжало оставаться неустойчивым⁴⁶¹. Большевистское руководство было вынуждено временно отказаться от немедленного установления советской формы власти⁴⁶². Одной из причин такой тактики являлось стремление избежать прямого вооруженного столкновения с японскими войсками⁴⁶³.

Политические события затрудняли использование владивостокских учебных заведений для подготовки специалистов ДВР. После переворота братьев Меркуловых 26 мая 1921 г. Приморье фактически вышло из-под контроля правительства республики. В результате ДВР утратила возможность непосредственно распоряжаться находившимися там образовательными учреждениями, включая Государственный Дальневосточный педагогический институт имени К.Д. Ушинского⁴⁶⁴.

⁴⁶⁰ Никифоров П. М. Записки премьера ДВР: Победа ленинской политики в борьбе с интервенцией на Дальнем Востоке (1917–1922 гг.). 2-е изд., перераб. М. : Политиздат, 1974. С. 104.

⁴⁶¹ Там же. С. 107–108, 116.

⁴⁶² Там же. С. 104.

⁴⁶³ Там же.

⁴⁶⁴ Малявина Л. С. Государственный Дальневосточный педагогический институт им. Ушинского (г. Владивосток): восстановленная страница истории региональной высшей школы (1921–1923 гг.) [Электронный ресурс] // Общество: философия, история, культура. 2018. № 8 (52). Режим доступа:

В этих обстоятельствах Чита становилась одним из возможных центров сосредоточения преподавательских кадров. В марте 1922 г. в «Бюллетене Министерства народного просвещения» сообщалось, что представители владивостокской профессуры выражали желание переехать в Читу из-за невозможности продолжать работу в сложившейся общественно-политической обстановке⁴⁶⁵. Этот материал показывает, что положение столицы ДВР делало Читу привлекательной для части академического сообщества.

В то же время происхождение читинского и владивостокского педагогических институтов имело некоторые общие черты. Оба учреждения возникли в результате преобразования учительских институтов. Однако исходная организационная база владивостокского учебного заведения была более развитой. Владивостокский учительский институт, открытый в 1917 г., к моменту реорганизации имел два факультета и четыре отделения⁴⁶⁶.

Читинский учительский институт обладал более ограниченной структурой, поэтому создание на его основе многопрофильного ГИНО потребовало значительного расширения кадрового состава, учебных подразделений и материальной базы. Это различие позволяет объяснить многие организационные трудности первых месяцев работы читинского вуза, не прибегая к выделению его в самостоятельный тип учебного заведения.

Особое место в системе высшей школы региона занимал Государственный Дальневосточный университет во Владивостоке. Он был основан в 1920 г. на базе Восточного института, действовавшего с 1899 г. и создававшегося для подготовки специалистов по странам Восточной Азии и обслуживания внешнеполитических и экономических интересов России⁴⁶⁷.

<https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennyy-dalnevostochnyy-pedagogicheskiy-institut-im-ushinskogo-g-vladivostok-vosstanovlennaya-stranitsa-istorii-regionalnoy> (дата обращения: 13.11.2025).

⁴⁶⁵ Бюллетень Министерства народного просвещения Дальневосточной Республики. Чита, 1922. № 2. С. 15.

⁴⁶⁶ Белоглазова С. Б. Политика Дальневосточной республики в сфере образования [Электронный ресурс] // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2018. № 19. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-dalnevostochnoy-respubliki-v-sfere-obrazovaniya> (дата обращения: 12.04.2025).

⁴⁶⁷ Хисамутдинова Н. В. Федеральный университет на Дальнем Востоке: прошлое и будущее [Электронный ресурс] // Высшее образование в России. 2009. № 5. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/federalnyy-universitet-na-dalnem-vostoke-proshloe-i-budushee> (дата обращения: 20.10.2025).

Благодаря этой преемственности ГДУ получил здания, библиотечные собрания, учебные подразделения и сложившиеся академические традиции Восточного института. Кроме того, во Владивостоке находилось значительное количество преподавателей и ученых, прибывших в Приморье в годы Гражданской войны. Поэтому материальная и кадровая основа ГДУ была более устойчивой, чем первоначальная база Читинского ГИНО.

Различие между двумя вузами состояло не в принадлежности к противоположным моделям, а в неодинаковых исходных условиях. ГДУ продолжал традиции ранее действовавшего высшего учебного заведения. Читинский ГИНО создавался путем быстрого преобразования учительского института и должен был одновременно расширять структуру, привлекать преподавателей, ремонтировать помещение и организовывать учебный процесс.

Для уточнения положения ГИНО представляет интерес и Русско-Китайский политехнический институт, основанный в Харбине в 1920 г. Он находился за пределами территории, непосредственно контролировавшейся правительством ДВР, поэтому рассматривается в настоящей работе как сопредельный образовательный центр.

Организационной и финансовой опорой института являлось Правление Китайско-Восточной железной дороги. Это определяло более устойчивое материальное положение харбинского учебного заведения. В 1923 г. около 60 % бюджета института формировалось за счет субсидии КВЖД в размере 75 тыс. золотых рублей. Учебному заведению были предоставлены помещение, отопление, освещение, лаборатории и мастерские⁴⁶⁸.

Материальное положение Читинского ГИНО было иным. В 1921 г. расходы на него составляли около 1,4-1,5 % бюджета ДВР. Ограниченность государственного финансирования привела к введению платы за обучение и необходимости привлекать дополнительные средства. Здание бывшей женской

⁴⁶⁸ Малявина Л. С. Русско-китайский (Харбинский) политехнический институт на этапе становления (1920–1925 гг.): к 100-летию образования [Электронный ресурс] // Общество: философия, история, культура. 2020. № 10 (78). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/russko-kitayskiy-harbinskiy-politehnicheskii-institut-na-etape-stanovleniya-1920-1925-gg-k-100-letiyu-obrazovaniya> (дата обращения: 09.11.2025).

гимназии требовало ремонта, значительную часть которого выполняли студенты и сотрудники института.

Это сопоставление показывает прямую зависимость положения вузов от источников финансирования. Институт, поддерживаемый крупной хозяйственной организацией, мог с самого начала располагать оборудованными помещениями. Государственный вуз ДВР, напротив, зависел от ограниченных возможностей республиканского бюджета, платы за обучение, помощи городских учреждений и участия собственного коллектива.

Харбин к этому времени представлял собой самостоятельный центр русского высшего образования в Китае. Помимо политехнического института, 1 марта 1920 г. были открыты Высшие экономико-юридические курсы, впоследствии преобразованные в юридический факультет⁴⁶⁹. В 1921 г. они получили признание Государственного Дальневосточного университета, утвержденное Приамурским правительством.

Формировалась сеть образовательных связей между Харбином и Владивостоком, которая развивалась вне непосредственного контроля Министерства народного просвещения ДВР. Русские учебные заведения в полосе отчуждения КВЖД получали поддержку железнодорожной администрации. В их распоряжение передавались здания, лаборатории, кабинеты и мастерские.

Правительство ДВР пыталось распространить свое влияние на образовательные учреждения полосы отчуждения КВЖД и объявляло о признании только тех учебных заведений, которые находились в ведении Министерства народного просвещения республики. Однако фактически реализовать это решение не удалось⁴⁷⁰.

Существование хорошо обеспеченных учебных заведений в Харбине создавало для Читинского ГИНО дополнительную конкуренцию за преподавателей и студентов. Читинский институт не мог предложить

⁴⁶⁹ Хисамутдинов А. А. Русское высшее образование в Китае [Электронный ресурс] // Вопросы образования. 2015. № 4. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkoe-vysshee-obrazovanie-v-kitae> (дата обращения: 27.03.2026).

⁴⁷⁰ Хисамутдинов А. А. Русское высшее образование в Китае [Электронный ресурс] // Вопросы образования. 2015. № 4. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkoe-vysshee-obrazovanie-v-kitae> (дата обращения: 27.03.2026).

сопоставимое материальное содержание, но обладал государственным статусом и предоставлял возможность продолжать преподавательскую и научную работу в столице ДВР.

Другим важным объектом сравнения является Прибайкальский народный университет в Верхнеудинске, открытый примерно в тот же период⁴⁷¹. В отличие от Читинского ГИНО, учрежденного решением правительства ДВР, Прибайкальский университет возник по инициативе местных общественных и культурно-просветительских организаций.

В Верхнеудинске существовало развитое кооперативное движение. Крупные кооперативные объединения обладали хозяйственными ресурсами, собственной печатной базой и принимали участие в общественной и культурной жизни города⁴⁷². Это стало организационной основой Прибайкальского народного университета.

По данным «Прибайкальского календаря на 1922 год», университет был открыт 25 мая 1920 г. по инициативе местных культурно-просветительских организаций⁴⁷³. К 1921 г. он имел три факультета, а численность его учащихся достигала 515 человек. Вместе с тем к 1922 г. университет столкнулся с серьезными финансовыми трудностями⁴⁷⁴.

Сопоставление ПНУ и ГИНО показывает два различных способа учреждения высшей школы в пределах Дальневосточной Республики. Верхнеудинский университет создавался общественными и кооперативными организациями. Читинский ГИНО учреждался государством и входил в систему Министерства народного просвещения ДВР.

Общественный характер ПНУ подтверждается документами кафедры прибайкальведения. В плане ее работы указывалось, что научная и издательская деятельность должна осуществляться при поддержке Прибайкалсоюза,

⁴⁷¹ Иванова Л. Б. История формирования основ высшего образования в Бурятии [Электронный ресурс] // Исторический журнал: научные исследования. 2021. № 3. Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35739 (дата обращения: 26.02.2026).

⁴⁷² История Бурятии : в 3 т. / гл. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ : Издательство БНЦ СО РАН, 2011. Т. III : XX–XXI вв. С. 27.

⁴⁷³ Прибайкальский календарь на 1922 год. Верхнеудинск : Книгоиздательство Объединенного Прибайкальского Союза Кооперативов, 1921. С. 114–118.

⁴⁷⁴ Там же. С. 119.

располагавшего собственной типографией, и других общественных организаций⁴⁷⁵. Следовательно, университет находился в существенной хозяйственной и финансовой зависимости от кооперативного движения.

Читинский ГИНО также взаимодействовал с общественными и городскими учреждениями, но такое взаимодействие не заменяло его государственного статуса. Институт действовал на основании закона ДВР, подчинялся Министерству народного просвещения и получал бюджетные средства. Помощь музея, библиотек, научных обществ и самого академического коллектива дополняла государственное обеспечение, особенно в тех случаях, когда выделенных средств было недостаточно.

Опыт ПНУ показывает, что одной общественной инициативы было недостаточно для устойчивого функционирования крупного учебного заведения. В то же время опыт ГИНО свидетельствует, что и государственный статус сам по себе не решал финансовых и материальных проблем. Работа обоих вузов зависела от сочетания нескольких обстоятельств: наличия преподавателей, поддержки государственных или общественных организаций, доступа к помещениям и оборудованию, а также устойчивости политической обстановки.

Образовательная политика ДВР во многих вопросах ориентировалась на преобразования, проводившиеся в РСФСР, включая создание Единой трудовой школы и рабочих факультетов. Вместе с тем государственно-правовое устройство республики допускало более широкое участие общественных и частных организаций в образовании.

Создание самостоятельного государственного вуза в Чите было связано также с политическим разделением территории республики. Реорганизация Государственного Дальневосточного педагогического института имени К. Д. Ушинского первоначально согласовывалась с правительством ДВР, однако после

⁴⁷⁵ Известия кафедры Прибайкальеведения при Прибайкальском народном университете. Верхнеудинск, 1921. С. 3–6.

переворота во Владивостоке институт был учрежден 19 июля 1921 г. уже органами Временного Приамурского правительства⁴⁷⁶.

В результате правительство ДВР фактически утратило возможность использовать этот вуз для подготовки необходимых ему специалистов. Открытие ГИНО в Чите позволяло создать педагогическое учебное заведение, находившееся на подконтрольной территории и непосредственно подчиненное Министерству народного просвещения республики. Политический разрыв с Приморьем являлся не единственной причиной учреждения ГИНО, но усиливал потребность в собственном образовательном центре.

Проведенное сопоставление позволяет определить место Читинского ГИНО в системе высшего образования Дальневосточного региона. Институт не был изолированным или принципиально новым типом учебного заведения. Его создание являлось частью общего процесса преобразования высшей школы, происходившего в России и на сопредельных территориях после революции и Гражданской войны.

Вместе с тем деятельность ГИНО имела ряд региональных особенностей. Институт был учрежден правительством Дальневосточной Республики для подготовки кадров, необходимых государственным учреждениям, школам и культурно-просветительским организациям. При создании Читинского ГИНО использовались отдельные материальные и кадровые ресурсы ранее действовавших учебных заведений города. Вместе с тем ГИНО учреждался как самостоятельное государственное высшее учебное заведение, имевшее собственную нормативную базу, органы управления, факультетскую структуру и профессорско-преподавательский состав.

В отличие от Иркутского государственного университета, созданию которого предшествовала длительная подготовительная работа, Читинский ГИНО открывался в сжатые сроки. В отличие от Государственного Дальневосточного

⁴⁷⁶ Малявина Л. С. Государственный Дальневосточный педагогический институт им. Ушинского (г. Владивосток): восстановленная страница истории региональной высшей школы (1921–1923 гг.) [Электронный ресурс] // Общество: философия, история, культура. 2018. № 8 (52). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennyy-dalnevostochnyy-pedagogicheskiy-institut-im-ushinskogo-g-vladivostok-vosstanovlennaya-stranitsa-istorii-regionalnoy> (дата обращения: 13.11.2025).

университета, он не располагал значительной материальной и академической базой дореволюционного высшего учебного заведения. В отличие от Русско-Китайского политехнического института, ГИНО не имел устойчивого финансирования со стороны крупной хозяйственной организации. В отличие от Прибайкальского народного университета, он обладал государственным статусом и входил в систему органов управления просвещением.

Особенности управления ГИНО определялись сочетанием коллегиальных академических органов и государственного регулирования. Совет, Правление и факультеты сохраняли заметную роль в решении учебных и организационных вопросов, однако институт подчинялся Министерству народного просвещения и зависел от политики правительства ДВР. Аналогичное сочетание старых и новых начал проявлялось в учебном процессе и формировании студенческого состава.

Основные факультеты сохраняли академические требования к поступающим, а в учебных планах продолжалось преподавание российской истории и развивалось изучение Сибири и Дальнего Востока. Одновременно открытие рабфака означало включение института в проводившуюся государством политику изменения социального состава высшей школы и подготовки к обучению представителей рабочих и крестьян.

Историческое значение Читинского ГИНО заключалось в том, что он стал одним из важнейших центров подготовки кадров и научно-образовательной деятельности Дальневосточной Республики. В Чите были сосредоточены квалифицированные преподаватели, организованы факультеты, научные общества и предметные кружки, начата издательская работа. Институт взаимодействовал с городскими музеями, библиотеками и общественными организациями, благодаря чему его деятельность выходила за пределы непосредственного учебного процесса.

Прекращение самостоятельной деятельности вуза в 1923 г. было связано прежде всего с изменением политико-административного положения региона после ликвидации ДВР и переходом к централизации управления высшим образованием. В этом смысле история ГИНО представляет собой конкретный

региональный опыт организации государственной высшей школы в период политико-административных преобразований начала 1920-х гг.

Читинский ГИНО сумел начать учебную и научную работу при ограниченном финансировании, недостатке оборудования и нестабильности транспортных связей. Это стало возможным благодаря привлечению квалифицированных преподавателей, участию студентов, поддержке городских учреждений и наличию государственного статуса. Однако зависимость института от политического положения Дальневосточной Республики сделала его дальнейшую судьбу непосредственно связанной с административной реорганизацией региона.

Таким образом, место Читинского ГИНО в истории высшего образования определяется его ролью в становлении государственной высшей школы Забайкалья и в развитии образовательного пространства Дальневосточного региона начала 1920-х гг. Его деятельность стала важным, хотя и непродолжительным этапом формирования региональной системы подготовки педагогических, научных и управленческих кадров.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволило реконструировать основные этапы становления и деятельности Читинского Государственного института народного образования в 1921-1923 гг., охарактеризовать условия его создания, систему управления, кадровый и студенческий состав, содержание учебно-воспитательной и научной работы, материальное положение и общественную деятельность, а также установить обстоятельства прекращения его самостоятельного существования.

Создание института было связано с политическими и административными преобразованиями, происходившими на востоке России после завершения активной фазы Гражданской войны в Забайкалье. Формирование Дальневосточной Республики и превращение Читы в ее столицу потребовали организации собственных государственных учреждений, в том числе системы подготовки педагогических и других квалифицированных кадров. Открытие высшего учебного заведения являлось частью проводившейся правительством ДВР политики в сфере народного просвещения и отвечало практическим потребностям региона.

Читинский ГИНО создавался в сложных политических и социально-экономических условиях. Нарушение прежних административных связей, ограниченные финансовые возможности Дальневосточной Республики, трудности транспортного сообщения, нехватка учебного оборудования и литературы непосредственно влияли на организацию деятельности института. Вместе с тем государственные органы участвовали в его правовом оформлении, выделяли средства, предоставили здание, оказывали содействие в приглашении преподавателей и определяли основные направления его работы. Поэтому материальные трудности ГИНО не следует рассматривать как свидетельство отсутствия государственной поддержки. Они отражали общее состояние финансовой и административной системы Дальневосточной Республики в начале 1920-х гг.

Важное значение для начала работы института имело формирование профессорско-преподавательского состава. В Читу были приглашены ученые и преподаватели из Казани, Иркутска, Томска, Перми и других городов. Среди них находились специалисты, имевшие опыт учебной и научной деятельности в российских университетах. Работа В.И. Огородникова, М.К. Азадовского, П.П. Маслова, А.А. Половинкина, В.Я. Толмачева, К.А. Ненадкевича и других преподавателей позволила организовать деятельность факультетов, приступить к реализации учебных планов и развернуть научную работу.

При этом кадровое положение института оставалось неустойчивым. Отъезды преподавателей, сложности с оплатой труда, бытовые трудности и конкуренция со стороны других образовательных центров приводили к вакантности должностей на отдельных кафедрах и нарушениям в выполнении некоторых учебных планов. Особенно заметно нехватка специалистов проявлялась при преподавании отдельных гуманитарных дисциплин. Однако кадровые проблемы не привели к прекращению учебной деятельности. На большинстве направлений занятия продолжались, а руководство института предпринимало попытки приглашать новых преподавателей и перераспределять учебную нагрузку.

Существенную роль в обеспечении работы ГИНО играло студенчество. Учащиеся участвовали в ремонте здания, восстановлении отопления, водопровода и электрической проводки, изготовлении и ремонте мебели, заготовке топлива, оборудовании кабинетов и выполнении других хозяйственных работ. Такое участие было связано как с распространенными в начале 1920-х гг. представлениями о трудовом воспитании, так и с практической необходимостью поддерживать здание и материальную базу института в рабочем состоянии.

Трудовое участие студентов не следует сводить исключительно к вынужденной хозяйственной мере. Оно являлось одной из форм студенческой самоорганизации и участия учащихся во внутренней жизни института. Вместе с тем реальные масштабы этой деятельности определялись недостатком денежных средств, оборудования и обслуживающего персонала. Благодаря совместным

усилиям администрации, преподавателей и студентов институт смог начать учебную работу и продолжать ее на протяжении рассматриваемого периода.

ГИНО активно взаимодействовал с научными, образовательными и культурными учреждениями Читы. Преподаватели сотрудничали с Забайкальским отделом Русского географического общества, Краевым музеем имени А.К. Кузнецова, библиотеками и общественными организациями. Они участвовали в работе научных обществ, проводили публичные лекции, организовывали кружки и культурно-просветительские мероприятия. В отдельных случаях институт использовал материальную базу городских учреждений, а его сотрудники принимали участие в их деятельности.

Эти связи способствовали включению ГИНО в научную и общественную жизнь Читы. Институт не ограничивался подготовкой студентов, но выполнял также научные и просветительские функции. Его преподаватели участвовали в изучении истории, географии, экономики, природных ресурсов и культуры Забайкалья и сопредельных территорий. Таким образом, наряду с государственным обеспечением, работе института способствовали профессиональная деятельность преподавателей, участие студенчества и сотрудничество с городскими учреждениями.

Организационное устройство Читинского ГИНО сочетало элементы дореволюционной академической традиции с принципами государственного управления образованием, складывавшимися в Дальневосточной Республике. В институте действовали Совет, Правление, факультетские собрания и предметные комиссии. Профессорско-преподавательский состав принимал непосредственное участие в обсуждении учебных планов, кадровых назначений, организации научной работы и решении хозяйственных вопросов.

Коллегиальные органы управления обеспечивали участие преподавателей в деятельности института и сохраняли ряд организационных норм, характерных для дореволюционной высшей школы. Одновременно ГИНО являлся государственным учебным заведением, подчиненным Министерству народного просвещения ДВР. Его правовое положение, структура, финансирование, порядок

приема и отдельные стороны учебной деятельности определялись государственными нормативными актами и решениями органов управления просвещением.

Особенностью устройства ГИНО являлось участие представителей студенчества в работе некоторых органов управления. Такое участие отражало изменения, происходившие в системе высшего образования после революции. Вместе с тем ведущая роль в организации учебно-воспитательной и научной деятельности сохранялась за профессорско-преподавательским составом. Поэтому развитие системы управления институтом следует рассматривать как сочетание коллегиальных академических органов и усиливавшегося государственного регулирования.

Изменение политических условий постепенно отражалось на положении ГИНО. В период существования Дальневосточной Республики институт обладал определенной самостоятельностью в решении учебных, кадровых и организационных вопросов. После включения территории ДВР в состав РСФСР усилилось влияние советских органов управления образованием, а деятельность вуза стала приводиться в соответствие с общегосударственными требованиями. Эти изменения проявились в порядке комплектования студенческого состава, создании рабочего факультета, пересмотре организационной структуры и усилении контроля со стороны государственных органов.

Исследование показало, что в Читинском ГИНО одновременно применялись различные подходы к формированию студенческого контингента. При поступлении на основные факультеты сохранялись требования к уровню предварительного образования. Абитуриенты должны были представить необходимые документы, а в отдельных случаях пройти проверку знаний. Продолжение обучения зависело от выполнения учебных требований и прохождения контрольной регистрации.

На доступность образования влияла также плата за обучение. Ее размер мог определяться с учетом материального положения учащегося, однако необходимость внесения денежных средств создавала дополнительные трудности.

Для иногородних студентов к стоимости обучения добавлялись расходы на проезд, проживание и питание. В условиях общей экономической нестабильности это ограничивало возможность поступления и продолжения учебы для части населения региона.

Значительное сокращение студенческого контингента было связано с совокупностью причин. Среди них находились невыполнение учебных требований, невозможность внести плату, нехватка средств на проживание, болезни, мобилизации и бытовые трудности. Поэтому высокий уровень выбытия студентов не может рассматриваться только как результат недостатков организации учебного процесса. Он отражал как действие академического отбора, так и сложное материальное положение значительной части учащихся.

Иной порядок комплектования применялся на рабочем факультете. Его основная задача заключалась в подготовке рабочих и крестьян, не имевших достаточного предварительного образования, к поступлению и обучению в высшей школе. Прием осуществлялся преимущественно по направлениям партийных, профсоюзных и советских организаций. Требования к исходному уровню знаний были ниже, чем при поступлении на основные факультеты, поскольку обучение на рабфаке должно было восполнить недостаток общеобразовательной подготовки.

Слушатели рабочего факультета пользовались государственной поддержкой, в том числе получали стипендии. Создание рабфака было связано с проводившейся государством политикой изменения социального состава высшей школы и увеличения числа учащихся из рабочей и крестьянской среды. Таким образом, основные факультеты и рабочий факультет различались по задачам, порядку приема и условиям обучения. Их одновременная деятельность отражала переходный характер высшего образования начала 1920-х гг.

Содержание учебного процесса Читинского ГИНО определялось потребностями Дальневосточной Республики в подготовке специалистов и одновременно сохраняло отдельные элементы дореволюционной академической традиции. В учебных планах института были представлены естественно-научные,

гуманитарные, педагогические и общественные дисциплины. Обучение включало лекции, практические занятия, семинары, лабораторные работы и самостоятельную подготовку студентов.

Важное место в деятельности института занимала подготовка педагогических кадров. Вместе с тем структура ГИНО постепенно расширялась. Создание агрономического факультета было связано с потребностями сельского хозяйства региона, сокращением посевных площадей, уменьшением поголовья скота и нехваткой квалифицированных специалистов. Учебная работа факультета опиралась на лабораторные занятия, использование геодезических приборов, опытной фермы, лесных участков и питомника.

На физико-математическом направлении формировались учебные кабинеты и проводились практические занятия. Наличие оборудования не всегда соответствовало потребностям учебного процесса, однако преподаватели стремились организовать лабораторную и исследовательскую работу. Это позволяет говорить о том, что деятельность института не ограничивалась лекционным преподаванием.

В гуманитарной подготовке сохранялось преподавание российской истории. Значительное внимание уделялось истории и географии Сибири и Дальнего Востока, этнографии, экономике и культурному наследию региона. Курсы В.И. Огородникова, В.Я. Толмачева и других преподавателей отражали интерес к региональной истории и сибиреведению. Студенты привлекались к работе научных кружков и подготовке самостоятельных исследований.

Научная деятельность преподавателей получила отражение в издании «Трудов» и «Известий» ГИНО, работе научных обществ и подготовке публикаций. Институт стал местом деятельности ученых, представлявших различные научные школы. Впоследствии многие сотрудники продолжили работу в крупных научных и образовательных центрах страны. Их дальнейшие профессиональные биографии свидетельствуют о высокой квалификации значительной части профессорско-преподавательского состава ГИНО.

Вместе с тем не следует преувеличивать масштабы научной деятельности института. Она развивалась в условиях нехватки литературы, оборудования и специалистов, а многие проекты не были завершены. Однако выявленные источники показывают, что научная работа являлась самостоятельным направлением деятельности ГИНО и была связана с исследованием Забайкалья, Сибири и Дальнего Востока.

Общественное восприятие института было неоднозначным. В периодической печати открытие ГИНО характеризовалось как важное событие в культурной жизни Читы и развитии образования региона. Газеты сообщали о начале занятий, трудовом участии студентов, публичных лекциях, научной работе и общественных мероприятиях.

Одновременно на страницах печати обсуждались кадровые конфликты, отъезды преподавателей, финансовые сборы, порядок управления и материальные трудности. Отдельные публикации содержали резкие оценки деятельности администрации и профессорско-преподавательского состава. Периодическая печать не только информировала население о работе института, но и становилась площадкой общественной полемики.

Наличие критических публикаций не позволяет устанавливать прямую связь между газетной полемикой и последующим решением о реорганизации вуза. Выявленные документы показывают, что судьба института определялась прежде всего изменением политико-административного положения региона и решениями органов государственной власти. Вместе с тем материалы периодической печати позволяют установить, какие стороны деятельности ГИНО вызывали общественный интерес и как менялось отношение к нему в городской среде.

Прекращение самостоятельной деятельности Читинского ГИНО не являлось прямым следствием его внутренних организационных или материальных трудностей. Несмотря на существовавшие проблемы, институт продолжал учебную и научную работу. В марте 1923 г. он получил статус Читинского государственного университета. Летом того же года руководство готовилось к

новому учебному году, вело переговоры о приглашении преподавателей и предпринимало меры по приобретению оборудования.

Определяющее значение для дальнейшей судьбы вуза имело прекращение существования Дальневосточной Республики и изменение положения Читы. После вхождения ДВР в состав РСФСР город утратил столичный статус, а органы управления высшей школой региона были подвергнуты реорганизации. Региональные органы власти взяли курс на централизацию управления и концентрацию финансовых, кадровых и материальных ресурсов высшей школы во Владивостоке.

Переписка Дальревкома с Главным управлением профессионального образования Наркомпроса РСФСР показывает, что вопрос о судьбе читинского вуза первоначально не был окончательно решен. Центральные органы Наркомпроса РСФСР выступали против объединения читинского и владивостокского университетов и допускали возможность сохранения обоих учебных заведений при финансировании из местного бюджета. Однако позиция Дальревкома, настаивавшего на сокращении расходов и концентрации высшего образования во Владивостоке, оказалась определяющей.

В подготовке реорганизации высших учебных заведений региона участвовал В. И. Огородников, действовавший в качестве уполномоченного Дальревкома по делам высшей школы. Его опыт работы в Чите и последующее назначение ректором Государственного Дальневосточного университета способствовали практическому осуществлению перевода преподавателей, студентов, факультетов и части материальной базы. При этом имеющиеся источники не позволяют связывать решение о прекращении самостоятельной деятельности ГИНО исключительно с личной позицией В. И. Огородникова. Его действия осуществлялись в рамках политики, проводившейся региональными органами власти.

Осенью 1923 г. педагогический и агрономический факультеты, дневное отделение рабочего факультета, часть преподавателей, студентов и оборудования были переведены во Владивосток. Не все учащиеся смогли продолжить обучение.

Часть материальной базы осталась в Чите или была передана другим учреждениям. Сформировавшийся в городе академический коллектив прекратил существование в прежнем составе.

Реорганизация Читинского университета стала административным механизмом ликвидации самостоятельного государственного высшего учебного заведения в Чите: его основные подразделения, часть преподавателей, студентов и материальной базы были переведены во Владивосток. Вместе с тем кадры, студенты и материальные ресурсы института были частично включены в деятельность Государственного Дальневосточного университета. Поэтому события 1923 г. следует рассматривать одновременно как прекращение самостоятельной истории читинского вуза и как перемещение части созданного им образовательного и научного потенциала в другой региональный центр.

Сопоставление Читинского ГИНО с другими высшими учебными заведениями Восточной Сибири, Дальнего Востока и русского зарубежья позволяет точнее определить его место в истории высшего образования региона. Государственный Дальневосточный университет опирался на организационную и материальную базу Восточного института. Русско-Китайский политехнический институт в Харбине был связан с системой Китайско-Восточной железной дороги и располагал более устойчивыми источниками финансирования. Прибайкальский народный университет в значительной степени развивался благодаря общественной и кооперативной инициативе.

Читинский ГИНО отличался тем, что являлся государственным высшим учебным заведением Дальневосточной Республики (и далее Дальневосточной области), созданным в условиях формирования новой системы управления образованием. Его деятельность зависела от государственного регулирования и финансирования, но одновременно поддерживалась усилиями преподавателей, студентов и городских учреждений. Институт сочетал подготовку педагогических кадров с развитием естественно-научных, гуманитарных и агрономических направлений, а также участвовал в научной и культурно-просветительской жизни Читы.

Историческое значение Читинского ГИНО определяется прежде всего его ролью в становлении высшей школы Забайкалья. За непродолжительный период работы институт сформировал органы управления, факультетскую структуру, преподавательский и студенческий коллектив, организовал учебный процесс и развернул научную деятельность. Он стал одним из первых государственных высших учебных заведений региона и способствовал формированию в Чите академической среды.

Опыт ГИНО показывает тесную связь развития высшего образования с политическими и административными преобразованиями начала 1920-х гг. Государственная политика определила условия создания института, его правовой статус и основные направления деятельности. Вместе с тем фактическая работа вуза зависела от профессионального состава преподавателей, участия студенчества, материальных возможностей и взаимодействия с городским сообществом.

Прекращение самостоятельной деятельности института было обусловлено не исчерпанием его образовательных возможностей, а изменением административной системы и государственной политики в отношении высшей школы Дальнего Востока. Это позволяет рассматривать историю Читинского ГИНО как часть более широкого процесса формирования, централизации и реорганизации отечественного высшего образования после Гражданской войны.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с более подробным изучением профессиональных и личных траекторий преподавателей и студентов после 1923 г., установлением судьбы библиотечных, музейных и лабораторных коллекций института, а также поиском источников личного происхождения – писем, дневников, воспоминаний и материалов семейных архивов. Такие документы позволили бы дополнить официальную документацию сведениями о повседневной жизни, мотивах поступления, условиях обучения и восприятии происходивших преобразований самими участниками событий.

Отдельным перспективным направлением может стать сравнительное изучение высших учебных заведений, действовавших в периоды революций,

Гражданской войны, смены политических режимов и нарушения устойчивых административных связей.

Продолжение исследования позволит точнее определить место Читинского ГИНО в истории высшего образования Дальневосточного региона, а также проследить влияние созданной в начале 1920-х гг. академической среды на последующее развитие образования и науки в Чите.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

ВУЗ – Высшее учебное заведение

ГАЗК – Государственный архив Забайкальского края

ГАПК – Государственный архив Приморского края

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

ГАХК – Государственный архив Хабаровского края

ГДПИ – Государственный Дальневосточный педагогический институт им. К.Д. Ушинского
ГДУ – Государственный Дальневосточный университет (Владивосток)

ГИНО – Читинский Государственный институт народного образования

Главпрофобр – Главный комитет профессионально-технического образования Народного комиссариата просвещения

ГубОНО – Губернский отдел народного образования

Дальбюро ЦК РКП(б) – Дальневосточное бюро Центрального Комитета Российской коммунистической партии (большевиков)

Дальревком – Дальневосточный революционный комитет

ДВР – Дальневосточная Республика

ДВСПС – Дальневосточный совет профессиональных союзов

ЗОРГО – Забайкальский отдел Русского географического общества

ИГУ – Иркутский государственный университет

ИНО – Институт народного образования

КВЖД – Китайско-Восточная железная дорога

МНП – Министерство народного просвещения

Наркомпрос – Народный комиссариат просвещения

НРА – Народно-революционная армия

ПНУ – Прибайкальский народный университет

Рабфак – Рабочий факультет

РГАЭ – Российский государственный архив экономики

РГИА ДВ – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока

РКП(б) – Российская коммунистическая партия (большевиков)

РКПИ – Русско-Китайский политехнический институт (Харбин)

РКСМ – Российский коммунистический союз молодежи

РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

ЦК – Центральный комитет

ЧитГУ – Читинский государственный университет (наименование ГИНО с марта 1923 года)

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Архивные материалы, периодические издания, опубликованные и неопубликованные источники

Архивные материалы и неопубликованные источники

1. Бек Анна Николаевна // Фонды Музея истории народного образования Забайкалья.
2. Бекеев Александр Петрович // Личный архив фотографий Лось Андрея Владимировича.
3. Бранке Юлий Владимирович // Личный архив фотографий Лось Андрея Владимировича.
4. Бродский Александр Леонидович // Личный архив фотографий Лось Андрея Владимировича.
5. Брошюра «Что было на Чертовом бугре», изданная А. А. Половинкиным // Фонды Музея истории народного образования Забайкалья.
6. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. 1. Оп. 1. Д. 361.
7. ГАЗК. Ф. 4. Оп. 5. Д. 87.
8. ГАЗК. Ф. П-81. Оп. 1. Д. 509.
9. ГАЗК. Ф. Р-32. Оп. 1. Д. 6.
10. ГАЗК. Ф. Р-85. Оп. 2. Д. 4.
11. ГАЗК. Ф. Р-1448. Оп. 1. Д. 1.
12. ГАЗК. Ф. Р-1448. Оп. 1. Д. 35.
13. ГАЗК. Ф. Р-85. Оп. 2. Д. 5.
14. ГАПК (Государственный архив Приморского края) Ф. Р-117. Оп. 4. Д. 4. Л. 45.
15. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. А-1565. Оп. 3 Д. 267.
16. ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 6 Д. 258.
17. ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 1. Д. 1947.

18. ГАХК (Государственный архив Хабаровского края). Ф. 58. Оп. 1. Д. 7.
19. Дорман Иван Евстигнеевич // Личный архив фотографий Лось Андрея Владимировича.
20. Забайкальское общество любителей астрономии // Фонды Забайкальского краевого краеведческого музея имени А. К. Кузнецова.
21. Захваткин Виктор Алексеевич // Личный архив фотографий Лось Андрея Владимировича.
22. Зачетная книжка ГИНО студентки Сажиной Веры Петровны // Фонды Музея истории народного образования Забайкалья.
23. Ишерский Владимир Иванович // Личный архив фотографий Лось Андрея Владимировича.
24. Копия телеграммы из Читы от 15 ноября 1922 года на имя Предгубревкома // Фонды Музея истории народного образования Забайкалья.
25. Кузьмич Федор Иосифович // Личный архив фотографий Лось Андрея Владимировича.
26. Личный архив фотографий Лось Андрея Владимировича.
27. Маслов Петр Павлович // Фонды Музея археологии Забайкалья имени И. И. Кириллова.
28. Огородников Владимир Иванович // Фонды Музея истории народного образования Забайкалья.
29. Паспортная книжка Вадима Сергеевича Хорынского преподавателя по ручному труду ГИНО (1915 г.) // Экспонат в экспозиции музея истории УМВД России по Забайкальскому краю, посвященной теме политических репрессий в СССР (1917–1991).
30. Печать Государственного института народного образования // Реконструкция В. В. Резникова.
31. Половинкин Александр Александрович // Фонды Музея археологии Забайкалья имени И. И. Кириллова.
32. РГАЭ (Российский государственный архив экономики). Ф. 478. Оп. 5. Д. 9060.

33. РГИА ДВ (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока). Ф. 2422. Оп. 1. Д. 294.
34. Сотрудники Читинского музея. 1923–1924 гг. // Фонды Забайкальского краевого краеведческого музея имени А. К. Кузнецова.
35. Союзов Николай Иванович // Фонды Забайкальского краевого краеведческого музея имени А. К. Кузнецова.
36. Студентка ГИНО Сажина Вера Петровна // Фонды Музея истории народного образования Забайкалья.
37. Фонды Музея археологии Забайкалья имени И. И. Кириллова.
38. Фонды Музея истории народного образования Забайкалья.

Периодические издания и опубликованные источники

39. Аникина, Э. Э. Памятники растительности Пермской области / Э. Э. Аникина // Беречь природу Прикамья. – Пермь, 1966. – Вып. 1. – С. 43.
40. Библиотека ИНО // Дальне-Восточный телеграф. – 1921. – № 35. – 13 сентября. – С. 5.
41. Богашев Капитон Михайлович [Электронный ресурс] // Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области / сост. и отв. ред. С. А. Папков. – Новосибирск, 2014. – Вып. 4. – Режим доступа: https://nkvd.tomsk.ru/content/editor/Knigi%20Pamati/Nowosib._obl/4-Kniga-Pamyati-Novosibirskoj-obl-Tom-4.pdf (дата обращения: 18.02.2026).
42. Бюллетень Министерства народного просвещения Дальневосточной Республики. – Чита, 1922. – № 1. – 20 с.
43. Бюллетень Министерства народного просвещения Дальневосточной Республики. – Чита, 1922. – № 2. – 16 с.
44. Бюллетень Министерства народного просвещения Дальневосточной Республики. – Чита, 1922. – № 3. – 8 с.
45. Бюллетень Министерства народного просвещения Дальневосточной Республики. – Чита, 1922. – № 4. – 16 с.
46. Бюллетень Министерства народного просвещения Дальневосточной Республики. – Чита, 1922. – № 5. – 16 с.

47. Бюллетень Министерства народного просвещения Дальневосточной Республики. – Чита, 1922. – № 6. – 16 с.
48. Бюллетень Министерства народного просвещения Дальневосточной Республики. – Чита, 1922. – № 7. – 16 с.
49. Бюллетень Министерства народного просвещения Дальневосточной Республики. – Чита, 1922. – № 8. – 20 с.
50. Бюллетень Министерства народного просвещения Дальневосточной Республики. – Чита, 1922. – № 9. – 18 с.
51. В защиту ИНО // Дальневосточный путь. – 1922. – № 64. – 19 февраля. – С. 5.
Нет сноски
52. В защиту ИНО // Дальне-Восточный телеграф. – 1922. – № 166. – 25 февраля. – С. 3.
53. В Институте Народного Образования // Дальне-Восточный телеграф. – 1921. – № 27. – 3 сентября. – С. 6.
54. В учебных заведениях. В ИНО. Об интенсивности работы на факультетах // Дальне-Восточный телеграф. – 1921. – № 53. – 6 октября. – С. 6.
55. В учебных заведениях. ИНО. О разрядах вознаграждения преподавателей // Дальне-Восточный телеграф. – 1922. – № 170. – 2 марта. – С. 3.
56. В учебных заведениях. ИНО. Плата со студентов ИНО // Дальне-Восточный телеграф. – 1922. – № 170. – 2 марта. – С. 3.
57. В учебных заведениях. О сельско-хозяйственном отделении при ИНО // Дальне-Восточный телеграф. – 1922. – № 207. – 19 апреля. – С. 6.
58. В учебных заведениях. Трудовая самоорганизация студентов // Дальне-Восточный телеграф. – 1921. – № 43. – 23 сентября. – С. 6.
59. В Читинских учебных заведениях. Институт народного образования // Дальне-Восточный телеграф. – 1921. – № 35. – 13 сентября. – С. 6.
60. В читинском И.Н.О. // Правительственная газета ДВР. – 1921. – № 309. – 28 июня. – С. 4–5.
61. Вестник просвещения : журнал Министерства народного просвещения ДВР. – 1921. – Кн. 1. – 92 с.

62. Вестник просвещения : журнал Министерства народного просвещения ДВР. – 1921. – Кн. 2. – 91 с.
63. Вестник просвещения : журнал Министерства народного просвещения ДВР. – 1921. – № 3–4. – 122 с.
64. Вестник просвещения : журнал Министерства народного просвещения ДВР. – 1922. – Кн. 1. – 164 с.
65. Вестник просвещения : журнал Министерства народного просвещения ДВР. – 1922. – Кн. 2. – 182 с.
66. Вестник Просвещения : журнал Министерства Народного Просвещения ДВР. – 1922. – № 2.
67. Вестник Просвещения : журнал Министерства народного просвещения ДВР [Электронный ресурс] // Российская государственная библиотека. – Режим доступа: <https://search.rsl.ru/ru/record/01007493402> (дата обращения: 15.03.2026).
68. Вестник просвещения: журнал Министерства народного просвещения ДВР. – 1921. – № 2.
69. Вестник просвещения: журнал Министерства народного просвещения ДВР. – 1922. – № 1.
70. Вся Чита и Забайкалье : торгово-промышленный справочник-путеводитель. – Чита, 1923. – 67 с.
71. Вуд, Д. Б. Дальневосточная республика (Заметки американского путешественника о Чите 1920-х гг.) / Д. Б. Вуд // Переводчик. – 2001. – № 3. – С. 72–76.
72. Дальне-Восточная Республика (Статистический обзор) // Прибайкальский календарь на 1922 год. – Верхнеудинск : Книгоиздательство Объединенного Прибайкальского Союза Кооперативов, 1922. – С. 33.
73. Дальне-Восточная Республика : орган Правительства Дальне-Восточной Республики. – 1921. – № 264. – 24 апреля.
74. Дальне-Восточная Республика : орган Правительства Дальне-Восточной Республики. – 1921. – № 294. – 3 июня.

75. Дальне-Восточная Республика : орган Правительства Дальне-Восточной Республики. – 1921. – № 303. – 22 июня.
76. Дальне-Восточная Республика : орган Правительства Дальне-Восточной Республики. – 1921. – № 309. – 28 июня.
77. Дальне-Восточный телеграф. – 1921. – № 33. – 11 сентября. – С. 5.
78. Декрет о правилах приема в высшие учебные заведения РСФСР от 2 августа 1918 г. [Электронный ресурс] // Электронная библиотека исторических документов (ЭБИД) : сайт. – Режим доступа: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/12389-2-avgusta-dekret-o-pravilah-priema-v-vysshie-uchebnye-zavedeniya-rsfsr> (дата обращения: 05.10.2025).
79. Декрет СНК об организации Главного комитета профессионально-технического образования в составе Народного комиссариата просвещения от 29 января 1920 г. [Электронный ресурс] // Электронная библиотека исторических документов (ЭБИД) : сайт. – Режим доступа: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/16708> (дата обращения: 05.10.2025).
80. Декрет Совета Народных Комиссаров о рабочих факультетах от 17 сентября 1920 г. [Электронный ресурс] // Электронная библиотека исторических документов (ЭБИД) : сайт. – Режим доступа: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/158346-dekret-soveta-narodnyh-komissarov-o-rabochih-fakultetah-17-sentyabrya-1920-g> (дата обращения: 05.10.2025).
81. Закон «Об отводе в пользование Агрономическому факультету ГИНО в культурно-просветительских целях лесных дач и питомника в Забайкальской области» от 14 сентября 1922 года // Бюллетень Министерства народного просвещения Дальневосточной Республики. Чита, 1922. – № 8. – С. 3–4.
82. Закон об установлении Положения о Государственном Институте Народного Образования в г. Чите // Вестник просвещения : журнал Министерства народного просвещения ДВР. – 1921. – № 3–4. – С. 14–20.
83. Закон Правительства ДВР об утверждении штатов служащих ГИНО от 4 сентября 1922 г // Бюллетень Министерства народного просвещения Дальневосточной Республики. Чита, 1922. – № 9.

84. Из воспоминаний Павла Ивановича Попова (к 75-летию физфака) [Электронный ресурс] // Физический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова. – Режим доступа: [https://phys.msu.ru/rus/about/sovphys/ISSUES-2008/6\(67\)-2008/8393/](https://phys.msu.ru/rus/about/sovphys/ISSUES-2008/6(67)-2008/8393/) (дата обращения: 10.03.2026).
85. Известия Государственного института народного образования в г. Чите. – Чита : Типография Забайкальского губернского союза кооперативов, 1923. – Кн. 1 : Январь 1923 года. – 605 с.
86. Известия кафедры прибайкальеведения при Прибайкальском народном университете. – Верхнеудинск, 1921. – № 1. – Июль. – С. 15–20.
87. Известия кафедры прибайкальеведения при Прибайкальском народном университете. – Верхнеудинск, 1921. – С. 3–6.
88. ИНО фронту // Дальне-Восточный телеграф. – 1922. – № 158. – 15 февраля. – С. 3.
89. Иольсон, Л. Государственный Дальневосточный университет в его прошлом и настоящем / Л. Иольсон // По Советскому Союзу. – 1925. – С. 56–59.
90. История Дальневосточного Государственного университета в документах и материалах. 1899–1939 гг. / сост. Н. А. Троицкая, А. А. Торопов. – Владивосток : Издательство Дальневосточного университета, 1999. – 628 с.
91. К исчезновению профессора Никифорова // Дальне-Восточный телеграф. – 1921. – № 97. – 27 ноября. – С. 3.
92. К сведению лиц, поступающих в студенты ИНО // Дальне-Восточный телеграф. – 1921. – № 23. – 30 августа. – С. 4.
93. Камены : сборник историко-литературного кружка при Государственном институте народного образования в г. Чите [Электронный ресурс] // Российская государственная библиотека. – Режим доступа: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01009041517?page=1&rotate=0&theme=white> (дата обращения: 15.03.2026).
94. Карта города Читы 1923 г. [Электронный ресурс] // Государственный архив Забайкальского края : сайт. – Режим доступа: <http://www.gku-gazk.ru/index.php/podpunkty-2/karty> (дата обращения: 05.10.2025).

95. Лебедева, Е. Г. Моя жизнь. Воспоминания (1910–1986 гг.) / Е. Г. Лебедева. – Владивосток, 1994. – С. 49–50.
96. Ненадкевич Константин Автономович [Электронный ресурс] // Информационная система Архивы Российской академии наук. – Режим доступа: <https://isaran.ru/?q=ru/person&guid=624990E3-F013-58F3-5733-E5C650280891&ysclid=mrk9tiwsnt334555784> (дата обращения: 20.02.2026).
97. Никифоров, Н. И. Меняющийся Китай / Н. И. Никифоров // Вестник китайского права : журнал, посвященный изучению источников и анализу институтов китайского права. – Харбин, 1931. – Сб. 1 (январь – март). – С. 317–321.
98. Никифоров, П. М. Записки премьера ДВР: Победа ленинской политики в борьбе с интервенцией на Дальнем Востоке (1917–1922 гг.) / П. М. Никифоров. – 2-е изд., перераб. – М. : Политиздат, 1974. – 191 с.
99. Об объединении Российской Социалистической Федеративной Советской Республики с Дальне-Восточной Республикой : декрет ВЦИК от 15 ноября 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. – 1923. – № 1. – Ст. 2.
100. О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР : Декрет СНК от 26 декабря 1919 г. // Декреты советской власти : в 18 т. / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Институт истории АН СССР. – М. : Политиздат, 1973. – Т. 6 : 1 августа – 9 декабря 1919 г. – С. 401–404.
101. Об учреждении Рабочего факультета в составе Государственного Института народного образования в г. Чите // Бюллетень Министерства народного просвещения Дальневосточной Республики. Чита, 1922. – № 8. – С. 1.
102. Обращение ректора ИНО О вакантных должностях на гуманитарном факультете // Дальне-Восточный телеграф. – 1921. – № 62. – 16 октября. – С. 4.
103. Общественная жизнь в ИНО // Дальне-Восточный телеграф. – 1921. – № 109. – 11 декабря. – С. 4.
104. Общественная жизнь. Выборы в ИНО // Дальне-Восточный телеграф. – 1922. – № 156. – 12 февраля. – С. 5.

105. Общественная жизнь. К организации Философского общества при ИНО // Дальне-Восточный телеграф. – 1921. – № 96. – 26 ноября. – С. 3.
106. Общественная жизнь. О регламенте Общих собраний студентов ИНО // Дальне-Восточный телеграф. – 1921. – № 7. – 29 октября. – С. 6.
107. Общественная жизнь. Чистка в ИНО // Дальне-Восточный телеграф. – 1921. – № 118. – 25 декабря. – С. 6.
108. Огородников, В. И. Основы строительства высшей школы. Высшая школа Республики / В. И. Огородников // Дальне-Восточный телеграф. – 1921. – № 53. – 6 октября. – С. 5.
109. Оклады профессорам ИНО // Дальне-Восточный телеграф. – 1921. – № 19. – 25 августа. – С. 4.
110. Основной закон (Конституция) Дальне-Восточной республики : утвержден Учредительным собранием Дальнего Востока 27-го апреля 1921 г. – Владивосток, 1921. – 72 с.
111. От редакции // Дальне-Восточный телеграф. – 1921. – Прибавление к № 45. – 25 сентября. – С. 4.
112. От ректора ГИНО. О вакантных кафедрах и ставках оплаты труда // Дальне-Восточный телеграф. – 1922. – № 174. – 7 марта. – С. 4.
113. Отчет о состоянии и деятельности ГИНО в Чите за 1921–1922 академический год. – Чита, 1922.
114. Отчет о состоянии и деятельности Государственного института народного образования в Чите. Чита, 1922 // ГАЗК. Фонд краеведения. № 165968. С. 16.
115. По нашим учреждениям // Дальневосточная республика. – 1920. – № 10. – С. 2.
116. Постановление Правительства ДВР об учреждении Читинского института народного образования – 15 апреля 1921 года // Культурное строительство на Дальнем Востоке (1917-1941 гг.) : Документы и материалы / сост. Л. П. Блещавенко и др.; предисл. М. С. Кузнецова. – Владивосток : Дальневост. кн. изд-во, 1982. – 495 с.

117. Половинкин, А. А. Общее землеведение : Курс лекций, чит. студентам Гос. Читинск. ун-та / А. А. Половинкин. – Чита ; Владивосток : Госкнига, 1923. – 343 с.
118. Положение о высших учебных заведениях РСФСР : Декрет СНК от 2 сентября 1921 г. // Декреты советской власти : в 18 т. / Российская академия наук, Институт всеобщей истории, Федеральное архивное агентство, Российский государственный архив социально-политической истории. – М. : Политиздат, 2007. – Т. 17 : Сентябрь 1921 г. – С. 137–146.
119. Положение о Государственном Институте Народного Образования // Вестник просвещения: журнал Министерства народного просвещения ДВР. – 1921. – № 3–4.
120. Положение об Ученом Совете // Вестник просвещения: журнал Министерства народного просвещения ДВР. – 1921. – № 2.
121. Почтовая карточка 1910-1919 гг. с изображением здания Государственного института народного образования.
122. Правительственная газета ДВР. – 1921. – № 264. – 24 апреля. – С. 6.
123. Правительственная газета ДВР. – 1921. – № 303. – 22 июня. – С. 3.
124. Прибайкальский календарь на 1922 год. – Верхнеудинск : Книгоиздательство Объединенного Прибайкальского Союза Кооперативов, 1921. – 126 с.
125. Приказ Министра народного просвещения ДВР от 16 августа 1921 г. № 119 // Вестник просвещения : журнал Министерства народного просвещения ДВР. – 1921. – № 3–4. – С. 24.
126. Реформы в Сов. России // Дальневосточная республика. – 1920. – № 183. – С. 2.
127. Собрание студентов ИНО // Дальне-Восточный телеграф. – 1921. – № 23. – 30 августа. – С. 4.
128. Собрание студентов ИНО // Дальне-Восточный телеграф. – 1921. – № 54. – 7 октября. – С. 6.
129. Собрание узаконений и распоряжений правительства Дальневосточной республики. – Чита, 1922. – № 2.

130. Справочный отдел. О фракции студентов ИНО Е.С.Д.Р.П. (Поалей Цион) // Дальне-Восточный телеграф. – 1921. – № 64. – 19 октября. – С. 5.
131. Справочный отдел. Помощь служащих ИНО // Дальне-Восточный телеграф. – 1922. – № 212. – 25 апреля. – С. 5.
132. Статистический ежегодник. 1923–1925 гг. : в 2 ч. – Хабаровск : Типография «Тихоокеанская звезда», 1926. – Ч. 1 : Очерки культурного и экономического состояния Дальневосточного края. – С. 18–21.
133. Торжественное открытие ИНО // Дальне-Восточный телеграф. – 1921. – № 59. – 13 октября. – С. 5.
134. Труды Государственного Института Народного Образования в г. Чите. – Вып. 1. – Чита : Типография Забайкальского губкома РКП, 1922.
135. Университетский устав 1863 года. – СПб : Типография Огризко, 1863. – 163 с.
136. Условия поступления в ИНО // Дальне-Восточный телеграф. – 1921. – № 4. – 6 августа. – С. 5–6.
137. Учебное дело. В ИНО // Дальне-Восточный телеграф. – 1921. – № 14. – 18 августа ; № 31. – 8 сентября. – С. 6.
138. Учебное дело. Заготовка дров ИНО // Дальне-Восточный телеграф. – 1921. – № 8. – 11 августа. – С. 6.
139. Харчевников Александр Васильевич [Электронный ресурс] // База данных жертв политических репрессий в СССР (1917–1991 гг.) «Открытый список». – Режим доступа: [https://ru.openlist.wiki/Харчевников_Александр_Васильевич_\(1889\)](https://ru.openlist.wiki/Харчевников_Александр_Васильевич_(1889)) (дата обращения: 19.03.2026).
140. Художник Н. С. Задорожный. Автопортрет, исполненный карандашом [Электронный ресурс] // Рубеж. – Харбин. – 1932. – № 10 (215). – Режим доступа: <https://artrz.ru/download/1804783740/1805172601/1> (дата обращения: 18.02.2026).

Литература

Монографии, сборники, статьи в периодических изданиях

141. Алексеенко, Л. П. Всеволод Антонович Малаховский / Л. П. Алексеенко // Малая энциклопедия Забайкалья. Наука и образование : в 2 ч. / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. – Новосибирск : Наука, 2011. – Ч. 1 : А–К. – С. 502.
142. Андреев, Д. А. Пролетаризация высшей школы: «Новый студент» как инструмент образовательной политики / Д. А. Андреев // Расписание перемен: очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы) / отв. ред. А. Н. Дмитриев. М. : Новое литературное обозрение, 2012. – С. 495-505.
143. Алкин, С. В. Толмачев В. Я. [Электронный ресурс] / С. В. Алкин // Энциклопедия Забайкалья. – Режим доступа: <https://ez.chita.ru/encycl/person/?id=6181> (дата обращения: 20.02.2026).
144. Баранова, Е. А. Культура Читы в годы ДВР / Е. А. Баранова // ДВР и завершающий этап гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Чита, 3 ноября 2020 г.) / отв. ред. Е. В. Дроботушенко и др. – Чита : ЗабГУ, 2020. – С. 97–100.
145. Баринов, А. О. Первый настоящий вуз Забайкалья [Электронный ресурс] / А. О. Баринов // Забайкальский рабочий. – 2021. – 17 октября. – Режим доступа: <https://zabrab75.ru/articles/obshhestvo/pervyj-nastoyashhij-vuz-zabajkalya/> (дата обращения: 20.02.2026).
146. Баринов, А. О. Попытка строительства государственности в «российской восточной окраине» и ее крах / А. О. Баринов // ДВР и завершающий этап гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Чита, 3 ноября 2020 г.) / отв. ред. Е. В. Дроботушенко и др. – Чита : ЗабГУ, 2020. – С. 12–15.
147. Белоглазова, С. Б. Политика Дальневосточной республики в сфере образования [Электронный ресурс] / С. Б. Белоглазова // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. – 2018. – № 19. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-dalnevostochnoy-respubliki-v-sfere-obrazovaniya> (дата обращения: 12.04.2025).

148. Борисов, Ю. С. Подготовка производственных кадров сельского хозяйства СССР в реконструктивный период / Ю. С. Борисов. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – 286 с.
149. Бумбар, М. Э. Становление и развитие сельскохозяйственного образования на Дальнем Востоке и Забайкалье (вторая половина XIX в. – 30-е годы XX в.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Бумбар Марина Эдуардовна. – Владивосток, 2002. – 276 с.
150. Ван, Юе. История вузовского китаеведения на Дальнем Востоке России: 1920–1930-е гг. : дис. ... канд. ист. наук : 5.6.1 / Ван Юе. – Владивосток, 2023. – 238 с.
151. Василевский, В. И. Борьба за власть Советов в Восточном Забайкалье / В. И. Василевский, Г. В. Грунин, В. Г. Изгачев и др. ; отв. ред. В. И. Василевский. – Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1967. – 365 с.
152. Василевский, В. И. Забайкальская белая государственность в 1918–1920 годах : Краткие очерки истории / В. И. Василевский. – Чита : Поиск, 2000. – 182 с.
153. Васильева, Е. В. Научные кадры Дальнего Востока на этапе вторичной институционализации отечественной науки : в 2 ч. / Е. В. Васильева. – Владивосток : Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2017. – Ч. 1. Структурно-когнитивный компонент. – 406 с.
154. Васильева, Е. В. Научные кадры Дальнего Востока на этапе вторичной институционализации отечественной науки : в 2 ч. / Е. В. Васильева. – Владивосток : Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2019. – Ч. 2. Акционистский компонент. – 438 с.
155. Войтеховская, М. П. Законодательные инициативы по реформированию педагогического образования на Дальнем Востоке в 1918–1922 гг. / М. П. Войтеховская, С. А. Кочурина // Научно-педагогическое обозрение. – 2021. – № 1 (35). – С. 152–166.
156. Войтеховская, М. П. Формирование сети педагогических учебных заведений в Сибири и на Дальнем Востоке в условиях советской модернизации образования и введения всеобщего обучения в 1917 – начале 1930-х гг. [Электронный ресурс] /

М. П. Войтеховская, С. А. Кочурина // Научно-педагогическое обозрение (Pedagogical Review). – 2022. – Вып. 6 (46). – Режим доступа:

<https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-seti-pedagogicheskikh-uchebnyh-zavedeniy-v-sibiri-i-na-dalnem-vostoke-v-usloviyah-sovetskoy-modernizatsii-obrazovaniya> (дата обращения: 10.03.2025).

157. Высшая школа и научно-педагогические кадры Сибири (1917–1941 гг.) / АН СССР, Сибирское отделение, Институт истории, филологии и философии ; отв. ред. В. Л. Соскин. – Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1980. – 368 с.

158. Дальневосточный государственный университет. История и современность. 1899–1999 / ред. кол. В. И. Курилов, Э. В. Ермакова и др. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. – 704 с.

159. Дворниченко, Н. Е. Их путь начинался в Забайкалье : историко-биографические очерки / Н. Е. Дворниченко. – Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1973. – 103 с.

160. Дроботушенко, Е. В. Особенности эвакуации из Читы в преддверии создания Дальневосточной республики / Е. В. Дроботушенко // ДВР и завершающий этап гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Чита, 3 ноября 2020 г.) / отв. ред. Е. В. Дроботушенко и др. – Чита : ЗабГУ, 2020. – С. 61–65.

161. Дроботушенко, Н. Е. Азадовский Марк Константинович / Н. Е. Дроботушенко // Малая энциклопедия Забайкалья. Наука и образование : в 2 ч. / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. – Новосибирск : Наука, 2011. – Ч. 1. – С. 68.

162. Дроботушенко, Н. Е. Государственный институт народного образования / Н. Е. Дроботушенко // Малая энциклопедия Забайкалья: Наука и образование : в 2 ч. / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. – Новосибирск : Наука, 2011. – Ч. 1. – С. 246–247.

163. Дроботушенко, Н. Е. Захваткин Виктор Алексеевич / Н. Е. Дроботушенко // Малая энциклопедия Забайкалья. Наука и образование : в 2 ч. / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. – Новосибирск : Наука, 2011. – Ч. 2. – С. 334.

164. Дроботушенко, Н. Е. Из истории создания Читинского института народного образования / Н. Е. Дроботушенко // Народное образование Забайкалья: история и опыт : сборник материалов научной конференции. – Чита : Поиск : ЗабГПУ, 2000. – С. 101–105.
165. Дроботушенко, Н. Е. Институт народного образования Дальневосточной республики / Н. Е. Дроботушенко // Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет имени Н. Г. Чернышевского. История и современность: 1938–2008. – Чита : ЗабГГПУ, 2008. – С. 8–26.
166. Дроботушенко, Н. Е. Ишерский Владимир Иванович / Н. Е. Дроботушенко // Малая энциклопедия Забайкалья. Наука и образование : в 2 ч. / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. – Новосибирск : Наука, 2011. – Ч. 1. – С. 382.
167. Дроботушенко, Н. Е. Маслов Петр Павлович / Н. Е. Дроботушенко // Малая энциклопедия Забайкалья. Наука и образование : в 2 ч. / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. – Новосибирск : Наука, 2011. – Ч. 1. – С. 508.
168. Дроботушенко, Н. Е. Ненадкевич Константин Автономович / Н. Е. Дроботушенко // Малая энциклопедия Забайкалья. Наука и образование : в 2 ч. / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. – Новосибирск : Наука, 2011. – Ч. 2. – С. 30.
169. Дроботушенко, Н. Е. Огородников Владимир Иванович / Н. Е. Дроботушенко // Малая энциклопедия Забайкалья. Наука и образование : в 2 ч. / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. – Новосибирск : Наука, 2011. – Ч. 2. – С. 66.
170. Жеребцов, Г. А. Харчевников А.В. [Электронный ресурс] / Г. А. Жеребцов, Н. Н. Закаблуковская // Энциклопедия Забайкалья. – Режим доступа: <https://ez.chita.ru/encycl/concepts/?id=7271> (дата обращения: 02.03.2026).
171. Жеребцов, Г. А. Без краеведения мы бессильны / Г. А. Жеребцов // Новое Забайкалье. – 1998. – № 23–25.
172. Зобнин, Ю. В. Очерк истории создания государственного университета в Иркутске (к 90-летию Иркутского государственного медицинского университета) [Электронный ресурс] / Ю. В. Зобнин // Сибирский медицинский журнал. – 2008. – № 8. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ocherk-istorii-sozdaniya->

[gosudarstvennogo-universiteta-v-irkutske-k-90-letiyu-irkutskogo-gosudarstvennogo-meditsinskogo-universiteta](#) (дата обращения: 21.10.2025).

173. Зуев, С. Э. Университет. Хранитель идеального: Нечаянные эссе, написанные в уединении / С. Э. Зуев ; предисл. А. Зорина. – М. : Новое литературное обозрение, 2022. – 264 с.

174. Иванков, В. Н. Г.У. Линдберг и ихтиология на Дальнем Востоке / В. Н. Иванков // Биология моря. – 2000. – Т. 26. – № 1. – С. 69–71.

175. Иванов, С. А. Проблемы интеграции в сфере высшего образования на территории Забайкалья в 20-е гг. XX в. [Электронный ресурс] / С. А. Иванов, М. Н. Фомина, А. В. Жуков // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2012. – № 12 (91). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemny-integratsii-v-sfere-vysshego-obrazovaniya-na-territorii-zabaykalya-v-20-e-gg-hh-v-1> (дата обращения: 01.11.2024).

176. Иванова, Л. Б. История формирования основ высшего образования в Бурятии [Электронный ресурс] / Л. Б. Иванова // Исторический журнал: научные исследования. – 2021. – № 3. – Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35739 (дата обращения: 26.02.2026).

177. Ильяшенко Федор Евгеньевич [Электронный ресурс] // Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917-1991). – Режим доступа: <https://memory.pvost.org/pages/ilijashenko.html> (дата обращения: 20.02.2026).

178. Институты народного образования (ИНО) // Сибирская советская энциклопедия : в 4 т. / под общ. ред. М. К. Азадовского, С. А. Алыпova, А. А. Ансона и др. – М. ; Новосибирск : Западно-Сибирское отделение ОГИЗ, 1931. – Т. 2 : 3–К. – С. 282.

179. История Бурятии : в 3 т. / гл. ред. Б. В. Базаров. – Улан-Удэ : Издательство БНЦ СО РАН, 2011. – Т. III : XX–XXI вв. – 464 с.

180. История Дальнего Востока России : от эпохи первобытного общества до конца XX века. – Владивосток : Дальнаука, 2003. – Т. 3. – Кн. 1 : Дальний Восток

России в период революций 1917 года и Гражданской войны / отв. ред. Б. И. Мухачев. – 632 с.

181. История Дальнего Востока России / под общ. ред. В. Л. Ларина ; отв. ред. Л. И. Галлямова ; Российская академия наук, Дальневосточное отделение, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. – Владивосток : Дальнаука, 2018. – Т. 3. – Кн. 2 : Дальний Восток России в эпоху советской модернизации: 1922 – начало 1941 года. – 656 с.

182. История Сибири с древнейших времен до наших дней : в 5 т. / гл. ред. А. П. Окладников, В. И. Шунков ; отв. ред. тома И. М. Разгон. – Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1968. – Т. 4 : Сибирь в период строительства социализма. – 502 с.

183. Казначеева, В. А. Социальная адаптация студентов к обучению в образовательной среде вуза [Электронный ресурс] / В. А. Казначеева // Научные труды Московского гуманитарного университета. – 2023. – № 4. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-adaptatsiya-studentov-k-obucheniyyu-v-obrazovatelnoy-srede-vuza> (дата обращения: 12.11.2025).

184. Карелова, Е. В. Организация и развитие высшего профессионального исторического образования на Дальнем Востоке России в 1918–1993 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 5.6.1 / Карелова Елена Викторовна. – Владивосток, 2023. – 264 с.

185. Карманова, Е. Д. Университетский устав 1884 г. как исторический источник / Е. Д. Карманова // Молодой ученый. – 2017. – № 16 (150). – С. 375–377.

186. Клименко, Т. К. Развитие и становление педагогической науки в Забайкалье / Т. К. Клименко, А. В. Рогова // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. – 2009. – № 5. – С. 46–66.

187. Ковальченко, И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко ; Отделение историко-филологических наук. – 2-е изд., доп. – М. : Наука, 2003. – 486 с.

188. Кондратенко, В. А. Становление и развитие женского гимназического образования в г. Чите (1893–1921) [Электронный ресурс] / В. А. Кондратенко //

Гуманитарный вектор. – 2021. – № 6. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-razvitie-zhenskogo-gimnazicheskogo-obrazovaniya-v-g-chite-1893-1921> (дата обращения: 13.11.2025).

189. Константинов, А. В. У истоков педагогического образования в Забайкалье: Читинский учительский институт (1917–1921 гг.) / А. В. Константинов, И. Н. Мамкина // Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет имени Н. Г. Чернышевского. История и современность: 1938–2008. – Чита : ЗабГГПУ, 2008. – С. 3–7.

190. Константинов, А. В. Государственный институт народного образования в Чите: к 100-летию высшего образования в Забайкалье / А. В. Константинов // Приграничный регион в историческом развитии: партнерство и сотрудничество : материалы международной научно-практической конференции (Чита, 17 сентября 2021 г.). – Чита : ЗабГУ, 2021. – С. 78–82.

191. Константинов, А. В. История Забайкалья (1917–1922 годы) : учебное пособие. – 2-е изд. / А. В. Константинов, Н. Н. Константинова ; Забайкальский государственный университет. – Чита : Экспресс-типография, 2017. – 192 с.

192. Константинов, А. В. История Забайкалья (с древнейших времен до 1917 г.) : учебное пособие / А. В. Константинов, Н. Н. Константинова ; Забайкальский государственный университет. – 3-е изд. испр. и доп. – Чита : ЗабГУ, 2017. – 310 с.

193. Константинов, А. В. У истоков педагогического образования в Забайкалье: семинарский период / А. В. Константинов, И. Н. Мамкина // Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет имени Н. Г. Чернышевского. История и современность: 1938–2008. – Чита : ЗабГГПУ, 2008. – С. 3–7.

194. Константинов, М. В. Провинциальная археология / М. В. Константинов. – Чита : ЗабГГПУ, 2008. – 295 с.

195. Константинова, Н. Н. Краеведческий музей в Чите : история (1894–1970-е годы) / Н. Н. Константинова. – Чита : ЗабГУ ; Улан-Удэ : Республиканская типография, 2020. – 208 с.

196. Костюченко, Ю. С. Из истории Читинского педагогического техникума (1920–1930-е гг.) / Ю. С. Костюченко // Чита историческая / отв. ред. М. В. Константинов, А. И. Лыцусь ; Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т. – Чита, 2009. – С. 105–108.
197. Кочурина, С. А. История образования в Сибири и на Дальнем Востоке в условиях реализации государственной политики по введению всеобщего начального обучения в 1917 – начале 1930-х гг. : монография / С. А. Кочурина. – Томск : ТГПУ, 2022. – 354 с.
198. Кочурина, С. А. История педагогического образования в Сибири и на Дальнем Востоке в условиях реализации государственной политики по введению всеобщего начального обучения в 1917 – начале 1930-х гг. : монография / С. А. Кочурина ; под науч. ред. М. П. Войтеховской ; Министерство просвещения Российской Федерации, Томский государственный педагогический университет. – Томск : Издательство Томского государственного педагогического университета, 2022. – 353 с.
199. Красноярский институт народного образования [Электронный ресурс] // КГКУ «Государственный архив Красноярского края» : официальный сайт. – Раздел «Информация о памятных событиях». – Режим доступа: <https://красноярские-архивы.рф/gosudarstvennyi-arkh/users/informatsiya-o-pamyatnykh-sobytiyakh/441> (дата обращения: 07.05.2026).
200. Крестьянство Дальнего Востока СССР XIX – XX вв. : очерки истории / под общ. ред. А. И. Крушанова. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1991. – 414 с.
201. Кузнецов, М. С. Дальневосточная партийная организация в борьбе за осуществление задач культурной революции (1928–1937 гг.) / М. С. Кузнецов. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1971. – 280 с.
202. Курасов, С. А. Институты народного образования – первый советский эксперимент в сфере высшего образования / С. А. Курасов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и

искусствоведение. Вопросы теории и практики : в 3 ч. – Тамбов : Грамота, 2014. – № 5 (43). – Ч. II. – С. 116–119.

203. Куриленко, И. В. Из истории Читы 20-х гг. XX в. / И. В. Куриленко // Чита историческая / отв. ред. М. В. Константинов, А. И. Лыцусь ; Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т. – Чита, 2009. – С. 90–104.

204. Куренная, И. Г. Азадовский Марк Константинович / И. Г. Куренная // Малая энциклопедия Забайкалья. Наука и образование : в 2 ч. / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. – Новосибирск : Наука, 2011. – Ч. 2. – С. 68.

205. Лебина, Н. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю / Н. Б. Лебина. – М. : Новое литературное обозрение, 2015. – 483 с.

206. Липский Альберт Николаевич [Электронный ресурс] // РУВИКИ – новая российская интернет-энциклопедия. – Режим доступа: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Липский,_Альберт_Николаевич (дата обращения: 20.02.2026).

207. Лобанов, В. Г. Старая Чита : документальный рассказ / В. Г. Лобанов. – 2-е изд., испр. и доп. – Чита : Степанов М. А., 2003. – 336 с.

208. Лынша, О. В. История образования на Дальнем Востоке России (1860–1917 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Лынша Ольга Владимировна. – Владивосток, 2000. – 230 с.

209. Майдачевский, Д. Я. НЭП с народнохозяйственной точки зрения [Электронный ресурс] / Д. Я. Майдачевский // Историко-экономические исследования. – 2022. – № 3. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nep-s-narodnohozyaystvennoy-tochki-zreniya-p-p-maslov-irkutsk-chita-1920-1922-gg> (дата обращения: 05.11.2025).

210. Макаренко, В. Г. Из истории высшего образования на Дальнем Востоке СССР в 1920–1930-е гг. / В. Г. Макаренко // Историческая наука и историческое образование на Дальнем Востоке России : сб. науч. трудов. – Владивосток, 2009. – С. 238–244.

211. Малявина, Л. С. Владимир Иванович Огородников (1886–1938 гг.) – жизнь и судьба первого советского ректора Государственного дальневосточного университета [Электронный ресурс] / Л. С. Малявина // Манускрипт. – 2021. – Т. 14. – № 9. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vladimir-ivanovich-ogorodnikov-1886-1938-gg-zhizn-i-sudba-pervogo-sovetskogo-rektora-gosudarstvennogo-dalnevostochnogo-universiteta> (дата обращения: 13.11.2025).
212. Малявина, Л. С. Государственный Дальневосточный педагогический институт им. Ушинского (г. Владивосток): восстановленная страница истории региональной высшей школы (1921–1923 гг.) [Электронный ресурс] / Л. С. Малявина // Общество: философия, история, культура. – 2018. – № 8 (52). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennyy-dalnevostochnyy-pedagogicheskiy-institut-im-ushinskogo-g-vladivostok-vosstanovlennaya-stranitsa-istorii-regionalnoy> (дата обращения: 13.11.2025).
213. Малявина, Л. С. Между «красными» и «белыми»: наука и высшая школа Дальнего Востока в период Гражданской войны / Л. С. Малявина // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2009. – Т. 66. – № 4. – С. 80–93.
214. Малявина, Л. С. Русско-китайский (Харбинский) политехнический институт на этапе становления (1920–1925 гг.): к 100-летию образования [Электронный ресурс] / Л. С. Малявина // Общество: философия, история, культура. – 2020. – № 10 (78). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/russko-kitayskiy-harbinskiy-politehnicheskiy-institut-na-etape-stanovleniya-1920-1925-gg-k-100-letiyu-obrazovaniya> (дата обращения: 09.11.2025).
215. Малявина, Л. С. Читинский институт народного образования (1921–1923 гг.): уточненные страницы истории первого вуза Забайкалья / Л. С. Малявина // ДВР и завершающий этап гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Чита, 3 ноября 2020 г.) / отв. ред. Е. В. Дроботушенко и др. – Чита : ЗабГУ, 2020. – С. 118–122.
216. Мамкина, И. Н. Забайкальские учительские семинарии (1900–1921 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Мамкина Инна Николаевна. – Чита, 2006. – 208 с.

217. Мамкина, И. Н. Забайкальские учительские семинарии (1900–1921 годы) / И. Н. Мамкина. – Чита : Поиск, 2008. – 162 с.
218. Мамкина, И. Н. Региональные модели управления образованием в императорской России: сибирский вариант: монография / И. Н. Мамкина, А. В. Блинов ; Забайкальский государственный университет. – Чита : ЗабГУ, 2020. – 281 с.
219. Мерцалов, В. И. Дальневосточная республика [Электронный ресурс] // Энциклопедия Забайкалья. – Режим доступа: <https://ez.chita.ru/encycl/concepts/?id=9059> (дата обращения: 01.03.2026).
220. Наука большой страны: советский опыт управления / под ред. Е. А. Долговой; авт: М. В. Грибовский, И. Г. Дежина, Е. А. Долгова, М. О. Окунева, Е. А. Стрельцова, Д. Л. Сапрыкин, С. Б. Ульянова. – М.: РГГУ, 2023. – 625 с.
221. Новиков Александр Петрович [Электронный ресурс] // ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет». – Режим доступа: https://www.dvfu.ru/schools/engineering/structure/departments/departament-morskikh-arkticheskikh-tekhnologiy/kratkaya-istoricheskaya-spravka/?clear_cache=Y (дата обращения: 18.02.2026).
222. Номогоева, В. В. Развитие науки в Бурятии в 20–30-е годы XX века [Электронный ресурс] / В. В. Номогоева // Исследователь/Researcher. – 2009. – № 3–4. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-nauki-v-buryatii-v-20-30-e-gody-xx-veka> (дата обращения: 07.11.2025).
223. Овсянников Владимир Федорович [Электронный ресурс] // Народная энциклопедия Приамурья. – Режим доступа: <https://naenpri.ru/entsiklopediya/ovsjannikovvladimirfedorovich> (дата обращения: 18.02.2026).
224. Очерки истории Восточного Забайкалья. Читинская область. Т. 2 / под общ. ред. Н. В. Гордеева. – Чита : Экспресс-изд-во, 2007. – 240 с.

225. Пай, С. С. К истории педагогического образования на юге Дальнего Востока в 1922–1922 годах / С. С. Пай // Научный аспект. – 2023. – Т. 2. – № 6. – С. 210–219.
226. Пан, Т. А. Гребенщиков Александр Васильевич [Электронный ресурс] / Т. А. Пан // Институт Восточных рукописей РАН. – Режим доступа: https://www.orientalstudies.ru/rus/index.php?option=com_personalities&Itemid=74&person=925 (дата обращения: 18.02.2026).
227. Перфильева, И. А. Дальневосточный революционный комитет [Электронный ресурс] / И. А. Перфильева // Энциклопедия Забайкалья. Режим доступа: <https://ez.chita.ru/encycl/concepts/?id=9301> (дата обращения: 02.03.2026).
228. Покровский Иван Иванович [Электронный ресурс] // Подвиг веры. Новомученики и исповедники Александровской епархии. – Режим доступа: <https://podvigvery.ru/kniga-pamyati/ivan-pokrovskij/> (дата обращения: 20.02.2026).
229. Портнягин Иннокентий Иннокентьевич [Электронный ресурс] // Генеалогическое исследование рода и семьи – найти и узнать свои корни. – Режим доступа: <https://familio.org/persons/2c3bc42c-599d-467b-a78a-f8601ee500a2> (дата обращения: 10.03.2026).
230. Пряженникова, М. В. История строительства Первой женской гимназии в городе Чите / М. В. Пряженникова, О. А. Яремчук, В. В. Кузнецов // Манускрипт. – 2020. – Т. 13. – № 12. – С. 71–79.
231. Резников, В. В. Владимир Алексеевич Алмазов: художественно-педагогическое наследие в контексте становления высшей школы Забайкалья (1921–1923 годы) / В. В. Резников // Забайкалье историческое : материалы III Всероссийской (с международным участием) научной конференции, посвященной памяти Т. А. Константиновой – историка, исследователя и архивиста (Чита, 28 ноября 2025 г.). – Чита : ЗабГУ, 2026. – С. 143–145.
232. Резников, В. В. Институциональная и социокультурная интеграция высшей школы в городское пространство (на примере Государственного института народного образования в 1921–1923 гг. в г. Чите) / В. В. Резников // Самарский научный вестник. – 2025. – Т. 14. – № 4. – С. 97–102.

233. Резников, В. В. Становление высшего образования в Забайкалье: Государственный институт народного образования / В. В. Резников // Записки Забайкальского отделения Российского исторического общества. – 2024. – № 1 (6). – С. 40–43.
234. Резников, В. В. Становление государственного института народного образования в 1921–1922 годы: взгляд периодической печати Дальневосточной республики / В. В. Резников // Гуманитарный вектор. – 2025. – Т. 20. – № 2. – С. 134–143.
235. Резников, В. В. Читинский институт народного образования (1921–1923): кадровые вызовы и организация учебного процесса [Электронный ресурс] / В. В. Резников // Манускрипт. – 2025. – Т. 18. – Вып. 2. – Режим доступа: <https://www.gramota.net/article/mns20250063/fulltext> (дата обращения: 03.04.2025).
236. Резников, В. В. Становление системы рабочих факультетов в Забайкалье (1920-1930) / В. В. Резников, А. А. Шестаков // Молодежная научная весна : Материалы ЛП Научно-практической конференции молодых исследователей ЗабГУ, Чита, 31 марта – 13 2025 года. – Чита: Забайкальский государственный университет, 2025. – С. 264-268.
237. Родионов, Ю. П. Сибирские депутаты в I Государственной думе / Ю. П. Родионов // По страницам российской истории. – Омск : ОмГПУ, 1996. – С. 50–57.
238. Ростовцев, Е. А. Негосударственные образовательные организации и инициативы в России (конец XIX-начало XX века) // Расписание перемен: очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы) / Е. А. Ростовцев, И. В. Сидорчук ; отв. ред. А. Н. Дмитриев. – М. : Новое литературное обозрение, 2012. – С. 294–356.
239. Ростовцев, Е. А. Университет столичного города / Е. А. Ростовцев // Университет и город в России (начало XX века). – М. : Новое литературное обозрение, 2009. – С. 205–370.

240. Руденко, Ю. Т. Половинкин Александр Александрович / Ю. Т. Руденко // Малая энциклопедия Забайкалья. Наука и образование : в 2 ч. / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. – Новосибирск : Наука, 2011. – Ч. 2. – С. 133.
241. Рынков, В. М. «Сибирский бег»: вынужденные миграции на востоке России в годы гражданской войны (1918–1922 гг.) [Электронный ресурс] / В. М. Рынков // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. – 2014. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sibirskiy-beg-vynuzhdennye-migratsii-na-vostoke-rossii-v-gody-grazhdanskoy-voyny-1918-1922-gg> (дата обращения: 28.03.2026).
242. Сажина, А. И. Государственная политика советской власти в области образования и просвещения взрослого населения в 1917–1927 гг. (на материалах Восточного Забайкалья) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Сажина Антонина Иннокентьевна. – Чита, 2015. – 182 с.
243. Сибирская советская энциклопедия : в 4 т. / под общ. ред. М. К. Азадовского и др. – М. ; Новосибирск : Западно-Сибирское отделение ОГИЗ, 1929. – Т. 1 : А–Ж. – С. 2 ; 1931. – Т. 2 : З–К. – С. 2.
244. Сметанина, М. Д. Модели университетов в культурологическом дискурсе [Электронный ресурс] / М. Д. Сметанина // Общество: философия, история, культура. – 2019. – № 10 (66). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/modeli-universitetov-v-kulturologicheskom-diskurse> (дата обращения: 12.11.2025).
245. Советская интеллигенция : краткий очерк истории (1917–1975 гг.) / Л. В. Иванова, С. А. Федюкин, И. И. Чингин и др. ; под ред. С. А. Федюкина ; Институт истории СССР АН СССР. – М. : Политиздат, 1977. – 318 с.
246. Соколова, Т. Л. Правовое регулирование в сфере среднего профессионального образования в РСФСР в 1918–1920-х гг. (историко-правовой аспект) / Т. Л. Соколова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – С. 161–163.
247. Туранский Василий Иванович [Электронный ресурс] // Нижегородская Биографическая Энциклопедия. – Режим доступа:

<https://www.names52.ru/t/tpost/opvgze5z01-turanskii-vasilii-ivanovich>

(дата

обращения: 19.03.2026).

248. Федирко, О. П. Из истории создания высших учебных заведений на Дальнем Востоке России в 1930-е гг. / О. П. Федирко, Р. М. Зайцев // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2017. – № 3 (41). – С. 109–115.

249. Хисамутдинов, А. А. Русское высшее образование в Китае [Электронный ресурс] / А. А. Хисамутдинов // Вопросы образования. – 2015. – № 4. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkoe-vysshee-obrazovanie-v-kitae> (дата обращения: 27.03.2026).

250. Хисамутдинова, Н. В. От Восточного института – к Дальневосточному Федеральному университету [Электронный ресурс] / Н. В. Хисамутдинова // Актуальные вопросы современной науки. – 2009. – № 7–1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-vostochnogo-instituta-k-dalnevostochnomu-federalnomy-universitetu> (дата обращения: 20.10.2025).

251. Хисамутдинова, Н. В. У истоков экономического образования на Дальнем Востоке (1899–1923) [Электронный ресурс] / Н. В. Хисамутдинова, А. А. Хисамутдинов // Территория новых возможностей. – 2020. – № 1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/u-istokov-ekonomicheskogo-obrazovaniya-na-dalnem-vostoke-1899-1923> (дата обращения: 27.03.2026).

252. Хисамутдинова, Н. В. Федеральный университет на Дальнем Востоке: прошлое и будущее [Электронный ресурс] / Н. В. Хисамутдинова // Высшее образование в России. – 2009. – № 5. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/federalnyy-universitet-na-dalnem-vostoke-proshloe-i-budushee> (дата обращения: 20.10.2025).

253. Цуприк, Р. И. Бек (Жукова) Анна Николаевна / Р. И. Цуприк // Малая энциклопедия Забайкалья. Наука и образование : в 2 ч. / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. – Новосибирск : Наука, 2011. – Ч. 1. – С. 109.

254. Чита. Страницы истории / А. О. Баринов и др. ; отв. ред. М. В. Константинов ; Администрация городского округа «Город Чита»,

Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского. – Чита : ЗабГГПУ, 2011. – 333 с.

255. Чу, Тяньгэ. Советское востоковедение в Государственном Дальневосточном университете [Электронный ресурс] / Тяньгэ Чу // Клио. – 2024. – № 4 (208). –

Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskoe-vostokovedenie-v-gosudarstvennom-dalnevostochnom-universitete> (дата обращения: 07.11.2025).

256. Шиндялов, Н. А. Ликвидация «Читинской пробки» [Электронный ресурс] / Н. А. Шиндялов // Россия и АТР. – 2011. – № 1. – Режим доступа:

<https://cyberleninka.ru/article/n/likvidatsiya-chitinskoy-probki> (дата обращения: 09.11.2025).

257. Ярославович, М. Д. НЭП с народнохозяйственной точки зрения: П. П. Маслов, Иркутск – Чита, 1920–1922 гг. [Электронный ресурс] /

М. Д. Ярославович // Историко-экономические исследования. – 2022. – № 3. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nep-s-narodnohozyaystvennoy-tochki-zreniya-p-p-maslov-irkutsk-chita-1920-1922-gg> (дата обращения: 05.11.2025).

Приложение А

Таблица А.1 – Сводная просопографическая таблица профессорско-преподавательского и административного состава ГИНО / ЧитГУ

(1921-1923 гг.)⁴⁷⁷

ФИО	Должность / Ученое звание	Факультет, кафедра, преподаваемые дисциплины	Биографические сведения, институциональный статус и дальнейшая судьба
Азадовский Марк Константинович	Профессор, помощник ректора, и.о. декана	Гуманитарный факультет, кафедра истории русской литературы. Методология истории литературы	Родился в 1888 г. Окончил Петроградский университет. Известный фольклорист. Председатель Историко- литературного кружка. Выбыл 1 июля 1923 г. Позднее профессор ЛГУ, подвергся репрессиям в рамках борьбы с космополитизмом
Алмазов Владимир Алексеевич	Преподаватель	Лепка, скульптура	Скульптор. Образование получил в Строгановском училище (Москва). Автор проекта памятника В.И. Ленину в Чите. Выбыл 1 июля 1923 г. по прошению
Аникина Эмилия Эдуардовна (Рисунок Б.43)	Научный сотрудник (ассистент), преподаватель	Физико- математический факультет. Естественный подотдел. Ассистент по кафедре ботаники. Преподаватель на Рабфаке	Родилась в 1887 г., дочь адвоката. Высшее образование. Проводила полевые сборы для гербария кабинета ботаники. Действующий сотрудник на 1923 г.

⁴⁷⁷ Составлена В.В. Резниковым. По материалам Государственного архива Российской Федерации Ф. А-1565. Оп. 3 Д. 267. ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 6 Д. 258.

Продолжение таблицы А.1

ФИО	Должность / Ученое звание	Факультет, кафедра, преподаваемые дисциплины	Биографические сведения, институциональный статус и дальнейшая судьба
Апелль Р.И.	Преподаватель	Иностранные языки	Приглашен в Читу вместе с группой В.И. Огородникова. Выбыл 10 сентября 1921 г. вследствие отъезда за границу (в Харбин, преподавал в РКПИ)
Бакоряков Елевфорий Иванович	Член Правления	Администрация / Правление университета	Утвержденный член Правления объединенного Читинского государственного университета в 1922-1923 гг.
Балинт Геза Иванович	Преподаватель	Лепка, скульптура	Преподаватель Костромских свободных художественных мастерских. Назначен 1 июля 1921 г. Выбыл 16 сентября 1921 г.
Банщиков А.Н.	Преподаватель	География, минералогия	Горный инженер, видный забайкальский краевед. Привлекался институтом для ведения практических семинаров в условиях кадрового дефицита
Баумович Георгий	Секретарь Правления	Администрация	Исполнял обязанности секретаря Правления университета (в ранний период деятельности) с правом совещательного голоса
Бейнгард В.А.	Преподаватель	Физико-математический факультет. Кафедра математики. Механика, практические занятия по механике	Вновь избран на должность преподавателя 3 июля 1922 г. Действующий сотрудник на 1923 г.

Продолжение таблицы А.1

ФИО	Должность / Ученое звание	Факультет, кафедра, преподаваемые дисциплины	Биографические сведения, институциональный статус и дальнейшая судьба
Бек Анна Николаевна (Рисунок Б.12)	И.о. организатора ГИНО, преподаватель	Рабфак. Анатомия, физиология, гигиена. Зав. вечерним отделением Рабфака	Родилась в 1870 г., дочь чиновника. Временно руководила созданием ГИНО до приезда В.И. Огородникова (1921). Пионер сибирской педологии, позднее профессор Томского университета
Бекеев А.П. (Рисунок Б.44)	Научный сотрудник	Физико-математический факультет. Практические занятия по матанализу и исчислениям	Вел практические занятия на 2 курсе математического подотдела. Действующий сотрудник
Берлинский Николай Николаевич	Преподаватель, ассистент	Физико-математический факультет. Начертательная геометрия, введение в анализ	Родился в 1888 г. Окончил Московский университет (1910). Преподавал математику на Рабфаке. Действующий сотрудник на 1923 г.
Бицуцкий А.М.	Счетовод	Администрация / Канцелярия Правления	Технический служащий, отвечавший за бухгалтерский учет вуза в условиях сложной рыночной экономики ДВР
Бобровников Николай Павлович	Научный сотрудник, секретарь факультета	Физико-математический факультет. Аналитическая геометрия (практика)	Окончил Московский университет (1917). Секретарь физмата с марта 1922 г. Преподаватель Рабфака. Действующий сотрудник

Продолжение таблицы А.1

ФИО	Должность / Ученое звание	Факультет, кафедра, преподаваемые дисциплины	Биографические сведения, институциональный статус и дальнейшая судьба
Дорман Иван Евстигнеевич (Рисунок Б.48)	Преподаватель	Немецкий язык	Родился в 1873 г. Окончил юрфак Петербургского университета (1901). Автор словарных проектов и статьи «Берегите голос детей». Выбыл 1 июля 1923 г. по прошению
Бранке Юлий Владимирович (Рисунок Б.46)	Научный сотрудник (ассистент)	Физико- математический факультет. Кафедра органической химии. Аналитическая химия	Родился в 1887 г., сын профессора. Высшее образование. Вел практику по химии и преподавал на Рабфаке. Действующий на 1923 г.
Бродский Александр Леонидович (Рисунок Б.24)	Преподаватель, и.о. ректора (1923 г.)	Физико- математический факультет. Органическая и аналитическая химия	Последний ректор Читинского университета (с 21 февраля 1923 г.). Автор учебника по органической химии. Пытался спасти вуз от перевода во Владивосток
Бувеский Алексей Николаевич	Временный преподаватель	Элементарная математика, введение в анализ	Окончил Московский университет (1907). Статус: нет данных об отчислении в итоговом отчете
Васильев Михаил Иванович	Ассистент- преподаватель	Кафедра физики	Образование: Техническое училище Цесаревича Николая в Петербурге (1889). Выбыл 1 июня 1922 г.
Веннаминов И.Н.	И.о. заведующего, агроном	Учебно-показательная ферма Агрофака	Специалист-практик. Руководил хозяйственными и практическими работами на новообразованной ферме Агрономического факультета (1923 г.)

Продолжение таблицы А.1

ФИО	Должность / Ученое звание	Факультет, кафедра, преподаваемые дисциплины	Биографические сведения, институциональный статус и дальнейшая судьба
Волков Виктор Иванович	Научный сотрудник, представитель студентов	Кафедра геодезии	Представитель от студенчества в высшем органе управления – Правлении (1921-1922 гг.). Вел летние геодезические полевые практики
Вологдин Г.Ф.	Делопроизводитель	Администрация / Канцелярия Правления	Отвечал за ведение колоссального документооборота Правления (около 11000 входящих и исходящих бумаг за год)
Вологдина Е.Г.	Библиотечный работник	Библиотека ГИНО	Участвовала в сложнейшем процессе систематизации и каталогизации книжных фондов, переданных из бывших гимназий
Вологодский (Гологодский) Ф.А.	Организатор МНП ДВР	Администрация	Первый организатор, официально назначенный Министерством для создания ГИНО. Подал в отставку до завершения организационного этапа
Гаврилов Ф.Н.	Делопроизводитель	Общефакультетская канцелярия	С 13 декабря 1922 г. вел делопроизводство педагогического (бывшего физико-математического) факультета

Продолжение таблицы А.1

ФИО	Должность / Ученое звание	Факультет, кафедра, преподаваемые дисциплины	Биографические сведения, институциональный статус и дальнейшая судьба
Ганнович С.Г.	Машинистка	Администрация / Канцелярия Правления	Технический сотрудник центрального аппарата управления институтом
Гирченко Владимир Петрович (Рисунок Б.47)	Преподаватель	Физико- математический факультет. Кафедра математики. Высшая алгебра	Вновь избран на преподавательскую должность 15 ноября 1922 г.
Гребенщиков Александр Васильевич (Рисунок Б.22)	Профессор, декан (1923)	Гуманитарный факультет. Кафедра языковедения. Экспериментальная фонетика	Профессор ГДУ (Владивосток). Выдающийся синолог и востоковед. Избран по конкурсу в мае 1922 г. В феврале 1923 г. откомандирован обратно в ГДУ
Дрягин Павел Петрович	Временный преподаватель, секретарь факультета	Гуманитарный факультет. История русской критики	Окончил Казанский университет (1917). Секретарь Гумфака. Стал фигурантом публичного скандала: подвергался жесткой травле в прессе как «обломок салонного эстетизма». Совмещал научно- педагогическую деятельность с поэтической работой. Скончался от брюшного тифа 7 октября 1922 г. в Чите
Жеденев Владимир Иванович	Преподаватель	Кафедра чистой математики. Высшая математика, аналитическая геометрия	Действующий преподаватель математического подотдела на 1923 г.

Продолжение таблицы А.1

ФИО	Должность / Ученое звание	Факультет, кафедра, преподаваемые дисциплины	Биографические сведения, институциональный статус и дальнейшая судьба
Жукова А.И.	Преподаватель	Рабфак. Русский язык	Родилась в 1881 г. Происхождение – дочь чиновника. Имела высшее образование и 9 лет педагогического стажа. На Рабфаке с 1 января 1923 г.
Захваткин Виктор Алексеевич (Рисунок Б.18)	Преподаватель, секретарь факультета	Естественный подотдел. Зоология (общая и специальная)	Родился в 1887 г. Доктор философии Цюрихского университета (1914). Создатель зоологического кабинета ГИНО. Позднее декан и профессор университетов Алма-Аты и Перми
Зими́на И.Я.	Машинистка	Общефакультетская канцелярия	Обеспечивала документооборот деканатов и предметных комиссий
Иконников Николай Сафронович	Преподаватель, секретарь Агрофака	Агрономический факультет. Энциклопедия сельского хозяйства	Секретарь Агрономического факультета, руководитель профильной предметной комиссии, разрабатывал концепцию учебного поля. Действующий на 1923 г.
Ильенко М.М.	Регистратор	Администрация / Канцелярия Правления	Технический сотрудник, ответственный за учет студенческого контингента и движение документов
Иозефер Александр Львович	Профессор	Кафедра чистой математики	Прибыл из Сибирской сельскохозяйственной академии (Омск). Избран по всероссийскому конкурсу 12 мая 1922 г.

Продолжение таблицы А.1

ФИО	Должность / Ученое звание	Факультет, кафедра, преподаваемые дисциплины	Биографические сведения, институциональный статус и дальнейшая судьба
Исдаков	Техник-маслодел	Учебно-показательная ферма Агрофака	Специалист-практик, привлеченный для обеспечения работы молочного завода при Агрономическом факультете
Ишерский Владимир Иванович (Рисунок Б.16)	Преподаватель, врач	Естественный подотдел. Основы анатомии и физиологии человека	Окончил медфак Казанского университета. Бывший депутат I Государственной Думы, антибольшевик. Основатель анатомического театра ГИНО. Совмещал преподавание с хирургической практикой
Казаринов Н.В.	Агроном, член комиссии	Агрономический факультет	Входил в состав комиссии специалистов, проектировавшей учебные планы и структуру Агрофака весной 1922 г.
Киселев Целестин Андреевич	Научный сотрудник, зав. библиотекой	Гуманитарный факультет. Педагогический эксперимент. Педология	Родился в 1893 г. Окончил Петроградскую духовную академию. Возглавлял Фундаментальную библиотеку вуза. Выбыл 1 июля 1923 г.
Кожиков Александр Петрович	Ассистент-преподаватель	Кафедра химии	Родился в 1885 г. Окончил Казанский университет (1912)
Кожиков И.Н.	Преподаватель	Рабфак. История	Родился в 1893 г., сын учителя. Имел высшее образование. Работал на Рабфаке с 1 января 1923 г.

Продолжение таблицы А.1

ФИО	Должность / Ученое звание	Факультет, кафедра, преподаваемые дисциплины	Биографические сведения, институциональный статус и дальнейшая судьба
Комаров Гавриил Яковлевич	Преподаватель	Рисование	Директор Читинского Художественно-промышленного техникума. Член Агитпропа. Интегрировал вуз с выставками. Выбыл 1 июля 1923 г.
Кордбова З.О.	Библиотечный работник	Библиотека ГИНО	Участвовала в спасении и инвентаризации разграбленных дореволюционных книжных фондов
Костылев В.И.	Заведующий хозяйством	Администрация / Канцелярия Правления	Курировал ремонт, заготовку дров и выдачу ссуд
Котиков И.П.	Организатор МНП ДВР	Администрация	Сменил Вологодского на посту организатора ГИНО. Ушел в отставку 25 июня 1921 г. перед назначением первого ректора
Красильников В.А.	Делопроизводитель	Общефакультетская канцелярия	Технический сотрудник аппарата факультетского управления
Краснов Захарий Иванович	Представитель студентов	Правление университета	Представлял интересы Коллектива Красного Студенчества в высшем органе управления в 1922-1923 гг.
Крокус И.И.	Ученый-лесовод, член комиссии	Агрономический факультет	Участвовал в разработке концепции и учебных планов лесного отделения Агрофака

Продолжение таблицы А.1

ФИО	Должность / Ученое звание	Факультет, кафедра, преподаваемые дисциплины	Биографические сведения, институциональный статус и дальнейшая судьба
Крюков В.И.	Помощник секретаря	Канцелярия по студенческим делам	Курировал вопросы студенческого контингента, стипендий и трудовой повинности
Кузнецов И.И.	Преподаватель	Рабфак. Русский язык	Родился в 1880 г. Имел высшее образование и 19-летний педагогический стаж
Кузьмич Федор Исидорович (Рисунок Б.29)	Преподаватель, декан, зам. ректора	Агрономический факультет. Геодезия	Родился в 1881 г. Окончил Константиновский межевой институт (Москва). Первый декан Агрофака. Руководил геодезическим кабинетом и летними практиками
Куклярский Федор Федорович	Преподаватель, секретарь факультета	Гуманитарный факультет. Логика, философия, история педагогических идей	Родился в 1888 г. Окончил Петербургский университет. Философ-индивидуалист, беженец из РСФСР. Создатель Философского общества. Выбыл 1 июля 1923 г.
Кушкова Л.В.	Машинистка	Канцелярия по студенческим делам	Обеспечивала обработку документации, связанной с приемом и отчислением учащихся
Лагунов Н.Н.	Делопроизводитель	Канцелярия по студенческим делам	Технический сотрудник, ответственный за учет студенческих дел
Леонов Николай Иванович	Преподаватель	Кафедра русской истории	Прибыл из Томского университета. Избран по конкурсу 1 июля 1922 г.

Продолжение таблицы А.1

ФИО	Должность / Ученое звание	Факультет, кафедра, преподаваемые дисциплины	Биографические сведения, институциональный статус и дальнейшая судьба
Линдберг Георгий Устинович (Рисунок Б.34)	Научный сотрудник, ассистент	Кафедра зоологии. Преподаватель биологии на Рабфаке	Родился в 1894 г. Обучался в Университете Шаняевского (Москва). Ездил в Харбин для закупки микроскопов. Действующий сотрудник на 1923 г.
Липский Альберт Николаевич (Рисунок Б.51)	Научный сотрудник	Кафедра русской истории	Совместно с ректором руководил кабинетом истории. Выбыл 1 марта 1923 г., откомандирован в ГДУ во Владивосток
Малаховский Всеволод Антонович (Рисунок Б.11)	Преподаватель, секретарь Совета	Гуманитарный факультет. Языковедение, старославянский язык	Родился в 1890 г., г. Чита. Окончил Казанский университет (1914). Впоследствии Заслуженный деятель науки РСФСР, основатель кафедры русского языка в Куйбышеве (Самара)
Малеев Всеволод Александрович	Профессор	Кафедра чистой математики	Профессор Томского университета. Избран по всероссийскому конкурсу 22 апреля 1922 г.
Маслов Петр Павлович (Рисунок Б.9)	Профессор, декан (1921-1922)	Гуманитарный факультет. Экономика и право, теория кооперации	Родился в 1867 г. Видный экономист-аграрник, меньшевик. Глава Экономического кружка. Выбыл 1 января 1923 г. в Москву. Академик АН СССР (1929)

Продолжение таблицы А.1

ФИО	Должность / Ученое звание	Факультет, кафедра, преподаваемые дисциплины	Биографические сведения, институциональный статус и дальнейшая судьба
Медяков Владимир Иванович	Преподаватель	Кафедра чистой математики. Аналитическая геометрия	Родился в 1883 г. Окончил Московский университет. Руководитель кружка любителей естествознания. Выдающийся оратор, преподавал математику и на Рабфаке
Мокринский Степан Петрович	Профессор	Кафедра экономики и права. Уголовное право	Профессор Томского и Иркутского университетов. Избран по конкурсу 29 мая 1922 г.
Муравьев Александр Григорьевич	Профессор	Кафедра всеобщей истории	Профессор Иркутского университета. Избран по конкурсу 22 мая 1922 г.
Ненадкевич Константин Автономович (Рисунок Б.26)	Преподаватель	Кафедра минералогии и кристаллографии	Окончил Казанский университет (1898). Ученик В. Вернадского, открыватель месторождений висмута. Позднее лауреат Сталинской премии, член-корреспондент АН СССР
Никифоров Николай Иванович (Рисунок Б.10)	Профессор	Кафедра всеобщей истории	Приват-доцент Киевского университета. Тайно бежал в Маньчжурию 17 сентября 1921 г. В Харбине стал основателем Русской фашистской организации
Новиков Александр Петрович	Научный сотрудник	Кафедра неорганической химии	Ассистент. Заведовал Центральной химической лабораторией школ Читы. Выбыл 1 июля 1923 г.
Обухов Николай Михайлович (Рисунок Б.19)	Профессор	Физико- математический факультет. Физика	Член первого Комитета по созданию ГИНО (июнь 1921 г.). Выбыл 6 сентября 1921 г., эмигрировав в Харбин (в РКПИ)

Продолжение таблицы А.1

ФИО	Должность / Ученое звание	Факультет, кафедра, преподаваемые дисциплины	Биографические сведения, институциональный статус и дальнейшая судьба
Овсянников Владимир Федорович (Рисунок Б.41)	Профессор	Кафедра ботаники и дендрологии	Избран 15 января 1923 г. Разработал проект масштабного озеленения Читы по заказу Горкома. Участвовал в пересмотре программ Агрофака
Огородников Владимир Иванович (Рисунок Б.8)	Профессор, первый Ректор ГИНО	Гуманитарный факультет. Русская история, история Сибири	Родился в 1886 г. Выпускник Казанского университета. Лично разработал план ликвидации ГИНО. С 1 февраля 1923 г. первый ректор объединенного ГДУ. Погиб в лагерях в 1938 г.
Орлов И.И.	Преподаватель	Рабфак. Математика	Родился в 1871 г., сын крестьянина. Имел специальное педагогическое образование и 22-летний стаж работы
Пашков Борис Климентович	Преподаватель	Английский и восточные языки	Прибыл из Иркутского университета. Избран по конкурсу 22 мая 1922 г.
Петров Аркадий Николаевич	Профессор, преподаватель	Гуманитарный факультет. Экономика стран Дальнего Востока, история хозяйства	Профессор ГДУ (Владивосток), выпускник Восточного института. Избран в апреле 1922 г.

Продолжение таблицы А.1

ФИО	Должность / Ученое звание	Факультет, кафедра, преподаваемые дисциплины	Биографические сведения, институциональный статус и дальнейшая судьба
Пинчуков И.А.	Преподаватель	Кафедра чистой математики	Избран 20 августа 1922 г. Член профильной предметной комиссии
Позняк (Поздняк) Александр Дмитриевич	Преподаватель	Кафедра ботаники. Анатомия растений	Окончил Петербургский Лесной институт (1903). Принимал участие в разработке планов Агрофака. Действующий на 1923 г.
Покровский Иван Иванович (Рисунок Б.33)	Заведующий Рабфаком, преподаватель	Рабфак. Общественные науки. Руководитель предметной комиссии	Родился в 1877 г., происхождение – из духовенства. Высшее образование. Педагогический стаж 35 лет. Член Правления ЧитГУ
Половинкин Александр Александрович (Рисунок Б.6)	Профессор, декан, и.о. ректора	Физико-математический факультет. Общее земледевие, география	Родился в 1887 г. (Казанский университет). Министр просвещения ДВР (1922). Позднее проф. МГПИ им. Ленина, член-корреспондент АПН РСФСР. Автор учебника по земледелию
Померанцев А.А.	Преподаватель	Рабфак. Русский язык	Родился в 1877 г. Имел высшее образование и 16-летний педагогический стаж
Попов Павел Иванович (Рисунок Б.17)	Профессор, декан (до мая 1923)	Физико-математический факультет. Неорганическая химия	Окончил Петроградский университет (1900). Работал в Варшавском политехникуме. Действующий член Правления на 1923 г.

Продолжение таблицы А.1

ФИО	Должность / Ученое звание	Факультет, кафедра, преподаваемые дисциплины	Биографические сведения, институциональный статус и дальнейшая судьба
Портнягин Иннокентий Иннокентьевич Рисунок Б.52	Научный сотрудник, ассистент	Кафедра физики. Преподаватель Рабфака	Родился в 1891 г. Имел высшее образование. Действующий сотрудник на 1923 г.
Рубинштейн Моисей Матвеевич	Профессор, и.о. декана (1921)	Гуманитарный факультет. Педагогика	Видный отечественный философ и педагог. Выбыл 10 октября 1921 г. по вызову Сибнаробраза обратно в Иркутский университет
Савинов Н.Е.	Секретарь канцелярии	Канцелярия по студенческим делам	Руководил учетом личных дел студентов. Как студент (самоорганизация) представлял интересы в комиссиях
Сарфельс Арвед Андреевич	Преподаватель	Французский язык. Преподаватель английского на рабфаке	Родился в 1876 г. Образование получил в Сорбонне (Париж). Выбыл 14 июля 1923 г. по прошению
Серебренникова А.И.	Запасной преподаватель	Рабфак	Родилась в 1878 г., дочь чиновника. Специальное педагогическое образование
Смолин Виктор Федорович	Профессор	Кафедра всеобщей истории	Профессор Казанского университета. Избран по всероссийскому конкурсу 22 мая 1922 г.
Соболева С.И.	Помощник заведующего	Библиотека ГИНО	Участвовала в комплектовании книжных фондов университета.
Соколова Елизавета	Научный сотрудник	Кафедра ботаники	Действующий сотрудник на 1923 г., практические занятия

Продолжение таблицы А.1

ФИО	Должность / Ученое звание	Факультет, кафедра, преподаваемые дисциплины	Биографические сведения, институциональный статус и дальнейшая судьба
Соломенный Михаил Иванович	Секретарь Правления, студент	Администрация / Правление	Студент, выполнявший важнейшие административные обязанности секретаря Правления и представлявший интересы студентов в Педкомиссии
Софронов Иннокентий Афанасьевич (Рисунок Б.39)	Научный сотрудник, ассистент	Кафедра зоологии	Зав. отделом Краевого музея им. Кузнецова. Председатель общества естествоиспытателей г. Читы
Союзов Михаил Иванович (Рисунок Б.28)	Научный сотрудник, ассистент	Кафедра землеведения, география, астрономия	Обучался в Московском университете. Бывший поручик Белой армии. Восстановил обсерваторию в Чите, популяризатор науки. Расстрелян в 1938 г.
Станкевич Борис Вячеславович	Профессор	Кафедра физики	Профессор Московского и Иркутского университетов. Избран по конкурсу 29 мая 1922 г.
Стерхов Н.Л.	Преподаватель	Рабфак. Общественные науки	Родился в 1881 г., мещанин. Имел высшее образование и 15 лет стажа
Стейскель	Огородник	Учебно- показательная ферма Агрофака	Специалист, обслуживающий практическую производственную базу Агрономического факультета

Продолжение таблицы А.1

ФИО	Должность / Ученое звание	Факультет, кафедра, преподаваемые дисциплины	Биографические сведения, институциональный статус и дальнейшая судьба
Талан Г.Л.	Член Комитета, секретарь Правления	Администрация	Участвовал в первичном создании и организации работы ГИНО в составе Комитета (с июня 1921 г.)
Толмачев Владимир Яковлевич	Преподаватель	История первобытной культуры, археология	Выбыл 1 января 1922 г. Эмигрировал в Маньчжурию. Стал хранителем музея Общества изучения Маньчжурского края в Харбине
Туранский Василий Иванович (Рисунок Б.53)	Преподаватель	Кафедра математики. Астрономия (описательная и сферическая)	Избран 17 июля 1922 г. Вел лекционные и практические занятия
Филиппов Д.Ф.	Помощник зав. хозяйством	Администрация / Канцелярия Правления	Помогал В.И. Костылеву организовывать физическое жизнеобеспечение (отопление, ремонт) ветшающего здания вуза
Фефелов Дмитрий Иванович	Преподаватель	Физико- математический факультет, кафедра физики	Окончил физмат Московского университета. Создатель лучшего в Чите физического кабинета (более 400 приборов). Выбыл 1 июля 1923 г.
Харчевников Александр Васильевич (Рисунок Б.38)	Преподаватель, и.о. декана (1923)	Гуманитарный факультет. Латинский язык, история античности	Родился в 1889 г., г. Чита. Окончил Харьковский университет (1915). Заведующий отделом истории Краевого музея (исследователь наследия декабристов)

Продолжение таблицы А.1

ФИО	Должность / Ученое звание	Факультет, кафедра, преподаваемые дисциплины	Биографические сведения, институциональный статус и дальнейшая судьба
Хорынский Владимир Сергеевич	Преподаватель	Ручной труд, черчение	Родился в 1876 г. Окончил Киевский политехнический институт (инженер). Организовывал столярно-ремонтные работы силами студентов. Выбыл 1 июля 1923 г.
Цейтлин (Цейнтлин)	Врач (доктор)	Анатомический кабинет	Доктор, пожертвовавший анатомическому кабинету ГИНО ценную коллекцию рентгенограмм
Шрейбер К.С.	Министр народного просвещения ДВР	Администрация	Руководитель МНП ДВР. Выступал с напутственной речью на торжественном открытии ГИНО 9 октября 1921 г.
Шульженко	Агроном, член комиссии	Агрономический факультет	Участвовал в историческом совещании 25 марта 1922 г. по выработке планов организации Агрофака

Приложение Б

Рисунок Б.1 Вестник Просвещения: журнал Министерства народного просвещения ДВР⁴⁷⁸

Рисунок Б.2 – Зачетная книжка ГИНО студентки Сажиной Веры Петровны⁴⁷⁹
Источник: Фонды Музея истории народного образования Забайкалья

⁴⁷⁸ Вестник Просвещения : журнал Министерства народного просвещения ДВР [Электронный ресурс] // Российская государственная библиотека. Режим доступа: <https://search.rsl.ru/ru/record/01007493402> (дата обращения: 15.03.2026).

⁴⁷⁹ Зачетная книжка ГИНО студентки Сажиной Веры Петровны // Фонды Музея истории народного образования Забайкалья.

Рисунок Б.3 – Студентка ГИНО Сажина Вера Петровна⁴⁸⁰

Рисунок Б.4 – Почтовая карточка 1910-1919 гг. с изображением здания Государственного института народного образования⁴⁸¹

⁴⁸⁰ Студентка ГИНО Сажина Вера Петровна // Фонды Музея истории народного образования Забайкалья.

⁴⁸¹ Почтовая карточка 1910-1919 гг. с изображением здания 1 женской гимназии – Чита, №31.

Рисунок Б.5 – Агитационное оформление ГИНО 2 этаж Чкалова, 140 (1920 г.)⁴⁸²

Верхний длинный лозунг (фриз): «ПАРТИЯ – ВПЕРЕД, ПОД ЗНАМЯ ОКТЯБРЯ!».

Нижний лозунг (под аркой): фрагментирован, предположительно «ДА ЗДРАВСТВУЕТ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ...» или «ДА ЗДРАВСТВУЕТ СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ...».

Изображение слева (на переднем плане): всадники в буденовках (отсылка к Первой конной армии)⁴⁸³.

Примечание: Сочетание образов Гражданской войны и Красной Армии свидетельствует о высокой степени идеологизации пространства; вероятно, оформление подготовлено к празднованию Дня Красной Армии и Флота.

⁴⁸² Фонды Музея истории народного образования Забайкалья.

⁴⁸³ Расшифровка текстов лозунгов и изображений дана В.В. Резниковым.

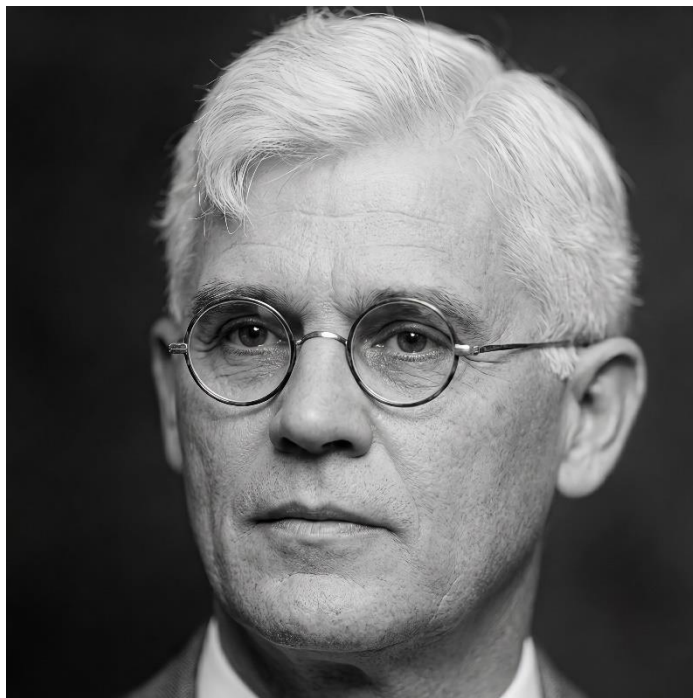

Рисунок Б.6 – Половинкин Александр Александрович⁴⁸⁴

Рисунок Б.7 – Азадовский Марк Константинович⁴⁸⁵

⁴⁸⁴ Половинкин Александр Александрович // Фонды Музея археологии Забайкалья имени И. И. Кириллова.

⁴⁸⁵ Дроботушенко, Н. Е. Азадовский Марк Константинович // Малая энциклопедия Забайкалья. Наука и образование : в 2 ч. / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск : Наука, 2011. Ч. 1. С. 68.

Рисунок Б.8 – Огородников Владимир Иванович⁴⁸⁶

Рисунок Б.9 – Маслов Петр Павлович⁴⁸⁷

⁴⁸⁶ Огородников Владимир Иванович // Фонды Музея истории народного образования Забайкалья.

⁴⁸⁷ Маслов Петр Павлович // Фонды Музея археологии Забайкалья имени И. И. Кириллова.

Рисунок Б.10 – Никифоров Николай Иванович⁴⁸⁸

Рисунок Б.11 – Малаховский Всеволод Антонович⁴⁸⁹

⁴⁸⁸ Стоддард, Л. Бунт против цивилизации / Л. Стоддард. – 1-е изд. – СПб. : Извеков Д. С., 2025. – 264 с.

⁴⁸⁹ Малаховский Всеволод Антонович [Электронный ресурс] // Знание.Вики. Режим доступа: https://znanierussia.ru/articles/Файл:Малаховский,_Всеволод_Антонович.jpg (дата обращения: 20.02.2026).

Рисунок Б.12 – Бек Анна Николаевна⁴⁹⁰

Рисунок Б.13 – Печать Государственного института народного образования⁴⁹¹

⁴⁹⁰ Бек Анна Николаевна // Фонды Музея истории народного образования Забайкалья.

⁴⁹¹ Печать Государственного института народного образования // Реконструкция В. В. Резникова.

Рисунок Б.14 – Карта г. Читы 1923 г.⁴⁹²

⁴⁹² Карта города Читы 1923 г. [Электронный ресурс] // Государственный архив Забайкальского края : сайт. Режим доступа: <http://www.gku-gazk.ru/index.php/podpunkty-2/karty> (дата обращения: 05.10.2025).

Рисунок Б.15 – Здание Государственного института народного⁴⁹³

Рисунок Б.16 – Ишерский Владимир Иванович⁴⁹⁴

⁴⁹³ Фонды Музея истории народного образования Забайкалья.

⁴⁹⁴ Ишерский Владимир Иванович // Личный архив фотографий Лось Андрея Владимировича.

Рисунок Б.17 – Попов Павел Иванович⁴⁹⁵

Рисунок Б.18 – Захваткин Виктор Алексеевич⁴⁹⁶

⁴⁹⁵ Из воспоминаний Павла Ивановича Попова (к 75-летию физфака) [Электронный ресурс] // Физический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова. Режим доступа: [https://phys.msu.ru/rus/about/sovphys/ISSUES-2008/6\(67\)-2008/8393/](https://phys.msu.ru/rus/about/sovphys/ISSUES-2008/6(67)-2008/8393/) (дата обращения: 10.03.2026).

⁴⁹⁶ Захваткин Виктор Алексеевич // Личный архив фотографий Лось Андрея Владимировича.

Рисунок Б.19 – Обухов Николай Михайлович⁴⁹⁷

Рисунок Б.20 – Алмазов Владимир Алексеевич⁴⁹⁸

⁴⁹⁷ Из архива «Особого Северного Казачьего Округа» в Респ.Коми

⁴⁹⁸ Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, 1923 г.

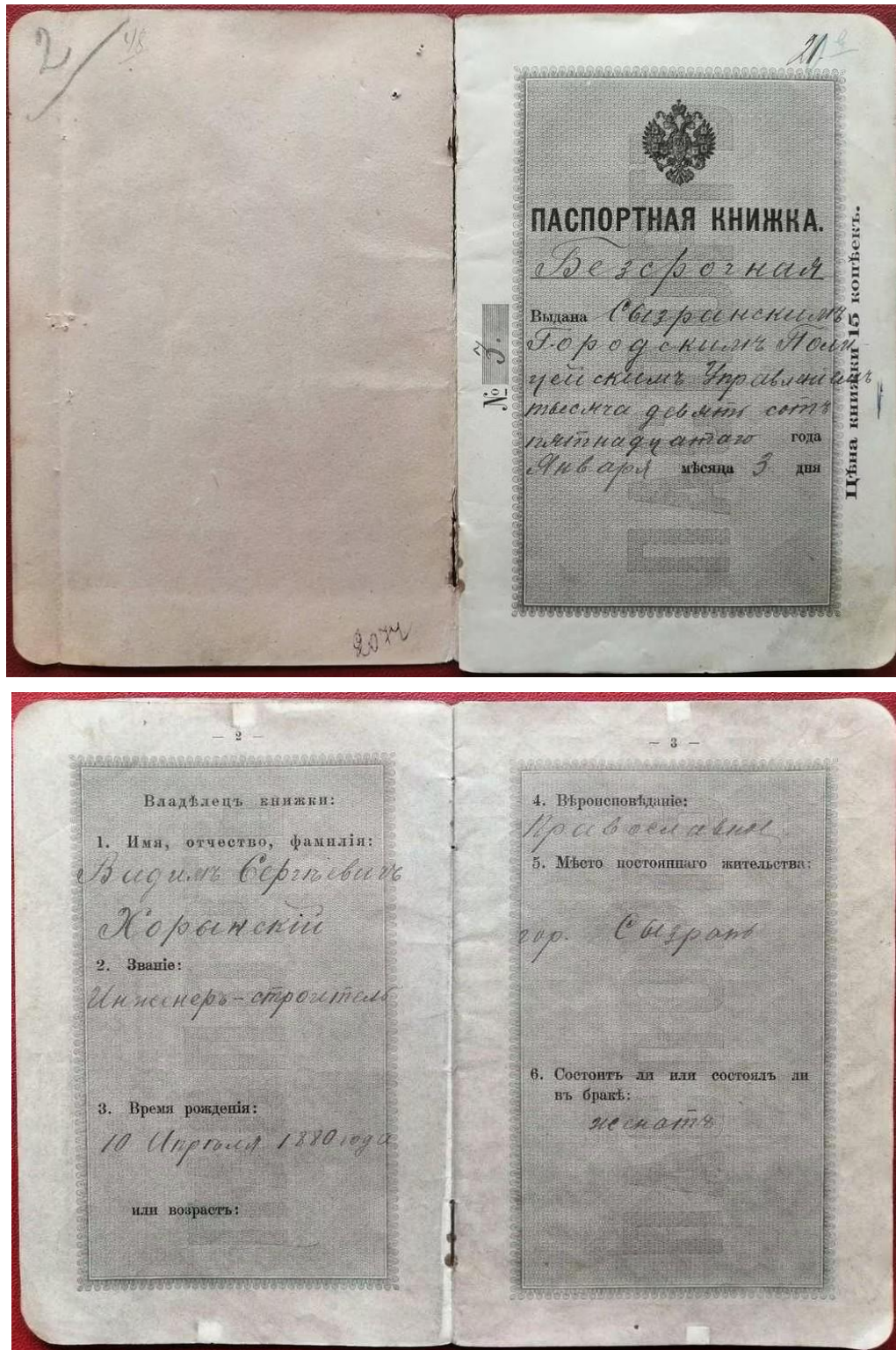

Рисунок Б.21 – Паспортная книжка Вадима Сергеевича Хорынского, преподавателя по ручному труду ГИНО (1915 г.)⁴⁹⁹

⁴⁹⁹ Паспортная книжка Вадима Сергеевича Хорынского преподавателя по ручному труду ГИНО (1915 г.) // Экспонат в экспозиции музея истории УМВД России по Забайкальскому краю, посвященной теме политических репрессий в СССР (1917–1991).

Рисунок Б.22 – Гребенщиков Александр Васильевич⁵⁰⁰

Рисунок Б.23 – Брошюра «Что было на Чертовом бугре»,
изданная А.А. Половинкиным⁵⁰¹

⁵⁰⁰ Пан Т. А. Гребенщиков Александр Васильевич [Электронный ресурс] // Институт Восточных рукописей РАН. Режим доступа: https://www.orientalstudies.ru/rus/index.php?option=com_personalities&Itemid=74&person=925 (дата обращения: 18.02.2026).

⁵⁰¹ Брошюра «Что было на Чертовом бугре», изданная А. А. Половинкиным // Фонды Музея истории народного образования Забайкалья.

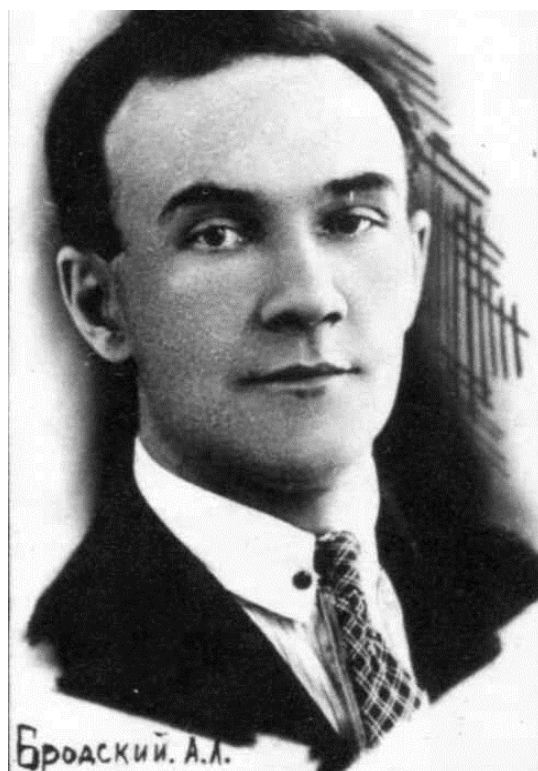

Рисунок Б.24 – Бродский Александр Леонидович⁵⁰²

Рисунок Б.25 – Труды Государственного института народного образования⁵⁰³

⁵⁰² Бродский Александр Леонидович // Личный архив фотографий Лось Андрея Владимировича.

⁵⁰³ Труды Государственного Института Народного Образования в г. Чите. Вып. 1. Чита : Типография Забайкальского губкома РКП, 1922.

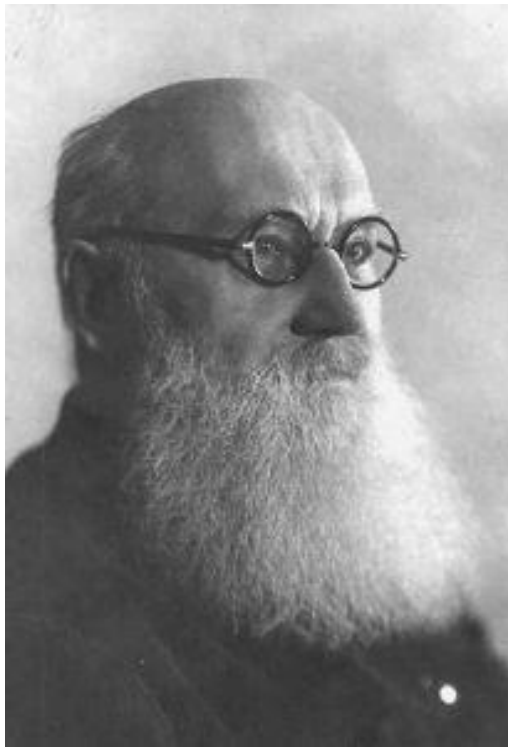

Рисунок Б.26 – Ненадкевич Константин Автономович⁵⁰⁴

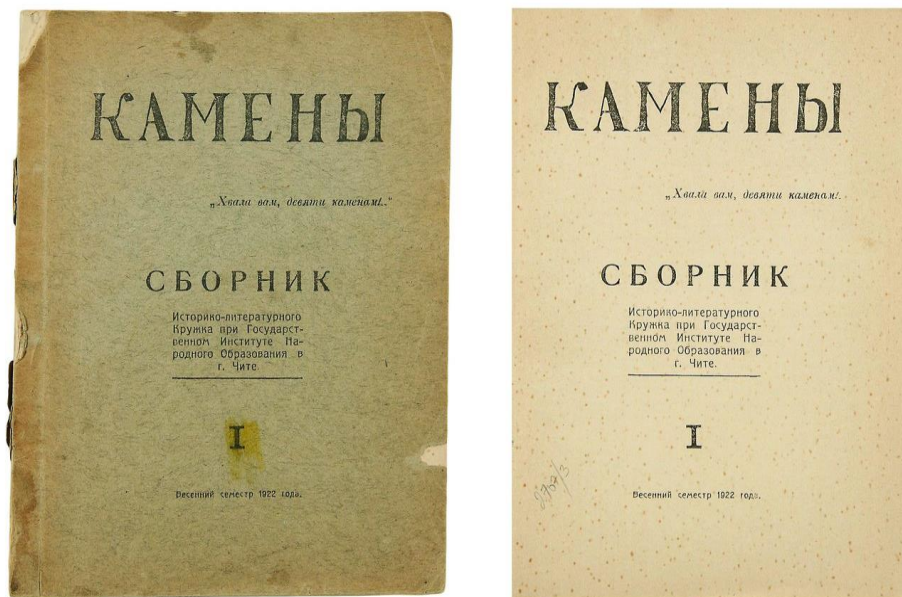

Рисунок Б.27 – Камени: сборник историко-литературного кружка при Государственном институте народного образования в г. Чите⁵⁰⁵

⁵⁰⁴ Ненадкевич Константин Автономович [Электронный ресурс] // Информационная система Архивы Российской академии наук. Режим доступа: <https://isaran.ru/?q=ru/person&guid=624990E3-F013-58F3-5733-E5C650280891&ysclid=mrk9tiwsnt334555784> (дата обращения: 20.02.2026).

⁵⁰⁵ Камени : сборник историко-литературного кружка при Государственном институте народного образования в г. Чите [Электронный ресурс] // Российская государственная библиотека. Режим доступа: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01009041517?page=1&rotate=0&theme=white> (дата обращения: 15.03.2026).

Рисунок Б.28 – Союзов Николай Иванович⁵⁰⁶

Рисунок Б.29 – Кузьмич Федор Иосифович⁵⁰⁷

⁵⁰⁶ Союзов Николай Иванович // Фонды Забайкальского краевого краеведческого музея имени А. К. Кузнецова.

⁵⁰⁷ Кузьмич Федор Иосифович // Личный архив фотографий Лось Андрея Владимировича.

Рисунок Б.30 – На обороте паспарту надпись
«Преподаватели и студенты Читинского ИНО». Предположительно 1922 г.⁵⁰⁸

Рисунок Б.31 – Вечернее отделение рабфака Читинского ИНО.
Вероятнее всего 1923 г.⁵⁰⁹

⁵⁰⁸ Личный архив фотографий Лось Андрея Владимировича.

⁵⁰⁹ Фонды Музея истории народного образования Забайкалья.

Рисунок Б.32 – Общеобразовательные курсы при Рабфаке в (1922-1923 гг.)⁵¹⁰

Дата в правом верхнем углу: «24/VI - 23 г.» (24 июня 1923 года). Это конец учебного года, вероятно, идет экзамен или зачет. Надпись на раме доски: Написано мелом поверху: «Красная школа – кузница будущего». На доске: формула, сверху крупно написано основное тригонометрическое тождество. «Реализм Пушкина и Гоголя». «Крах капитализма». Пункт 4): «Воля к жизни»⁵¹¹.

Снимок идеально фиксирует «синкретизм» образования 1920-х годов. В одной аудитории одновременно спрашивают тригонометрию, русскую классику и актуальную политическую. Дата 24 июня 1923 года подтверждает, что это окончание первого года обучения рабфака при ГИНО.

⁵¹⁰ Фонды Музея истории народного образования Забайкалья.

⁵¹¹ Расшифровка надписей на доске дана В.В. Резниковым.

Рисунок Б.33 – Покровский Иван Иванович⁵¹²

Рисунок Б.34 – Линдберг Георгий Устинович⁵¹³

⁵¹² Покровский Иван Иванович [Электронный ресурс] // Подвиг веры. Новомученики и исповедники Александровской епархии. Режим доступа: <https://podvigvery.ru/kniga-pamyati/ivan-pokrovskij/> (дата обращения: 20.02.2026).

⁵¹³ Иванков В. Н. Г.У. Линдберг и ихтиология на Дальнем Востоке // Биология моря. 2000. Т. 26. № 1. С. 69–71.

Рисунок Б.35 – Новиков Александр Петрович⁵¹⁴

Рисунок Б.37 – Забайкальское общество любителей астрономии (ЗОЛА),
основанное в 1922 г. Второй слева – сотрудник музея М.И. Союзов⁵¹⁵

⁵¹⁴ Новиков Александр Петрович [Электронный ресурс] // ФГАОВ ВО «Дальневосточный федеральный университет». Режим доступа: https://www.dvfu.ru/schools/engineering/structure/departments/departament-morskikh-arkticheskikh-tekhnologiy/kratkaya-istoricheskaya-spravka/?clear_cache=Y (дата обращения: 18.02.2026).

⁵¹⁵ Забайкальское общество любителей астрономии // Фонды Забайкальского краевого краеведческого музея имени А. К. Кузнецова.

Рисунок Б.38 – Харчевников Александр Васильевич⁵¹⁶

Рисунок Б.39 – Сотрудники Читинского музея. 1923–1924 гг.

Сидят: И.А. Софронов (преподаватель ГИНО), А.В. Харчевников (преподаватель ГИНО), А.К. Кузнецов, И.П. Малков, М.Я. Попов.

Стоят: В.В. Мальков, В.М. Дементьева, В.Ф. Аверин⁵¹⁷.

⁵¹⁶ Харчевников Александр Васильевич [Электронный ресурс] // База данных жертв политических репрессий в СССР (1917–1991 гг.) «Открытый список». Режим доступа: [https://ru.openlist.wiki/Харчевников_Александр_Васильевич_\(1889\)](https://ru.openlist.wiki/Харчевников_Александр_Васильевич_(1889)) (дата обращения: 19.03.2026).

Рисунок Б.40 – Толмачев Владимир Яковлевич⁵¹⁸

Рисунок Б.41 – Овсянников Владимир Федорович⁵¹⁹

⁵¹⁷ Сотрудники Читинского музея. 1923–1924 гг. // Фонды Забайкальского краевого краеведческого музея имени А. К. Кузнецова.

⁵¹⁸ Алкин С. В. Толмачев В. Я. [Электронный ресурс] // Энциклопедия Забайкалья. Режим доступа: <https://ez.chita.ru/encycl/person/?id=6181> (дата обращения: 20.02.2026).

⁵¹⁹ Овсянников Владимир Федорович [Электронный ресурс] // Народная энциклопедия Приамурья. Режим доступа: <https://naenpri.ru/entsiklopediya/ovsjannikovvladimirfedorovich> (дата обращения: 18.02.2026).

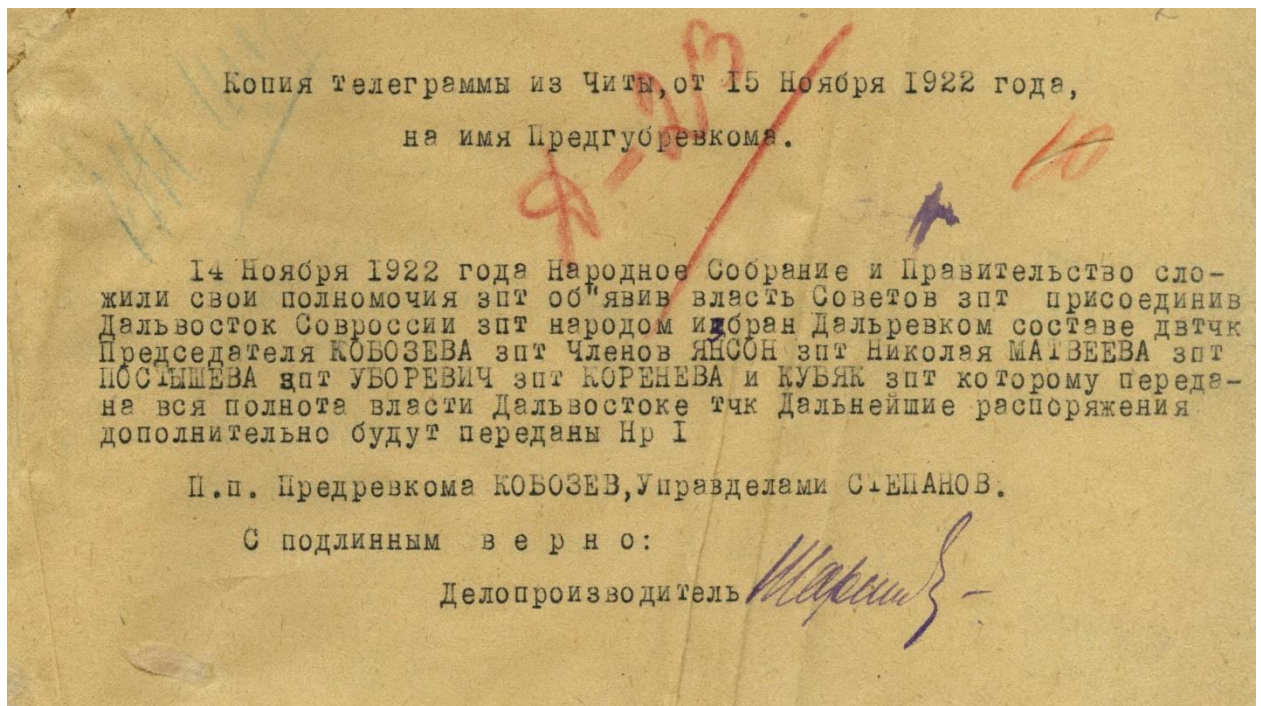

Рисунок Б.42— Копия телеграммы из Читы от 15 ноября 1922 года на имя
Предгубревкома⁵²⁰

Рисунок Б.43— Аникина Эмилия Эдуардовна⁵²¹

⁵²⁰ Копия телеграммы из Читы от 15 ноября 1922 года на имя Предгубревкома // Фонды Музея истории народного образования Забайкалья.

⁵²¹ Аникина Э. Э. Памятники растительности Пермской области // Беречь природу Прикамья. Пермь, 1966. Вып. 1. С. 43.

Рисунок Б.44 – Бекеев Александр Петрович⁵²²

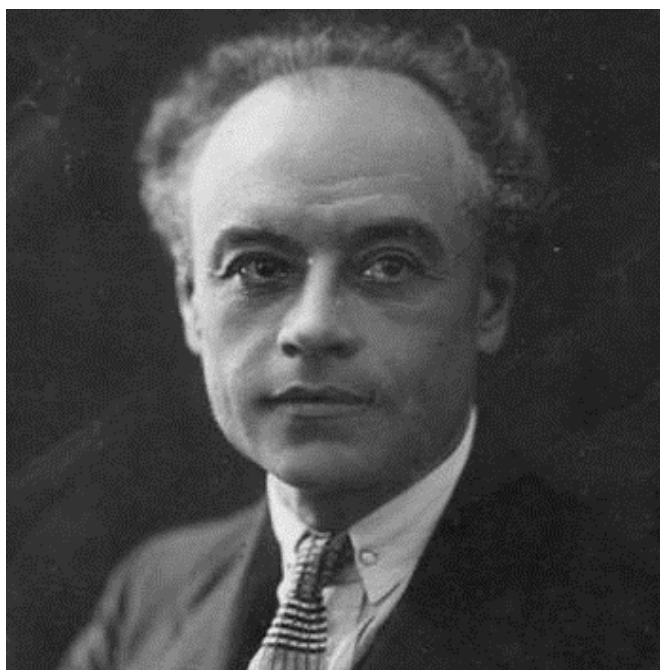

Рисунок Б.45 – Богашев Капитон Михайлович⁵²³

⁵²² Бекеев Александр Петрович // Личный архив фотографий Лось Андрея Владимировича.

⁵²³ Богашев Капитон Михайлович [Электронный ресурс] // Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области / сост. и отв. ред. С. А. Папков. Новосибирск, 2014. Вып. 4. Режим доступа: https://nkvd.tomsk.ru/content/editor/Knigi%20Pamati/Nowosib._obl/4-Kniga-Pamyati-Novosibirskoj-obl-Tom-4.pdf (дата обращения: 18.02.2026).

Рисунок Б.46 – Бранке Юлий Владимирович⁵²⁴

Рисунок Б.47 – Гирченко Владимир Петрович⁵²⁵

⁵²⁴ Бранке Юлий Владимирович // Личный архив фотографий Лось Андрея Владимировича.

⁵²⁵ Жеребцов Г.А. Гирченко Владимир Петрович [Электронный ресурс] // Энциклопедия Забайкалья. Режим доступа: <https://ez.chita.ru/encycl/person?id=1053> (дата обращения: 20.02.2026).

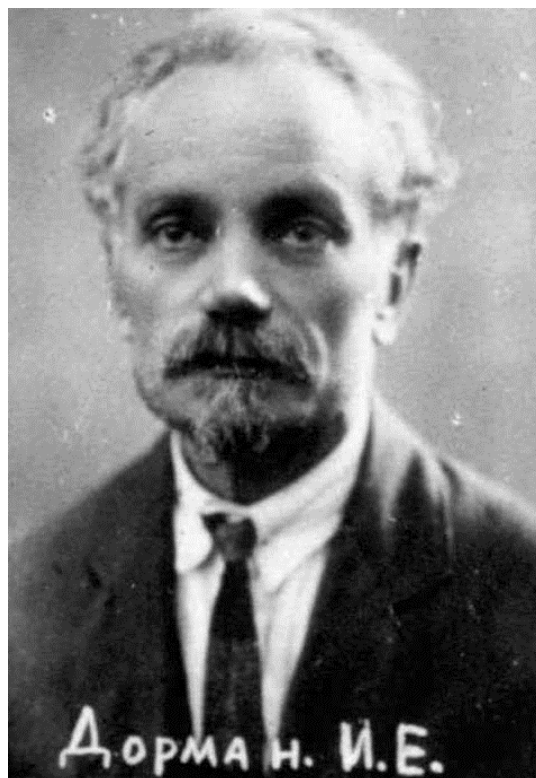

Рисунок Б.48 – Дорман Иван Евстигнеевич⁵²⁶

Рисунок Б.49 – Задорожный Николай Степанович⁵²⁷

⁵²⁶ Дорман Иван Евстигнеевич // Личный архив фотографий Лось Андрея Владимировича.

⁵²⁷ Художник Н. С. Задорожный. Автопортрет, исполненный карандашом [Электронный ресурс] // Рубеж. Харбин. 1932. № 10 (215). Режим доступа: <https://artz.ru/download/1804783740/1805172601/1> (дата обращения: 18.02.2026).

Рисунок Б.50 – Ильяшенко Федор Евгеньевич⁵²⁸

Рисунок Б.51 – Липский Альберт Николаевич⁵²⁹

⁵²⁸ Ильяшенко Федор Евгеньевич [Электронный ресурс] // Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917-1991). Режим доступа: <https://memory.pvost.org/pages/ilijashenko.html> (дата обращения: 20.02.2026).

⁵²⁹ Липский Альберт Николаевич [Электронный ресурс] // РУВИКИ – новая российская интернет-энциклопедия. Режим доступа: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Липский,_Альберт_Николаевич (дата обращения: 20.02.2026).

Рисунок Б.52 – Портнягин Иннокентий Иннокентьевич⁵³⁰

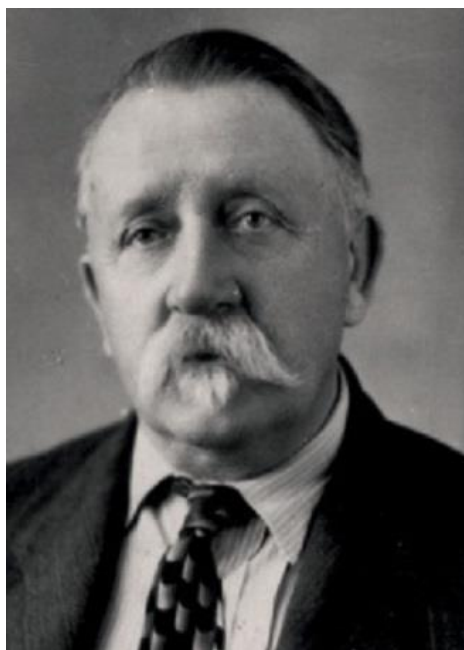

Рисунок Б.53 – Туранский Василий Иванович⁵³¹

⁵³⁰ Портнягин Иннокентий Иннокентьевич [Электронный ресурс] // Генеалогическое исследование рода и семьи – найти и узнать свои корни и происхождение онлайн бесплатно на Familio. Режим доступа: <https://familio.org/persons/2c3bc42c-599d-467b-a78a-f8601ee500a2> (дата обращения: 10.03.2026).

⁵³¹ Туранский Василий Иванович [Электронный ресурс] // Нижегородская Биографическая Энциклопедия. Режим доступа: <https://www.names52.ru/t/post/opvgze5z01-turanskii-vasilii-ivanovich> (дата обращения: 19.03.2026).

Приложение В

Диаграмма В.1 – Финансирование Государственного института народного образования в г. Чите за 1921-1922 академический год⁵³²

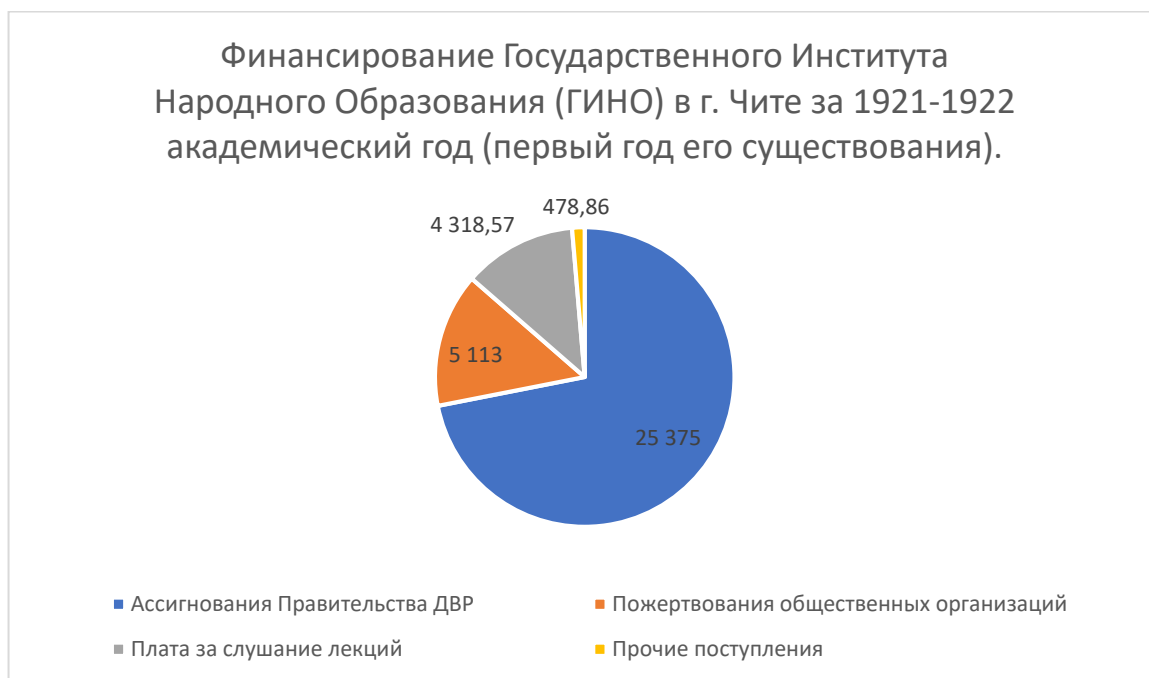

Диаграмма В.2 – Денежный отчет за 1922-1923 академический год по ГИНО в г. Чите⁵³³

⁵³² Составлена В.В. Резниковым.

⁵³³ Составлена В.В. Резниковым.

Диаграмма В.3 – Социальный состав студенчества⁵³⁴

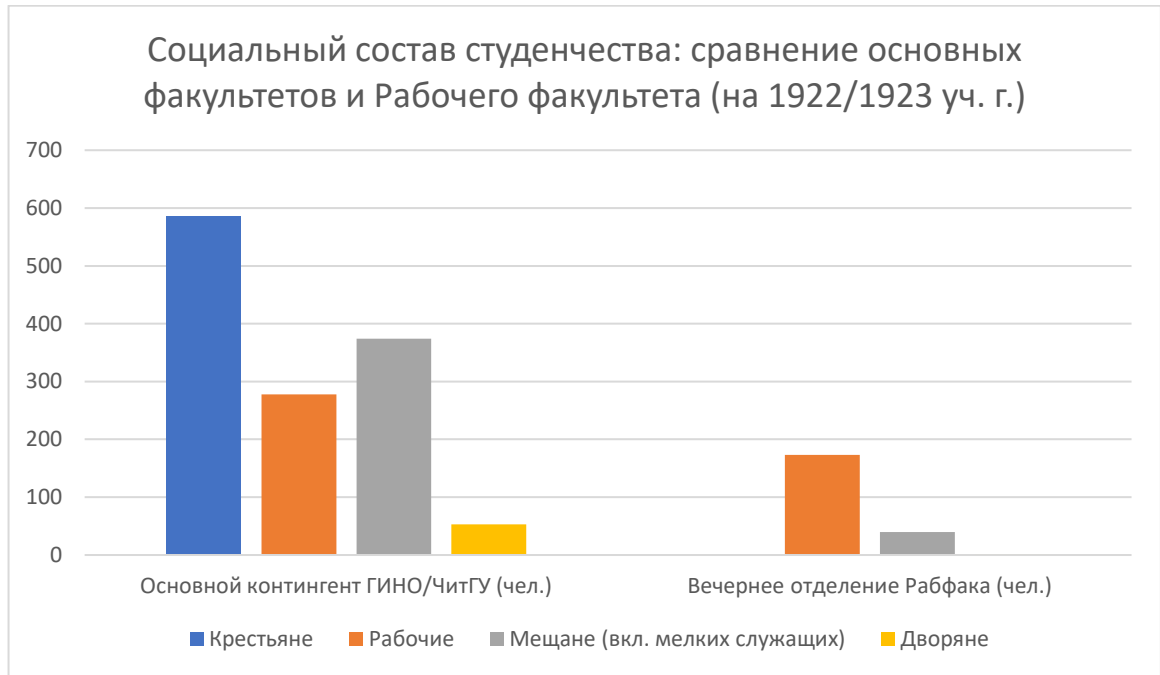
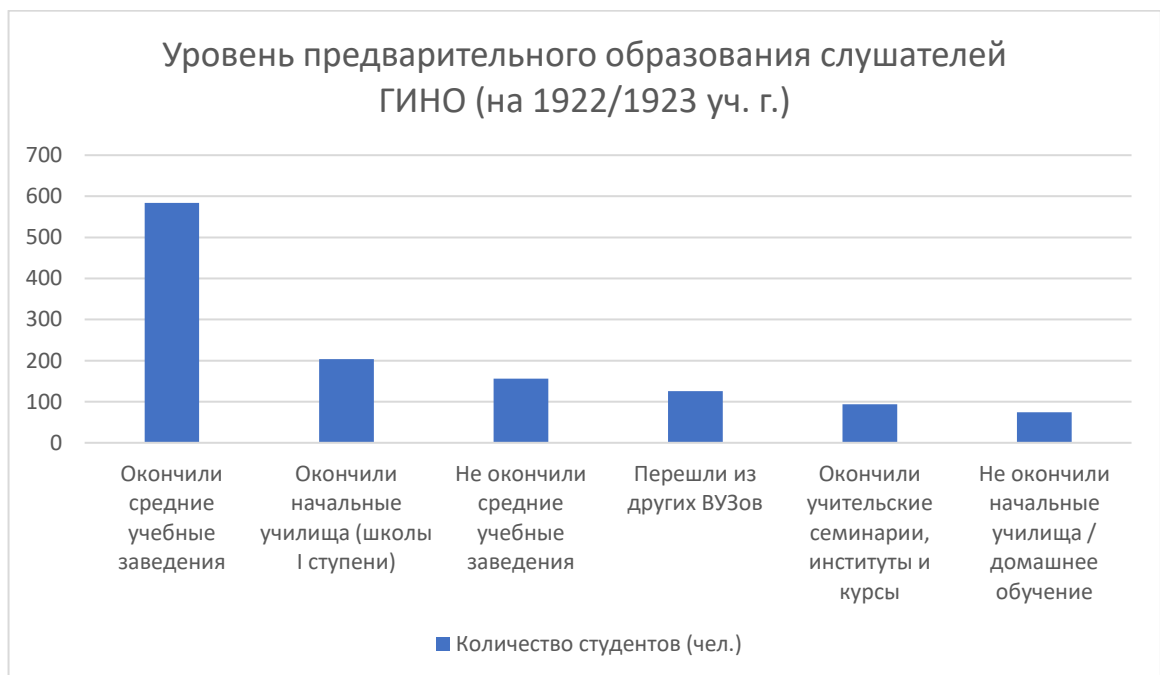

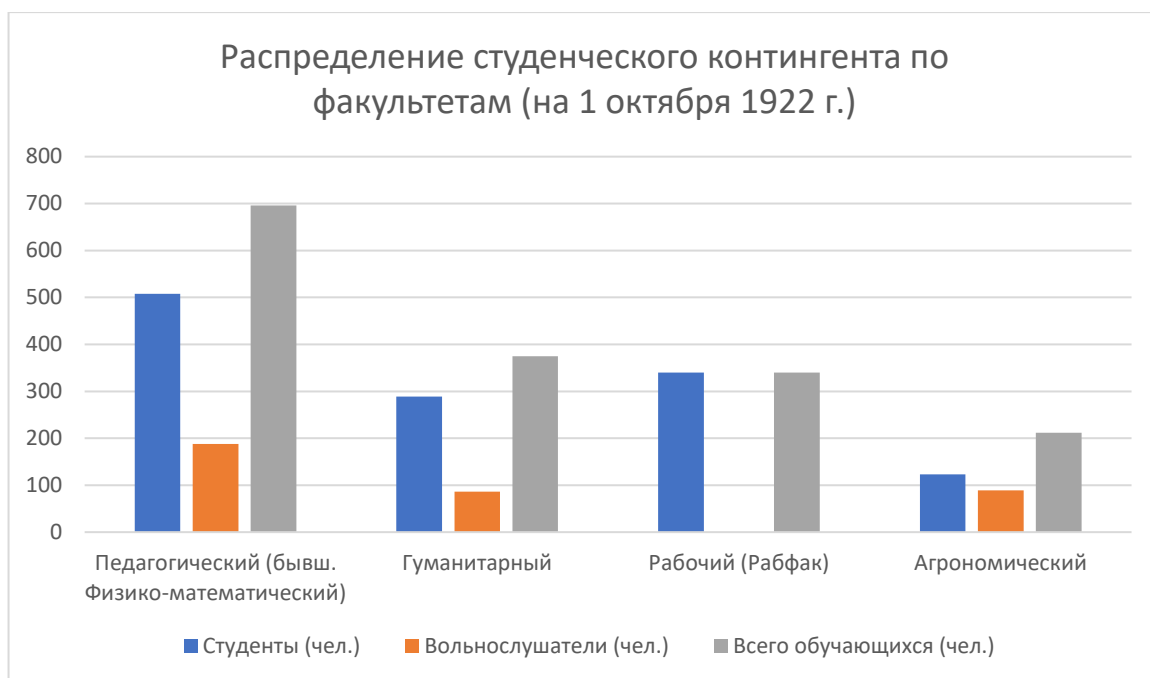
Диаграмма В.4 – Уровень предварительного образования слушателей ГИНО на 1922-1923 учебный год⁵³⁵

⁵³⁴ Составлена В.В. Резниковым.

⁵³⁵ Составлена В.В. Резниковым.

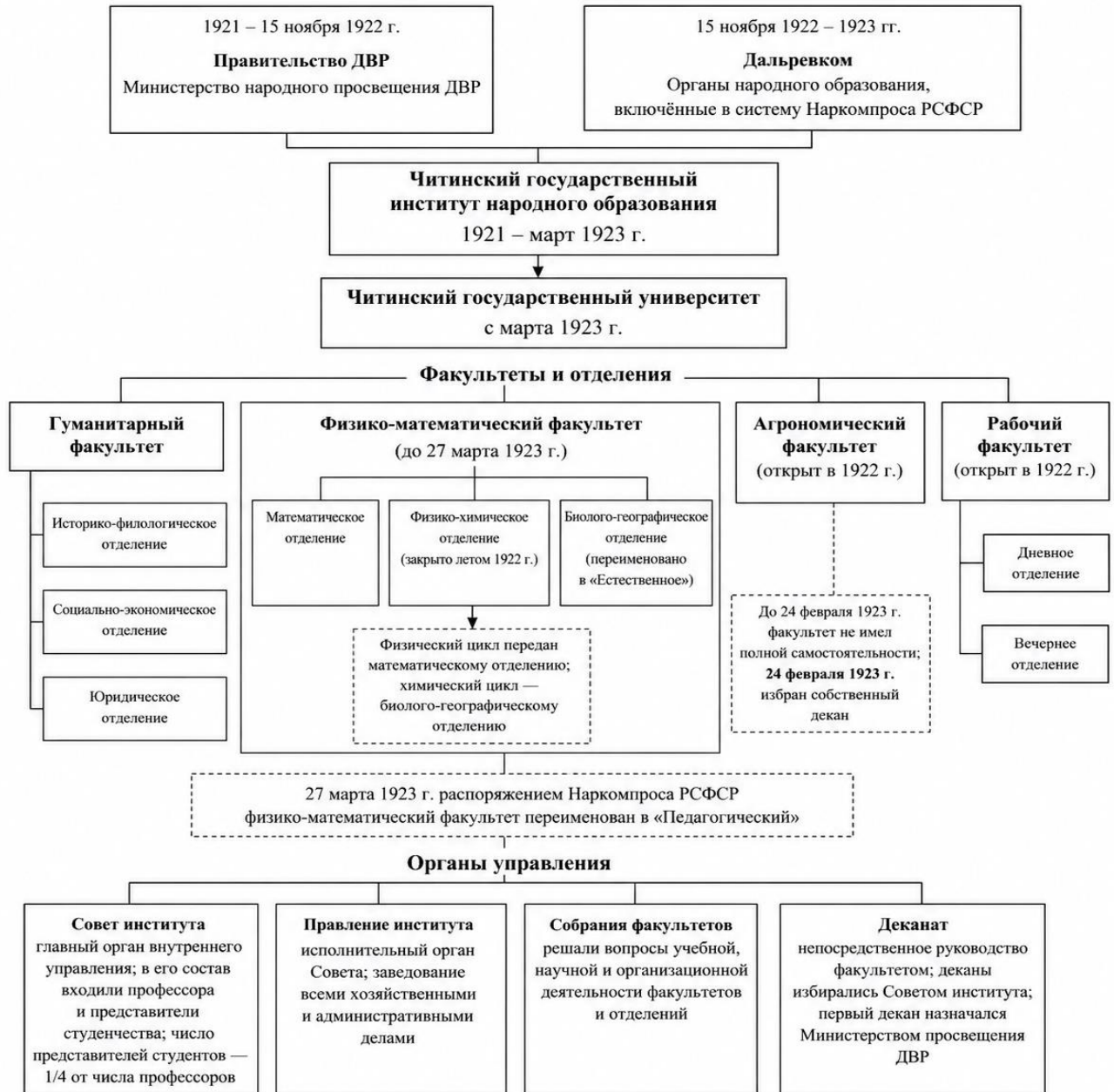
Диаграмма В.5 – Распределение студенческого контингента по факультетам
на 1 октября 1922 г.⁵³⁶

⁵³⁶ Составлена В.В. Резниковым.

Приложение Г

Схема Г.1 – Организационная и учебная структура Читинского ГИНО –
Читинского государственного университета в 1921-1923 гг.⁵³⁷

⁵³⁷ Составлена В.В. Резниковым. По материалам Государственного архива Российской Федерации Ф. А-1565. Оп. 3 Д. 267. ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 6 Д. 258.